

РЕВАЗ
МИШВЕЛАДЗЕ

БЕЛКА
В КОЛЕСЕ

Роман

Լույսն աչքի 15-ը

Լույսն աչքի

Երկրորդ համար

Հոկտեմբեր 2017

Ը. Մ. Գ.

2017 թ.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ
«РУССКИЙ КЛУБ»

Реваз Мишвеладзе

БЕЛКА В КОЛЕСЕ

Роман

Издательство «Вестник Грузии»

2016

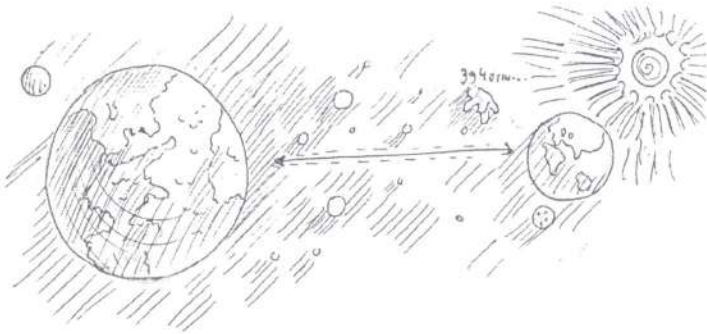
В новом романе Ревaza Мишвеладзе, народного писателя Грузии, лауреата премии имени Шота Руставели, описывается история Грузии на протяжении первого десятилетия XXI века. На страницах романа прослеживается, как, словно за игорным столом, распоряжался судьбами простых граждан распоясавшийся властитель. Роман предостерегает также от прискорбной тенденции безнаказанности преступлений.

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

Руководитель проекта –
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ
заслуженный артист РФ

R239.549
3

© **Русский клуб**. 2016
ISBN 978-9941-0-9328-9

ПРОЛОГ

24 июля 2015 года ученые обнаружили новую планету «Кеплер 452».

Открытием новой планеты никого теперь не удивишь: на протяжении последних пятидесяти лет охваченные охотничьим азартом астрономы открывали в нашем бескрайнем космосе в неделю по крайней мере 74 планеты, но «Кеплер 452» отличалась той особенностью, что из всех открытых планет более всего походила на Землю.

По сей день из полутора миллионов известных нам блуждающих светил все поголовно, и даже наша престарелая Луна, считаются мертвыми планетами. А эта новая планета - ни много ни мало - оказалась живой. Причем настолько живой, что еще и нарядилась в прекраснейшие одежды из голубых облаков, а значит, на этой планете есть вода, со всем вытекающими из нее благами - флорой и фауной.

Гражданам, опечаленным неизбежностью угасания солнца (через каких-то там 108 миллионов лет), сверхоптимистично настроенные ученые подарили надежду, что если когда-нибудь (не научный термин) наша родная земля станет непригодной для жизни, мы сможем собрать пожитки и переселиться на новую (на самом деле на два миллиарда лет старше нашей) планету.

... И все же бить от радости в ладоши рано, дорогие читатели: «Кеплер 452» находится на расстоянии 1500 световых лет от Земли, и с помощью технических средств, находящихся в нашем распоряжении, мы сможем появиться гостями на новой планете самое малое через 57 веков.

А если случится чудо, и нам на сверх-сверх-сверхскоростных кораблях в один прекрасный (не знаю, можно ли его назвать прекрасным) день предстоит переселиться на «Кеплер 452», мы окажемся перед од-

ной трудноразрешимой проблемой.

Что взять с собою нам, многотысячелетней пылью земною покрытым людям, на новую планету, и что оставить здесь - на вечное исчезновение и забвение?

Вот о чем написан этот роман.

Тем, кто намерен отправляться с нами - покорнейшая просьба: если уже написанные автором сочинения вызвали неприязнь, не читать эту вещь с пятого на десятое.

Может, достанет вам выдержки прочитать все - с начала и до конца.

А в остальном - мира вам и душевного спокойствия.

Всегда Ваш

Реваз МИШВЕЛАДЗЕ

5.01. 2016

Тбилиси

19 октября 2010 года, в 11 часов 34 минуты раздался стук в двери квартиры фотожурналиста Лаврентия Микава.

Хозяин, долговязый, голубоглазый, светловолосый, басистогластый, облаченный в спортивную пижаму, длинноносый, приближающийся к семидесятилетию, открыл двери и улыбнулся гостям:

- Вам поручено? Прошу, проходите.

Их было двое. Не ответивших улыбкой на улыбку.

И это удивило Лаврентия.

Тот, что чуть поплотнее, без очков, с порога открыл кожаную папку.

- Вы - Лаврентий Микава?

- Да, проходите, присаживайтесь, - кивнул он в сторону стола.

Полицейские сели за стол.

- Я голубей накормлю, и сейчас же к вам вернусь.

- Да, пожалуйста.

Лаврентий вышел на балкон своей двухкомнатной квартиры, снял крышку с горшочка, насыпал на перила зерна для теснившихся голубей и вернулся в комнату.

Гости вперили взоры в собственные ногти.

- Господин Лаврентий, - кряхтя, приступил к сути дела обладатель кожаной папки. - С недобрыми мы к вам вестями.

- Знаю, - спокойно ответил Микава.

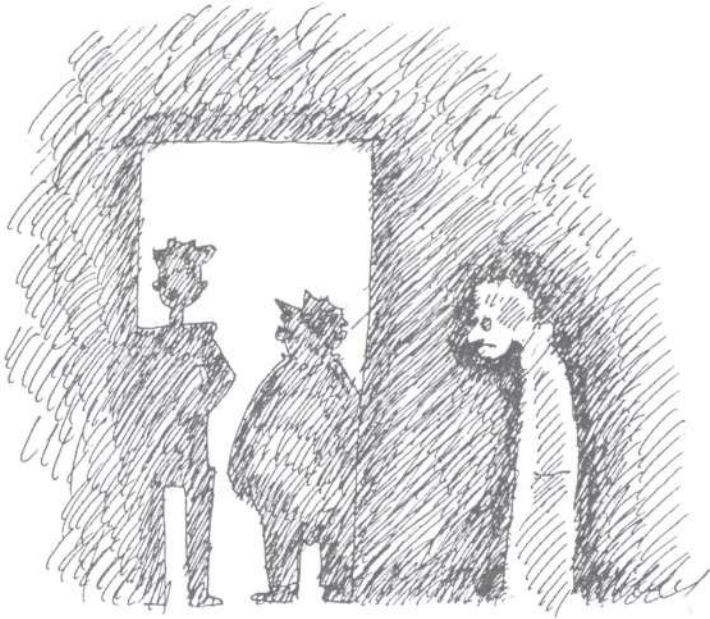
- Вы арестованы, вот ордер на обыск.

- Я же сказал, в обыске нет необходимости.

- Кому сказали? - оперуполномоченные переглянулись.

- А чего у меня искать?

- Не можем ничего вам пояснить, господин Лаврентий, мы люди маленькие, - подал голос второй опер в черных очках. - Дома ли члены семьи?

- Я живу один, у меня никого нет.

- Совсем никого?

- Родственники, но они живут в Кутаиси.

- Может, соседей позовете поприсутствовать при обыске? Формальность, сами ведь знаете.

Лаврентий встал, выходя в коридор, оставил двери открытыми и нажал на кнопку соседского звонка.

- Кто там?

- Майя, это я, Лаврентий.

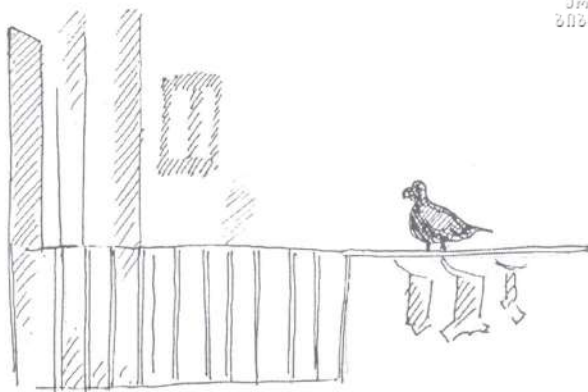
Двери открыла женщина с совыми глазами и обвязанным лбом.

- На обыск ко мне пришли, соседи должны присутствовать, ради Бога, зайди на минутку. Ключи прихвати, чтобы дверь не защелкнулась.

Майя не проронила ни слова. Прошла следом за Лаврентием и встала в дверях.

Обыск продолжался недолго.

Единственное, что показалось сыщикам подозрительным - стенограмма беседы бывших президентов Турции и Грузии, обнаруженная в пыльной папке, втиснутой на книжную полку. Они решили забрать ее с

собой, как и несколько визитных карточек и фотопленок.

Все остальное в доме Микава не вызвало возражений. Протокол обыска был составлен, помимо полицейских, его подписали и Майя, и Лаврентий. Лаврентия попросили подготовиться.

- К чему тут готовиться? - надтреснутым голосом спросил хозяин дома.

- Ну, не знаю, теплые вещи, смену белья... Платки, носки...

- Теплые подштанники я и летом ношу. Мерзляк я. А у вас что, очень холодно?

Полицейские в ответ промолчали, и Лаврентий сам понял, что задал неуместный вопрос.

Через пятнадцать минут Лаврентий с патрульными стоял у дверей лифта.

Протянул Майе ключи.

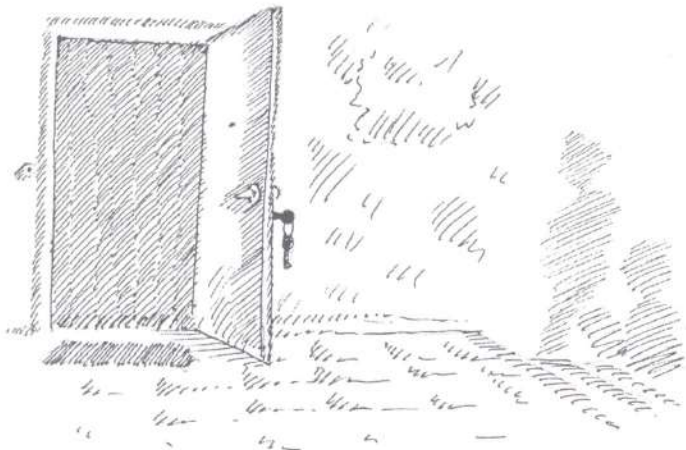
- Майя, дорогая, присмотри за голубями. В Кутаиси пока никого не извещай. Тут какое-то недоразумение, меня скоро выпустят.

Майя взяла ключи, и на этот раз промолчала.

По лестнице управления полиции Лаврентия, греха на душу брать не буду, провели не как опасного преступника - заломив руки и наклонив голову, а мирно, беспрепятственно, «под белые рученьки» - через парадный вход.

Там, наверху, Лаврентия дожидался Максим, штатный фотограф Министерства внутренних дел.

- Что случилось, уважаемый Лаврентий? - поинтересовался Максим.

- Ничего особенного, скоро все выяснится. У меня просьба одна, будь другом, сними меня не в фокусе, наведи на лицо туман. Чтобы по телевизору я не обозначился.

- Не знаю, приказано фотографировать четко. Будь моя воля... Ты ведь знаешь... Будь моя воля...

Запletaющийся язык Максима показался Лаврентию дурным знаком.

Его остановили у двери кабинета начальника управления.

- Господин Лаврентий, вы арестованы, и вам вменяется в вину измена Родине, что подразумевает сотрудничество с иностранными спецслужбами. Обвинение будет официально предъявлено вам завтра. Вы имеете право хранить молчание, - сухонным, квакающе-холодным голосом сказал молодой сотрудник в темном костюме, при галстуке.

- Какое право?

- Молчания.

- Хорошо. Пока что я пользуюсь правом молчания.

Его свели на первый этаж, огромным ключом открыли двери камеры без номера, изъяли у заключенного все личные вещи (ремня на нем и так не было) и указали на одну из двух коек.

- Покамест будете один.

Когда надзиратели захлопнули двери, Лаврентия охватило отчаяние.

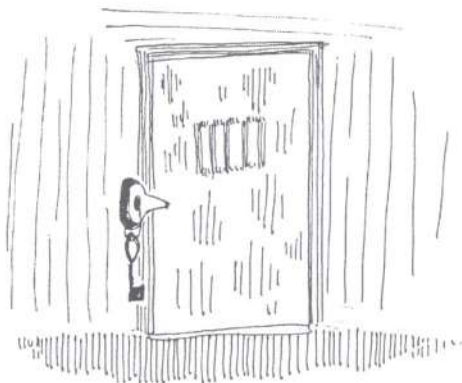
Он все бы мог перенести (да и камера была не такой уж захудалой, в углу стоял умывальник и даже покрытый брезентом нужник), все, кро-

ме запертых снаружи дверей.

Всю жизнь Лаврентия мучил и терзал страх закрытого пространства. Он всегда шарахался от помещений с закрытыми дверями и окнами, так что даже в лифт входить боялся, как чумы.

Потрясение от одиночества за запертыми дверями вскоре почти улеглось. Он знал, что должен вытерпеть. Тем более, что оказался в заключении чуть ли не по собственному соизволению.

Вот как это случилось:

В штате президента числился лишь один фотограф. По имени Лаврентий.

Раньше Лаврентий работал на киностудии помощником осветителя. Потом, когда киностудию упразднили, устроился осветителем на телестудию «Имеди». Когда же и «Имеди» разгромили-распотрошили, продолжительное время украшал многочисленный полк безработных. В конце концов, по чьему-то совету, занялся фотографией. В светотенях он разбирался безошибочно, о композиции имел некоторое представление. Высокий, поджарый, пластичный, трудолюбивый, он быстро освоил искусство фотографии.

Между прочим, я замечал, что фотографы почему-то смущаются, когда упоминают о своей профессии.

Помню, в молодости проходил я стажировку в кутаисской газете

«Сталинец». Редактор дал мне задание: нашему фотографу Кобешавидзе исполнилось шестьдесят, подготовь материал в номер.

- Какой материал? - решил я задать вопрос.

Он удивленно посмотрел на меня.

- В каком жанре, я имел в виду. Нас учили, что в качестве юбилейного поздравления можно подготовить развернутую информацию о личности, редакционное приветствие, очерк или интервью.

Редактор побагровел, но не дал воли эмоциям.

- Очерк напиши сжатый, - сказал, как отрезал.

Я разыскал Кобешавидзе, и уже через два с половиной часа сжатый очерк лежал на столе у редактора.

На другой день Кобешавидзе публично выразил мне благодарность, а в частной беседе, между прочим, ввернул:

- Резо, хочу тебя попросить, если тебе еще придется писать обо мне, не называй меня фотографом, называй фотохудожником.

Но вернемся вновь к Лаврентию.

У массмедиа два требования к фотографам: снимки хорошего качества и их доставка в редакцию с опережением конкурентов.

Поскольку наш Лаврентий снимал отлично, а в редакционных кругах заслужил прозвище первого бегунка за свои скоростные качества, в один прекрасный день его пригласили в Канцелярию и после краткой беседы с президентом утвердили личным фотографом главы государства.

В обязанности Лаврентия вменялось неуклонно следовать за широко шагающим президентом и запечатлеть каждый из этих исторических или сравнительно менее ценных для истории шагов.

После обеда президент со своим верным фотографом усаживались за компьютер, и представители иностранных спецслужб по итогам этого сумерничанья могли при большом желании расслышать лишь обрывки фраз, произносимых характерным для главы государства осиплым петушиным кукареком. Вот, к примеру:

«Пусти», «Нет», «Нет», (дает петуха), «Нет», «Нет», «С ума сошел?», «Пусти», «Пусти», «Нет», «Нет» (дает петуха), «Нет, разумеется».

На языке секретного шифра это означало: «Нет» - сотри, уничтожь, не печатай, не распространяй, «Пусти» - передай в редакции, надо опубликовать в прессе, весь мир должен увидеть, а вот сиплый кукарек означал, что президенту кадр, как говорится, понравился, но ввиду его деликатного содержания, он не стал бы настаивать на его обнародовании.

Президент скоро подружился с «личником», и не было случая, чтобы глава государства сделал замечание своему фотолетописцу, тем более Лаврентий (Боже упаси) слова поперек президента не молвил.

Но если между президентом и фотографом царила такая гармония,

откуда же появлялись в местной и зарубежной прессе столь прискорбные для президента и вызывающие улыбки у зарубежных читателей и (прости их, Господи, своих же оппозиционеров) фотографии президента, совершающего нечто, выходящее за рамки приличий?

Как-то пасмурным днем, после вкушения президентом японского блюда из сырой рыбы, он уселся с Лаврентием за компьютер. Неожиданно президент бросил на стол Лаврентия свежий номер никарагуанской газеты «Вататату ватахара» и в гневе вопрошил:

- Что происходит, Лаврентий?

Ошеломленного Лаврентия будто подкосило.

На первой же полосе, под заголовком «Проделки одного президента», красовалось три цветных фото. На первом - обуреваемый страстью президент сжимал правую ягодицу 19-летней эстонской девушки - призерки чемпионата Европы по художественной гимнастике, лучась какой-то шалой улыбкой. Вы видели спелую белую черешню? Именно такого цвета были ягодицы гимнасточки.

На втором фото президент, облаченный в пестрый, предназначенный для обладателей дешевого вкуса, халат с поясом шириной в ладонь, украшенном позолоченной бляхой, подносил комбинацию из трех пальцев к носу какого-то (не американского) чиновника при галстуке и цилиндре.

А на третьем фото президент был зафиксирован сидящим на пятой точке во время участия в совершенно неподобающей для статуса главы государства скандинавской игре «сядь на бутылку». На лице его ясно читалось, что большого удовольствия от этой игры он не получал, но чего не сделаешь во имя демократии...

Лаврентий с любопытством просмотрел фотографии и печально воззрился на президента.

- Я же тебе говорил, уничтожь эти кадры, чтоб их никто не видел. Говорил или нет?

- Да, говорил.

- И что же?

- Я все уничтожил, как договаривались. И никому не показывал.

- А как это оказалось на страницах «Вататату ватахара»?

- Не знаю. Кроме меня, вас ежедневно снимают еще семнадцать фоторепортеров. Если не считать телекомпаний.

- Что-что?! Ой! - голос президента плаксиво крикнул. - Если это увидит Обама, он же с цепи сорвется, он же меня на порог не пустит... И что там было снимать, ну, к примеру, гимнасточка и не против была, слова ведь не сказала, а этот нос сует не в свое дело! Надо терпимее к людям относиться, совестливее надо быть!

- Да, но при чем тут я? Вы что, во мне сомневаетесь?

- Я не знаю... Не знаю я... Уже во всем и во всех сомневаюсь, - прогундосил президент, отерев нос пальцем.

Спустя месяц еще одна ведущая газета, на этот раз республики Науру, «Бананута» опубликовала две совершенно ошеломляющие фото-

графии президента.

На первой, в одних трусах, с перекошенным от ужаса лицом, президент в прибрежной роще над Риони, на четвереньках улепетывал от медведя из местного зоопарка.

На другом фото сидевший за рулем подъемного крана президент воздымал памятник поэта Квирквелия. Крюк подъемника застрял под мышкой статуи, и памятник угрожающе раскачивался, вот-вот готовый рухнуть. Внизу официальные лица, объятые ужасом при виде неожиданного президентского маневра, беспорядочно разбежались кто куда.

Лаврентий посмотрел и на эти фото; особенно его удивило второе.

- Что будем делать, Лаврентий? - изменившимся голосом спросил президент.

- Не знаю, что и сказать, мой господин.

- Есть одна идея. Не хотелось бы этого делать, но другого пути нет.

- Я весь внимание. Вы уж плохого не придумаете.

- Я должен тебя арестовать.

Лаврентий засмеялся.

- А я тут при чем?

- При чем-не при чем - следствие установит. Мне бы очень хотелось, чтобы ты был чист, но есть сомнения. А самое главное - у других курдюки затрясутся. Хороший будет им урок - президент, мол, даже личному фотографу не простил, а нас-то что ждет...

- Да, но куда от позора деваться, да и выживу ли я в тюрьме, в моем-то возрасте? - уже чуть не плакал Лаврентий.

- Выдержишь, выдержишь. А чего ты еще хотел? Перед законом все должны нести ответственность. Думал, тебе президента дурачить дозволено?

- Понимаю, что другим в острастку меня сажаешь, да только не выгорит это дело.

- Выгорит, выгорит. Народ и так запуган. Одни только фотографии никак не угомонятся, остальные все за ум взялись.

- Так ведь снимать-то все равно будут?

- Может, и будут, а рассылать куда не надо, не посмеют, заботятся.

Лаврентий долго уговаривал - не бери, мол, греха на душу, знаешь ведь сам, нет на мне вины, а когда понял, что молить-упрашивать нет смысла, уронил руки и сухо спросил:

- Когда меня заберут?

- Завтра, утром.

- Скажи, чтобы не приходили спозаранок.

- Хорошо.

Президент скрылся в своем продолговатом кабинете и повернул регулятор кондиционера на себя.

На другой день полицейские действительно пришли не слишком рано - в 11 часов 34 минуты.

А уже вечером надзиратель с усами торчком сунул в железное окно миску с баландой и две картофелины в мундире, а потом, оглянувшись по сторонам, с нахальной улыбкой прошептал:

- За сколько родину продал, скажи, не стесняйся...

Поначалу Лаврентий принял этот вопрос за шутку и ответил так же игриво:

- Мало не покажется. Увесисто отстегнули. Ты вот дружи со мной, а как выйду, поделюсь по-братски.

- Отвали отсюда, - лицо разносчика баланды исказилось. - Как тебе в голову это пришло, позорник поганый! Одно только и осталось у нас - родина, и той изменил?! Расстреливать мало таких отщепенцев.

- Какая измена, кого я продал, ты что, с катушек съехал?

- Сию минуту телевидение сообщило. Ты ведь Микава. Фотограф президента Лаврентий Микава арестован по обвинению в измене родине.

Лаврентий застыл, будто громом пораженный.

Он не ожидал такого подлого предательства. Развернувшись, рухнул на нары.

Этого он страшился более всего.

«Какая такая измена родине... Уж и не вспомнить, кому и когда в последний раз предъявляли такое обвинение. Ну что за преступление я совершил? Господи, дай мне только дотянуть до завтра, там уж я знаю, что делать».

Всю ночь глаз не сомкнул.

Словно в тумане, разглядывал потолок и силился вспомнить, соиз-

мерить все, что называлось его скромной жизнью - от детских лет, когда гонял коз на пастбище, по день сегодняшний.

Чуть свет, прямо у моего окна засвистел Чака.
Что ни говори, свист был тут совершенно не к месту.
Я и так не спал.

Прямо в трусах вышел на улицу.

Ни словом не обмолвившись, по склону холма мы направились к мельнице. В роще на берегу Техури паслась кобылица Джанки Джджелавы.

Обогнув залив, подошли мы к редколесью, обозначенному двумя валунами.

Журча, будто бормоча, текла Техури в иссиня-серебристых перегибах.

Вчера вечером дядя исполнил нашу давнишнюю мечту: купил на ярмарке в Ледзадзаме две удочки на девять поплавков каждая... Ну, как тут целую ночь протерпеть! В самую кромешную темень закинули удочки, а теперь отправились смотреть - какой нам улов достался.

Два валуна так же лежат в трех-четыре шагах друг от друга. Пройдя вдоль течения, мы вошли в реку. Вода показалась мне теплой. Ранними летними утрами в Техури вода всегда теплая.

Тая надежду, тщательно ощупываем ногами доньшко реки.

Тщетно.

Может, прозевали. По второму разу прошлись, по третьему. К другому закидону пошли, и дальше.

Опять неудача.

Постепенно нас охватывало отчаяние. Минувшей ночью не было дождя, чтобы раздувшейся рекой могло сорвать и унести лески.

Чего тут гадать, сперли наши поплавки.

Это было первым и самым большим огорчением в моей детской жизни.

Меня словно громом поразило. Казалось, небосвод обрушился на голову, и никогда ничего в жизни меня не обрадует.

Убитые горем, поднимались мы по тропинке, всхлипывая и хныча.

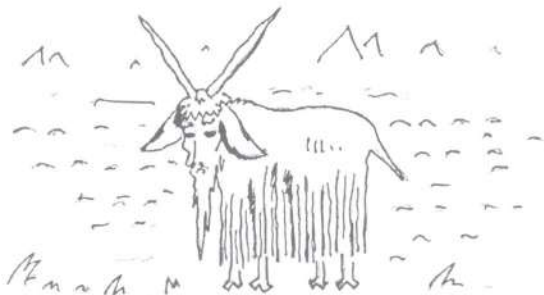
Мне в ту пору было семь лет, а соседу моему Чаке Наруашвили - девять.

Так вот и закончились наши рыбацкие приключения, хотя мелочь на простую удочку мы еще не раз подлавливали, а иногда и на форель отваживались закинуть муху.

Чака жил в Самтредиа, и к сентябрю его обычно увозили туда.

А я оставался один со своими козами.

Ходил в сельскую школу и пас коз до четвертого класса.

Моя деревня Летарге была самой гористой из всех мартвильских селений. Поскольку плодородных земель оставалось мало, мы предпочитали засеивать их кукурузой и лобии. Вот почему каждая семья держала по одной, редко по две коровы, а коз в деревне было намного больше.

Уроки у нас заканчивались в двенадцать. От физкультуры и сбора чайного листа я был освобожден как переброшенный на «козий фронт». Не сказал бы, что балагуры-одноклассники не трепали мне нервы по поводу моих козьих пасторалей. К примеру, высунется какой-нибудь недоумок в окно посреди урока и заблеет: «К-о-озы!».

Пару-тройку раз «повелся» я на эти злые шутки, ринулся на их хохот к дверям, но теперь уж нервов не трачу, да и одноклассники давно сменили пластинку.

До полудня коз пасет Патуша, невестка Харгелия, а после двенадцати - я.

Может, пастухи со мной и не согласятся, но нет на свете животных милее коз.

Какие же они умницы, какие красавицы и какие смиренницы!

Как им подходят бородки, рожки, мягкая серая шерстка, ниспадающая на глаза, и окаймляющий раздутые ноздри нежный пушок...

А смекалка?

Бывало, нащипаю травки, наломаю побегов молодых, а в них подмешаю сорняков да подзову.

Застучит копытцами.

Захрустит неторопливо. Языком отбирает - что в моем букете съедобно, а что нет. И если не понравится, хоть насильно впахивай - ни за что не съест.

А козел-вожак?

Обходит дозором луг. То с той стороны проследует, то с этой.

Найдет куст с молодыми побегами - и зовет козочек. А как примутся они глотать сочные стебельки, сам отойдет в сторонку.

И кто это выдумал, что козы не умеют разговаривать?

Запутается коза рогами в колючем кустарнике, тут же зовет меня - бе-е-е!

А если я в то время увлеченно лакомился ежевикой, или подремывал, козел-вожак (по-мегрельски его называют «очи») подбежит и закричит в ухо:

«Бе-е-е! - что означает - Эй, господин хороший, будь-ка чуть повнимательнее, если уж пасешь нас, так паси, не видишь, коза в шипах-колючках запуталась».

А что коза?

Козленка до двух месяцев от роду на пастбище не выпускают, он в хлеву остается.

И не представляете, в каком смятении коза. Встанет с тобой рядом, если блянье не поможет, рогами ткнет.

Давай, мол, пойдем домой, козленок мой с голоду помирает, видишь ведь, вымя переполнено, пойдем, умоляю...

Вот какова коза.

Упрется передними копытами в кустарник и глодает побеги, а время от времени блянием оповещает соплеменников: «Я здесь, не отходите далеко», а нет-нет да и бросит взгляд на меня - так, на всякий случай.

А ближе к вечеру? Как преданно, как послушно и неспешно следуют они за вожакон к деревне.

До семи лет пас я только наших коз, а став повзрослее - уже и соседских. Потом и все село стало мне доверять своих коз, так что в стаде моем числилось больше восьмидесяти голов.

Это сейчас принято наличными платить пастуху, тогда никому это и в голову не приходило. Кто козленка подарит, кто сыру козьего кругляш поднесет, кто кукурузой или лобию мешочком уважит. А ты в ответ: «Ай-яй-яй-яй-яй, ну как же вам это вздумалось, да зачем было беспокоить...».

ЧТО ЕЩЕ ЗАПОМНИЛОСЬ В ЛЕТАРГЕ:

Сорок восьмой то был год или сорок девятый, одно лишь вне сомнений: война отремела недавно. Было мне лет восемь, не больше. Дожливым сентябрьским днем лушили мы кукурузу на колхозном складе. Тогда складом служила деревянная постройка за конторой, ее потом разрушили. Еще до смерти Сталина было дело. Разрушили, значит, временку эту, и на ее месте построили каменный склад, на котором сейчас снаружи висит замок, а внутри мыши отпоясывают. Не оправдал себя, скажем прямо, каменный склад, сырость в цемент про-

сачивалась, и подгнивала кукуруза, чему уж удивиться.

На складе собирались все: стар и млад, калеки, возвратившиеся с фронта, и мне подобные балбесы; девушки - помолвленные и обрученные; замужние тетки, старые девы и девицы на выданье.

Все теперь по-иному стало, но своя притягательность была у колхозного хозяйства, вот уж верно. В общегитити есть нечто заманчивое и задорное одновременно. Там и шутки-прибаутки, и переключки, и початков-шелухи швыряй-бросайло, и песни, и сценки с наклепными усами из кукурузных волокон.

Вот так потешно проводили мы время.

Соревновались - кто больше початков соберет в кучу. Представь себе, в этом балагане все можно было провернуть, призвав на помощь хитрость и смекалку.

«А ну-ка, красота, прокатись по кукурузе, разживешься деньжатами», - не давали покоя стройненьким смазливим девчонкам.

Парни, они бедовые. «Давай, давай, вали отсюда, я уже прокатилась!» - «Еще разок прокатись, ты, краса ненаглядная, чего теряешь-то!». Просят, а девицы, (будто и нехотя), явят милосердие и вновь прокатятся по желтым початкам. А тут и щипки да шлепки по местам неположенным, а за ними незлобивое: «Ах ты, безобразник!», и порой - целомудренный чмок в щечку. А кроме того, случались шалости-проказы и за гранью приличий, между нами будь сказано. Ребенком я был, но уже кое-что кумекал, вслушивался - сначала страстный шепот, потом вдруг посерьезневшая женщина исчезала с местным волокитой (которых Михаил Джавахишвили называл «обжорами»). Эти исчезновения особенно учащались во время ночного сбора кукурузы.

Приближалось время обеда, когда председатель колхоза - Варлам Надирая - открыл двери и провозгласил: «Отдохните немного, товарищи, я привел к вам немецкого врача. Если у кого какая болячка, не стесняйтесь, этот уважаемый человек избавит вас от всяческих недугов. Он немецкий немец, не думайте, что какой-то там».

Стоявший рядом с Варламом человек, облаченный во френч, с ручной кладью в руках, ниже среднего роста, толстенький, как шарик, светловолосый, с улыбкой кивал в такт каждому слову председателя, а волосы его были расчесаны на пробор, в точности, как на портретах Петра Первого.

- Ты где немца нашел-то? - спросил кто-то.

Не только немцев, но даже русских и духу не было до того в нашем селении. Лоточник разве что забредет в кои веки, из Хони следуя, а больше никого. Чужаки в нашей деревне в диковинку были.

Вот что ответил на это Варлам:

«В Мартвили, после совещания, второй секретарь райкома Джгеленая в кабинет свой меня завел и говорит: «Передай трудящимся

своего села мой коммунистический привет и поздравления за перевыполнение плана. За усердие ваше получайте в награду немецкого врача. Пожми руку этому человеку. Его зовут Фредди. Из Кутаиси я его доставил. Еле заполучил, все болезни различает. Чудотворец, говорят же, вот он таков и есть. Повези его к себе, пусть проверит, кого что беспокоит. Поможет он, о чем речь. Но сверх меры его не утомляйте. Уважение окажите. Не спаивайте. Не приставайте с тостами, а то немцы - люди отзвучивые. Отказывать не умеют в возлияниях, так что не беспокойте почем зря этого драгоценного человека. Знаю, что зовут его Фредди и что он военнопленный. А больше ничего мне неизвестно. Всем говорит, что скоро его освободят. Да и пленный он только так, по названию, кто ж его посмеет держать в режиме арестантском. Гуляет, где ему вздумается. Врач - чистое золото. Ни сна ему нет, ни отдыха. На недельку урвал я его из Кутаиси. Пусть подлечит наших людей, наши края навестит. Ну, сам знаешь теперь. Козляток мяско ему по вкусу и вино «Одесса». Думаю, краснеть меня не заставите. Завтра утром отвезите его, ради Бога. На лошади переваливайте прямо через Бжеру. Только с Чкони не заворачивайте, далековато будет».

На балкон склада бегом вынесли-выставили немца сразу три табурета. На один усадили самого, на другом разместили его сумку, а третий оставили для пациентов. Как сплетницы на завалинках, расселись все мы вокруг него. Никто не осмеливался первым предстать пред очи целителя.

Варлам ходит-упрашивает, некогда, мол, немцу - сейчас шапку нахлобучит и уйдет восвосяи, ищи-свищи потом его (между прочим, шапки на немце не было). Выходите, если в чем нужда. Ну что у вас все не как у людей. Кутаисцы локтями друг друга расталкивают, чтобы к нему попасть.

- Варлам, мил человек, да на каком же языке ему объяснять - что у меня болит? - решился нарушить молчание старик-кукурузник Кици Джгереная.

- Ты только подойди к нему, Кици-золотце, а он уж сам разберется - что к чему. Он же немец, это тебе не хухры-мухры, - обнадежил Нардая.

И Кици решился.

Немец осмотрел в тот день человек пятнадцать и ни одного слова, кроме «битте», не произнес. Сначала я думал, что «битте» - это приветствие, потом - «На что жалуемся, дорогой?», потом - «Открой рот и проглоть эту таблетку», потом - «Задери повыше рубашку», потом - «Не бойся, скоро закончу». Причем «битте» он произносил то однократно, то «битте-битте», удваивая, должно быть, для пущего эффекта. Помимо бесчисленных «битте» доктор скормил в тот день немерено белых таблеток, название которых осталось для меня тайной. Он попеременно от-

крывал сумку, извлекал оттуда цветистую коробку и протягивал пару таблеток пациенту (водой запить не предлагал). Приговаривая свое «битте-битте», ждал, пока их проглотят и добродушно посмеивался - не знаю, по какому поводу. Думаю, веселило его искаженное ужасом лицо «больного», всухомятку проталкивающего в глотку таблетки. Позже я узнал, что всухомятку таблетки глотать не обязательно, и это было всего лишь безобидной шуткой немецкого специалиста. Со временем, чего греха таить, я стал сомневаться в лечебных методах немца и в особенности задумывался над «уникальностью» «чудотворной» таблетки, но случилось это лет двадцать спустя после визита в наше село пленного доктора. Сегодня, в глубокой старости, Фредди, живущий в свободной объединенной Германии, конечно же, не прочтет этих строк. Но не может он не помнить сельского лекаря Пармена Пиртахия, который, по меньшей мере, пригласил эйфорию взрослого на рейнских берегах гостя и заставил относиться к методам Пиртахия с большим уважением и почтительностью.

- Очиши вгурук, патони, очиши! («Поясница убивает, поясница!» - свободный перевод автора - Р.М.) - простонал Кици и провел рукой по больному месту. - Битте! («Понятно») - кивнул головой немец. Уложил старика вверх тормашками, прижал большими пальцами копчик - и так несколько раз.

- Битте! («Не тревожьтесь!») - стукнул потом по мягкой ткани, молниеносно оседлал Кици и, несмотря на его протестующие вопли, раз десять протерся по его спине. Не успокоившись на достигнутом, спрыгнул, отшлепал Кици, до шеи задрал ему балахон, заставил проглотить две таблетки и распрощался со словами: «Биттебитте» («Ты здоров, всего хороше»).

- Мучо рек, Кици? («Ну, как ты?») - спросил Варлам.

- Джгиро, патони, джгиро! («Хорошо, уважаемый, хорошо»), - убежденно ответил Кици и подбоченился. - Таш кипида, му мичирс («Если так и дальше будет, что мне сделается»).

Ну, чего там тягомотину разводить, Дзики Лабарткава, жаловавшемуся на боль в области лба, врач посоветовал избегать воздействия солнца, Микандру Хурция с его желудочными коликами посоветовал не потреблять перца, соли и уксуса. Безо всяких переводчиков, наглядным методом, всем все растолковывал. Доставал из сумки склянку с уксусом - и подносил к носу Микандро, за ней - пригоршню соли и стручок зеленого перца, клал на ладонь и кричал в ухо Хурция: - Нельзя!

- Та, уфашаемый, та! - кивал головой Микандро.

Осматривая пригожую вдовушку Габуня, немец проявил повышенную любознательность. Ухватил ее за филейную часть и даже пытался приподнять.

- Му око минджегурелс?! («Он что, без царя в голове?!») - взвизгну-

ла вдова под всеобщий хохот, и врач, краснея и улыбаясь, убрал руку подальше. Достав из сумки кусок веревки, немец измерил вдовушкину талию, следом - объем груди, но советов никаких не дал, ограничившись тем, что скормил две таблетки. Полагаю, что вдове Габуня никаких недуги не тревожили. И сейчас понимаю, что нуждалась она как раз-таки в прикосновении руки эскулапа.

- Знаток, по всему видно, - шепнул кто-то за моей спиной.

- Ну, а с чего ему дурить? Знаток, а как же. Он же немец, не какой-нибудь там Пармен Пиртахия.

При упоминании Пармена, Варлам равнодушно промолвил:

- Хорошо, что напомнил. Приведу-ка я Пармена, пусть посмотрит, интересно.

Жил Пармен на окраине села, у рощи. В свиту немецкого доктора втерся и я. Любопытство снедало - как встретятся друг с другом два эскулапа. Да к тому же ни разу не приходилось мне доселе бывать во дворе у Пармена. А двор этот, окруженный вечнозеленой колючей изгородью, сторожили злые собаки.

Пиртахия выглянул на зов. Варлам пояснил причину прихода и представил гостя.

- Мозоджит, патони! («Пожалуйста, почтенные!»).

С открытым ртом разглядывал я двор Пиртахия. Да что я, даже немец не скрывал изумления.

Под липой ничком лежало двое пациентов. В руках они держали две хорошо отесанные дубины и прикладывались-прислонялись к ним, когда пожелается.

Там же мужчина лет тридцати, сидя на деревянном муле, держал на вытянутой ноге жернов.

Под навесом, в наполненной навозом кадке сидела женщина в платке - тюрбане, попеременно взывая:

- Дивчви, патони, дивчви, мибах, мибах! («Сгорела уж я, почтенный, хватит, хватит!»).

- Битте, битте, битте, - беспрестанно приговаривал немец. Судя по выражению его лица, это означало: все увиденное мною весьма необычно, но допустимо.

Недопустимое, как оказалось, ждало нас впереди.

На бревенчатой лавочке рядком сидели пятеро парней.

Там же, в поставленной на медленный огонь кастрюле, кипятились ножи-вилки и ложки.

Пармен Пиртахия подозвал одного из юнцов.

Усадил на пень.

Вымыл руки хозяйственным мылом.

Вынул из кастрюли русскую поварешку (иногда ее половником называют), велел парню открыть пошире рот и подержал сначала ложку

на его высунутом языке. Приказал пациенту не двигаться. Внезапно он вогнал поварешку в горло парня по самую рукоятку, молниеносно повернул, выхватил окровавленный половник из глотки и пригнул голову благим матом орущему парню, из которого вырвался фонтан крови по полам с желчью, а немец заверещал:

- Найн! Никс! Никс! Найн!

Он упал на руки Пиртахия и что-то обреченно выкрикивал. На госте просто лица не было.

Парменовский способ удаления гланд явно вывел немца из равновесия.

- Муша ра итам сакме? («В чем дело?») - спросил Варлам Надирая.

- Мичк, патони, мичк, знепи шхванеро акетена («Знаю, мил-человек, знаю, они по-другому делают»), - спокойно ответил Пиртахия и усадил на пень еще одного молодца.

И его вопль настиг нас уже за воротами дома лекаря.

До четвертого класса проучился я в летаргской восьмилетке, а после мы переехали жить в Кутаиси, и я, можно сказать, навсегда попрощался с видами Техури и отчим домом.

Отец мой попал на войне в плен, и мы знали, что его сослали в Сибирь. Письма от него приходили редко. Но в 1950 году отец неожиданно вернулся и перевез нас в Кутаиси. Лишь год пробыл он с нами. В декабре 1951 года его вновь отправили на поселение. На этот раз ему разрешили взять с собой и нас, но отец наотрез отказался. Сказал, чтобы мы оставались, а его, мол, скоро освободят. Уехал и уехал.

Днем скорби запомнились мне проводы отца в ссылку.

С плачем и воплями бежали мы с мамой за грузовиком до конца улицы Ниношвили.

Кутаиси... Четвертая средняя школа... Как только на уроке русского языка установилась тишина, из моего портфеля вывалилась летучая мышь. В память врезались ее лапки, дуновение ее гладких черных крыльев. Летучая мышь дважды облетела классную комнату, потом приземлилась на доске и, клюнув воздух, шлепнулась на пол.

Дети не смеялись, но маму вызвали в школу.

- Бабушка!

- Бабушкааа!

Ворот никто не открывает, как видно, бабушка моя еще не возвращалась с рынка. Она вечно забывала запирасть ворота на засов, и как

назло, сегодня удосужилась.

- Курша, куда подевала бабушка ключи?

Курша высунул нос из своей будки, выгнул спину и помахал мне хвостом в знак приветствия. Потом уткнулся мордой в передние лапы и печально на меня уставился. Большая голова у Курши и сильные лапы. Ему только три года, вымахает еще, наверное. Из всех собак на нашей улице у Курши самый басистый голос, но в последнее время он ни на кого не лает. Сидит в своей будке и дремлет. И все-таки держим мы Куршу на крепкой цепи. Мама моя говорит, что воры цепных собак боятся больше, чем людей. Не знаю как там насчет страха, но одной только большой своей головой и серебристым медальоном на шее (надпись на котором отсутствует) Курша внушает всем входящим в наш двор уважения намного больше, чем иные псы-высочки, на всех и вся гавкающие и боящиеся собственной тени. Я все-таки думаю, что это наши испортили Курше характер природный. Затюкали.

Раз, когда Курша еще по-щенячьи резвился, разорвал он штанину соседу, в гости пожаловавшему. Тогда он отделался бранью да угрозами. В другой раз почесал зубки о телушку Доментия, заглянувшую во двор наш травки пощипать; тут уж его палкой угостили - такой, мол, верзила, а не может телку от волка отличить... Бабушка моя совсем беднягу с толку сбила, поучая: «Этот в белом воротничке - родственник наш, его не обижай. Тот каракулевый баран - соседский, пусть себе па-

сется. Это ребенок! Это женщина! Это девица, у нее сердечко лопнет! А это почтальон, не смей на него лаять!». В общем, осточертело это Курше, теперь ему все равно - кто во двор, кто со двора; знакомый или чужой; заносит что или уносит. Бывало, зайдет кто в гости, увидит такую громадину-псину, подскочит как ужаленный, и назад, в проем ворот проскользнуть норовит. Курша окинет внимательным взглядом пришельца, лестно ведь, что его устрашились. Тут же бабушка на балконе возникнет, водой холодной Куршу окатит, да приговаривает: «Проходите, почтеннейший, это он с виду такой дылда, а кусаться так не кусается».

- Курша, я скоро приду.

Курше совсем неинтересно, когда я приду. Я перебрал портфель в траву и побрел по улице.

В ноябре в нашем городе нередко бывает ветренная погода. В эту пору прохожие на Цинандальской ускоряют шаг. По улице почему-то летает больше листьев, чем их осталось на придорожных деревьях. Носятся цыплятами тысячи и тысячи разноразузоренных листьев и приятно шуршат под ногами. А ветер не стихает, и с остервенением рвет с веток еще остающиеся растопыренные желтые лоскутки. Да, по улицам сейчас ходят, поспешая. Пожилые, умудренные опытом прохожие одеты основательно, все учли, а те, что помоложе, гоняются за сорванными ветром шапками. Девушки проносятся, прижимая сумки к груди, и пытаются придержать руками взметающиеся под назойливыми вихрями юбки. А мальчишки, мои ровесники, бегают с непокрытыми головами и после каждого порыва ветра приглаживают чубчики. Нет, сверстники мои никуда не торопятся. Они, галдя, гуляют по улицам и глазят на прохожих. Моим ровесникам не холодно. Я в девятом классе.

Рядом с моим домом, на обочине дороги, мастерская Сократа. Сократ не шьет новую обувь, он только старую чинит-латает. У Сократа множество заказчиков и один сын по имени Автандил. А по-свойски мы зовем его Вата. Он мой ровесник, но все еще в седьмом, учение ему нелегко дается.

Сократ подзывает меня. Вхожу в мастерскую, разворачиваю скамейку и сажусь. Он вбивает последний гвоздь в чье-то рванье и пристраивает его на подоконнике. Потом снимает очки и спрашивает:

- Что, и завтра не учить?

Я был озадачен.

- Ну как, успеют полы покрасить до завтра?

Тут я уразумел, что Вата не ходил в школу, а отцу сказал, что их распустили, потому что полы красили.

- Не знаю, вроде должны успеть, - говорю я, не весть в который раз рассматривая фотографии киноактеров на стене. Интересно, кто вы-

резал эти фотографии из журналов и пришил их с таким усердием. Сократ никогда не обращал на них внимания.

- Вата! - кричит Сократ.

Вата сбегает по лестницам и делает мне какой-то знак рукой.

- Что случилось? - спрашивает он так недовольно, будто его оторвали от дела всемирной важности.

Острым ножом Сократ изящно обвел подошву и посмотрел на вошедшего.

- Видишь, на что мои пальцы похожи?

Дядя Сократ укладывает руки на свой верстак. Я смотрю на его пальцы. У дяди Сократа на диво здоровенные серые руки. Один большой палец левой руки увесистее всех пяти моих пальцев.

- Видишь вон ту штуку? - Сократ поднял глаза на потолок, с которого хоругвью свисала большая плетка.

- Какую штуку? - спрашивает Вата так, будто это его нисколько не интересует.

- А то, что завтра вы учитесь.

- Кто сказал?

- Я сказал - пришлось вмешаться.

- Не знаю, нам уборщица объявила - завтра красим полы, так что...

- Ну вот, как с таким разговаривать...- разводит руками Сократ и тычет пальцем в сторону Ваты. - Вот скажи мне, почему он не учит завтрашних уроков?

Вата оборачивается ко мне и деловито объясняет:

- Растолкуй ему, по грузинскому у нас то же самое, по русскому диктант, алгебра должна новый параграф пройти с нами, по физике опыты будут, а география дала урок на чтение.

- И что география дала на чтение?

- Озеро.

Сократ испытующе смотрит на меня. Я не улыбаюсь. Хотя отлично знаю, что по грузинскому совсем не то же самое, наша учительница физики давным-давно не проводит опытов, а география никогда не дает уроков на чтение!

Но я молчу, покручивая пуговицу на халате, и перевожу разговор на другие темы.

- С улицы Ниношвили уже начали прокладывать новую дорогу.

Сегодня тракторы работают. Ширина будет тридцать метров, прямо к стадиону ее подведут.

- А насчет этих наших домов что твоя мама узнала? - спрашивает Сократ.

- Останутся, но мы окажемся по краю, вон по то грушевое дерево улицу обкарнают.

- И зачем им такая широченная дорога?

- В футбол играть, - подключился Вата.

- Неужели посреди дороги в футбол играть будут? - с вопросом Сократ снова обратился ко мне.

- Народ повалит на стадион. В этом году мы будем играть в классе «А».

- Нужна же этим людям дорога, - вновь отвечает Вата вместо меня и считает тему закрытой.

Выхожу из мастерской дяди Сократа, и под ложечкой сосет от мысли, что сегодня же должен привести в школу родителей. Черт дернул меня выпустить эту летучую мышь. Конец четверти. Кто знает, не оставят ли меня с хвостом. Сегодня писали контрольную. Такая тишина стояла в классе, такая, что невозможно было удержаться, не выпустить этого нетопыря.

Много по улицам ходит родителей. А вот бабушка моя, кажется, опаздывает. Еще полчаса - и уроки закончатся. Ну и пусть себе сидит учительница русского в учительской и ждет. Что я подеलाю - мама работает, отец в ссылке. А что, если?..

- Извините, тетенька...

Женщина в очках замедлила шаг.

- Вы не пойдете со мной в школу? Здесь, рядом, на Артиллерийской улице.

- Да, но зачем?

- Родителей вызвали, мама на работе, отца в пятьдесят первом сослали, да еще... Может быть... Очень вас прошу.

- Провинился в чем-то?

Я постарался все объяснить, максимально смягчив свою вину.

- Да, но я не знакома с учительницей русского.

- Учительница русского знает мою маму. А вы будто бы тетей моей будете.

Женщина в очках насупила брови.

- Значит, обманывать будем?! - она сняла очки и принялась читать мне нравоучения. О том, что ложь - плохое свойство. Потом рассказала, как хорошо училась она каких-то там тридцать лет назад, и что никогда не говорила неправды, и вела себя в классе примерно. Она собиралась продолжить речь, но, увидев по моему лицу, что я ее не слушаю, махнула рукой и продолжила путь.

Учительница русского, наверное, уже долго ждет.

По улицам ходит много родителей.

Вот этот седовласый - вроде бы добрый человек, но, кажется, куда-то очень спешит; а вот эта блондинка... Нет, в матери мне не согдится. Степенного найти надо кого-нибудь, серьезного, да и не слишком молодого. А вот этот, в плаще с разрезом, хоть бы согласился.

Когда долговязый мужчина правнялся со мной, я преградил ему путь.

Он внимательно меня выслушал. Бровей не хмурил и не улыбался. Положил мне руку на плечо и сказал:

- Пошли.

У моего нового «родителя» были широкие плечи, дружинистый шаг.

- Как тебя зовут? - спросил он.

- Лаврентий.

- Сколько тебе лет, Лаврентий?

- Пятнадцать.

- На какой улице живешь?

Сказал я и на какой улице живу.

Никак не поспевал я за ним. Уж очень стремительно шагал этот мой благодетель. Вприпрыжку - и то я еле угонялся. И кто бы он был, кому я доверил отцовство?

- Мама твоя где работает, Лаврентий?

- Бухгалтер она.

- А папа?

- В пятьдесят первом сослал.

Какое-то время мы прошли молча. За поворотом показалась новая широкая улица. С десяток рабочих, стоя на одном колене, соорудили тротуар. Дорога, ценой снесенных домов и заборов, выкорчеванных деревьев и разоренных гнезд, медленно подходила к стадиону. Вчера еще на этом месте красовались зеленые ворота. А теперь посреди дороги грохочет трактор и собирает горы земли в одном месте.

- А большая ведь улица будет.

- Очень.

- Наверное, и троллейбус по ней пустят.

- Не знаю.

В начале Артиллерийской улицы виднеется кирпичного цвета здание нашей школы. Оказывается, раньше в этом здании был госпиталь. Перед школой - руины древнейшей церкви. Церковь отделена от школы высоким дощатым забором. И такой он частый, этот забор, что и щелочки не отыскать, чтобы во двор церкви заглянуть, но мы все же часто гостим в этом разрушенном храме. Наверное, именно потому, что забор так высок. Сейчас в церковь никто не ходит. Когда мы здесь собираемся погонять мяч, сваливаем под алтарем портфели и рогатки.

Никаких надписей на развалинах нет и, наверное, сам учитель истории не ведает, в каком веке она возведена. Теперь же к стадиону подходит огромная дорога и прямоком нацеливается на церковь.

- И церковь разрушат? - спрашиваю я моего спутника.

- Разве она не разрушена?

Действительно, в церкви нет двух стен, и купол полузияющий, но я еще никогда не видел новой церкви, и мне кажется, что трактор не осилит этого мощного строения.

- Да, трудновато будет, - сказал я про себя.

- Ты мне что-то сказал, Лаврентий?

- Нет, ничего.

По пути к школе по обе стороны выстроились молоденькие тополя. Эти деревца дали нам посадить в позапрошлом году. Помню, по этому случаю был пропущен урок астрономии. Некоторые тополя зацвели, но почему-то росли очень медленно и казались какими-то «недоношенными».

- Как ты учишься, Лаврентий?

Этого вопроса я ждал давно.

- Отличником был до третьего класса, как все. И сейчас примеры из алгебры щелкаю, как орешки.

- В каком ты классе?

- В девятом.

- Хорошие у вас ребята?

- У нас двадцать пять учеников - семнадцать мальчиков и восемь девочек. Всякие-разные. А вас как зовут?

Он остановился, положил мне на плечо тяжелую руку и улыбнулся:

- Да, действительно, совсем забыл. Гурам. И кем мы друг другу приходимся?

- Вы мой дядя, мамин брат.

- Строгая у вас учительница русского?

- Не то чтобы очень, но не любит, когда с ней спорят. Вы во всем с ней соглашайтесь. Скажите, что я шалун и лентяй, что зимой девчонок на улицах снежками забрасываю. Скажите - подозреваю, мол, что он

втихаря папиросы покуривает. Потом скажите, что вы - капитан дальнего плавания. Что вернулись только что на берег и решили всерьез взяться за мое исправление. Скажите, что примете все воспитательные меры.

Гурам засмеялся.

Школьный двор полон малышкой из второй смены. В разгаре ловитки. Хотят успеть переиграть во все игры за эти пять минут. Щебечут, как птички, и мне кажется, что веселье их чрезмерно, и вообще дети с приветом.

Учительская на втором этаже.

В коридоре на первом этаже в трех местах висит надпись черными буквами: «Запрещено во время уроков находиться в коридоре и шуметь, а во время перемен играть в коридоре в мяч, слоняться без дела и входить в классы в футбольной форме или с велосипедом».

Юлия Платоновна (так зовут учительницу русского) сидит в учительской одна и читает газету без очков. Без очков я вижу ее впервые. Юлия преподает только в старших классах. В этом году с первого сентября она начала работать с нами. Я и раньше видел ее, но не знал, что она преподает русский. Войдя в класс, она нас сразу же предупредила: «Я привыкла к тишине на уроках, и свое прошлогоднее поведение можете выбросить из головы. Я не люблю, когда ученики подсказывают друг другу, ловят мух, крадут классный журнал, а дежурные подставляют колченогие стулья. Быть может, другие учителя к этому привыкли, но я - даже не мечтайте».

Многое еще поведала нам в тот день Юлия Платоновна (между прочим, тогда же и сказала, что ее следует называть Юлией Платоновной). Произнося наши фамилии, то и дело запиналась. Мы в открытую потешались. «Кто тут Микава?» - спросила по-русски. Встаю. «Ты, видать, хитер очень». Я опешил: «И как она раскусила» - думаю. «Смотри, не делай глупостей, со мной шутки плохи». Дети загоготали. А когда увидели, что и сама учительница смеется, пуще прежнего разошлись. Юлия Платоновна, решив, что этому конца не будет, стукнула кулаком по столу. Полная чернильница опрокинулась, но почему-то не свалилась на пол. Учительница хмуро посмотрела на меня и крикнула: «Садись! И чтоб не зубоскалил больше; если теперь себе это позволяешь, что дальше будет; много я таких, как ты, видела. Если со мной так себя ведешь, что с другими вытворять будешь!»

Удивленный неожиданной атакой, я пожал плечами.

Платоновна поняла, что нарывалась понапрасну и спокойно сказала по-грузински:

- Из каких ты краев, цыганенок, Микава? - то была единственная произнесенная ею на том уроке грузинская фраза.

Я ответил, что это - фамилия моего дедушки, и отца фамилия. Потом

она опросила нас по прошлогоднему материалу и, поскольку все все забыли, заявила, что по русскому мы слабы. И что с такими знаниями она нас не перевела бы в девятый класс. Мы все сидели пристыженные. Даже Дали покраснела. Дали Лагидзе - секретарь комитета комсомола, самая красивая и умная девочка в нашем классе.

Когда урок закончился, Юлия Платоновна объявила, что сегодня первое сентября, и это занятие она посвятила знакомству с нами. Завтра, мол, басни Крылова нам объяснит. Уходя, она забыла классный журнал. Я догнал ее в коридоре - журнал, мол, оставили. Юлия Платоновна сердито посмотрела на журнал, а потом - поверх очков - очень подозрительным взглядом окинула и меня, дважды обернулась назад, погрозила мне пальцем словно бы предупреждая - и скрылась за дверями учительской.

С того дня Юлия Платоновна частенько вызывала моих - маму и бабушку. Бабушка выслушивала ее выговоры с олимпийским спокойствием и все запоминала. Подчас удивленно встревала: «Боже, да что ж вы из этого ребенка делаете?». Бабушка моя и Юлия Платоновна - ровесницы. Мне кажется, они очень любят друг друга, потому что у них много общего. Это заметно хотя бы потому, что они начинают беседу с меня (о, какие при этом у них строгие и серьезные выражения лиц); затем постепенно переходят на другую тему, а заканчивают тем, что на базаре цены на лук взбесились, что женское реальное училище имени святой Нины было изумительным заведением и что автобусные остановки в нашем городе слишком далеко друг от друга. Долго, очень долго беседуют они, и надо видеть, как умильно прощаются друг с другом. Иногда, если Юлия Платоновна заскучает по беседам с бабушкой, мне кажется, ее радует очередной мой фокус и, наоборот, ей обидно, если я ничего эдакого не вытворяю. Оказывается, бабушка моя тоже когда-то учительствовала, теперь она - просто бабушка и получает пенсию.

Пенсию приносит старый почтальон, он раз девять, не меньше, останавливается передохнуть, идя от поворота к нашему двору, а я думаю, что пенсионером должна быть не моя бабушка, а этот почтальон.

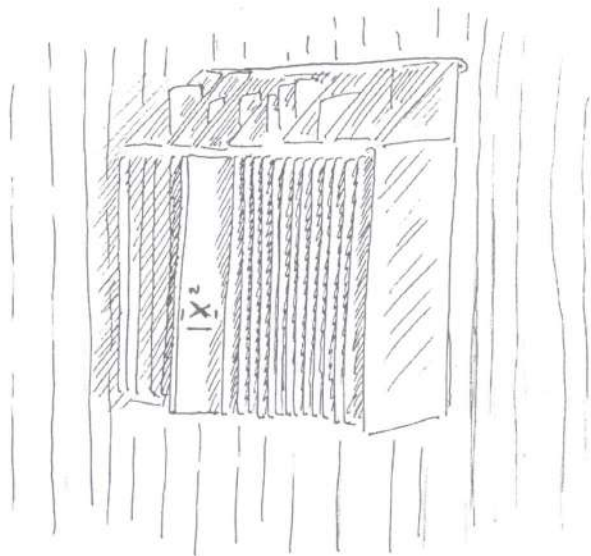
Юлия Платоновна, не успев меня заметить, надела очки и окинула нас взглядом, потом сняла очки и снова на нас посмотрела.

- Микава, где ваши родители? - спросила она так, что и не обратила внимания на Гурама.

- Мама на работе, уважаемая, бабушка на рынок пошла, я дядю привел.

Юлия Платоновна попыталась сделать вид, что довольна, но когда это не удалось, указала Гураму на стул, а мне сказала строго:

- Микава, выйди.

Слов я не слышу, но из-за скрипящей двери хорошо вижу лица беседующих. Юлия Платоновна всплескивает руками и возможно, преувеличивает мои скромные «заслуги в деле нарушения дисциплины». Гурам на все кивает головой и не улыбается.

Спустя довольно много времени Гурам направляется к двери и манит рукой меня, стоящего у окна.

- Заходи!

Вхожу. Догадываюсь, что все прошло тихо-мирно. Но теперь мне предстоит самый трудный этап проявления добродетели. Стоя перед Юлией Платоновной, я вытянул голову как можно правее, в знак пристыжения и покаяния.

- Признаться, ведь это для тебя теперь смерти подобно? - спрашивает Платоновна.

Голоса не подаю.

- Я ведь предупреждала тебя, ни от кого ничего не скрою. Какой же бес тебя попутал, где же ты прятал эту летучую мышь, сорванец?

И вновь я молчу, не сводя глаз с висящего на стене длинного ящика, заполненного журналами. На каждом из отделений написан номер класса. А вот и наш журнал, IX Б.

- Отвечай, сорванец! Что же ты дядю своего позоришь? У него комок в горле стоит. После того, как я о твоих проделках рассказала.

Вот уже в четвертый раз я в учительской. На длинном колченогом столе стоит узкогорлый кувшин. Он постоянно наполовину наполнен водой. А рядом, вместо стакана, стоит стеклянная банка.

- Если молчит, значит, сознает свою вину, - в глубине сердца отзывается голос Гурама.

- Скажи, бедокур, что-нибудь, наконец...
- Виноват я, Юлия Платоновна.
- И какое даешь обещание?
- На все ваши условия согласен.
- Хорошо, ну-ка, скажи, как будешь вести себя?

На мгновение установилась тишина. По всему, я должен был сказать, что с завтрашнего дня буду совсем другим Микава, но взглянув на пылающее надеждой лицо Платоновны, рассмеялся.

Внезапно Гурам раскраснелся, сверкнул глазами и по-настоящему разгневался.

- Видите, Юлия Платоновна, он даже обещания исправиться давать не желает. Он недостойн называться учеником. Вот я тебя проучу!

С этими словами Гурам ухватил меня за ухо и так его выкрутил, что я едва не сорвался на крик - если уважаешь человека, будь любезен, успокой нервы, не в лесу, небось, вырос.

Я приложил ладонь к пламенеющему уху и в испуге поднял глаза на «дядю».

Нет, он не шутил.

И снова Юлия Платоновна сжалась надо мной.

- Вообще-то, что ни говори, он не совсем пропащий, и похуже бывают. Но зачем тебе на других смотреть, когда такой дядя у тебя есть, - и вновь обращаясь к Гураму. - Вы дома не очень-то усердствуйте, сегодняшний день и без того ему хорошим уроком стал.

Вскоре мы распрощались с Платоновной и спустились по лестнице.

Гурам молчал. В семь часов уже почти стемнело и ощутимо похолодало.

Гурам шел тою же размашистой походкой; я плелся чуть позади, с поникшей головой, глядя на его длинные шаги. За ухо меня до сегодняшнего дня и родная мать не драла.

У поворота Гурам остановился и протянул мне руку.

- Ну, будь здоров, мне надо идти. Чего замолк, озорник?

- Спасибо вам.

- За ухо не в обиде?

- О чем вы, напротив, так было нужно.

Гурам рассмеялся.

- Ну, не сдержался я, к тому же ты сам во всем виноват.

- Знаю. В одночасье ведь уму-разуму не научишься...

- Ты, видать, паренек-огонек, тороплив не в меру, хотя сам свое

дело должен знать. Ну, прощай.

Я опустил голову.

Он развернулся, и в глянцевых сумерках еще долго виднелся силуэт, удалявшийся поспешными шагами.

Со двора Сократа вороной вылетел сапог и едва не угодил мне в голову. Вслед за сапогом разносились вопли и угрозы Сократа.

Мы с Ватой одновременно открыли створы ворот. Вата захлопнул их и буркнул:

- Ладно, никуда я не пойду.
- Куда не пойдешь, Вата?
- В кино не пускает.
- А что там идет сегодня?
- Что-то хорошее, до шестнадцати лет нельзя.

Мы уселись на скамью перед домом Валико и закурили. Папиросы мы покупаем в неделю раз и прячем тут же, под скамьей, в жестяной коробке, чтобы не отсырели. Совсем забыл представить вам Валико, но с Валико я и сам не знаком. Знаю только, что этот дощатый однокомнатный домик принадлежит ему. А самого Валико я никогда не видел. На дверях домика большой замок, а дворовая тропинка поросла травой. Сократ говаривал, что Валико жил бобылем, потом его по политической поймали, и с тех пор он все в тюрьме.

Отбудет срок - его отпускают, но уже по дороге домой начинает на чем свет стоит крыть коммунистов, его в тюрьму и возвращают. Мне и Вате очень хочется посмотреть - что за фрукт этот Валико.

- Сколько ему отмотать осталось, интересно? - спрашивает Вата.
- Мне откуда знать?
- Сорок ему было, когда в последний раз поймали.
- Дом Валико тут самый старый.
- Позавчера какая-то старушка тут копошилась во дворе.
- Это его тетка, в деревне живет.

В доме Валико мы никогда не бывали. Во дворе стояли два мощных дерева - яблоня и слива. Яблоня из ранних, в июне уже отцветает и осыпается. Нашим мальчишкам и в голову не приходило лезть в заброшенный двор Валико и воровать там яблоки.

- Как закончу девятый класс - уеду из дому, - прерывает мои размышления Вата.

- Куда уедешь, парень?
- В Тбилиси, в школу Бенделиани, туда после девятого класса принимают.
- Отец твой знает?
- Нет.

- А отпустит?

- Не отпустит, так смоюсь. Всю кровь мне выпил своим брюзжанием. Как вспомню о конце четверти - дрожь пробирает. Как заявится, как поднимет крик! И классная руководительница у нас какая-то непутевая - может твой сын учиться, говорит, но лентяй. Не могу я, не могу, если бы мог, что я, сам себе враг? Вот читаю - и ничего в башку не лезет. Ну как мне вызубрить в день пять уроков! Как-то Пация прочитал я стих наизусть, так она мне волосы все повырывала. Спрашиваю - за что меня бьешь, а она мне - можешь ведь учиться, а не учишься! А я тот стих знал как песню, потому и запомнил легко. А в «Избранном для детей» одна путаница. Пация говорит, если ворона где увидите, не ворон это вовсе, а символ реакции. Если весну в тексте помянут, так это не цветение сливы, а вестник революции. Зима выражает режим проклятого царя, а лиса - лжеца и подлизу. Поди-ка разберись, что к чему.

Я с ним во многом не согласен, но сейчас не до споров; последняя затыжка «Аромата» - и я отправляюсь домой.

Курша прыгает на передних лапах и, повизгивая, бряцает цепью и даже не дает мне снять ошейник. В таком он восторге от дарованной свободы, что и на месте пса удержать я не в силах. Бедняга Курша, одно у него чаяние - поскорее бы стемнело, а на рассвете вновь тяжесть жизни цепной ложится на душу собачью.

Из подвала доносится стук топора.

Кто бы это мог быть? В два прыжка слетаю по лестнице и выпаливаю на ходу:

- Ты что делаешь, мама?!
- Мама застывает с топором в руках.
- Ты где был до сих пор, сынок?
- А дрова, что я тогда наколол, уже кончились?
- Ох, дорогой мой, с тех пор я уже трижды дрова колола.
- Да куда тебе дрова колоть.
- Столько бы понимал, приходил бы домой вовремя.
- Дай мне топор.

Дров у нас много. Летом две машины привезли и летом же наняли рабочих распилить их на колышки. А бревнышки -- которые легко разрубить, а которые корявые, сучковатые, с наростами, и упрямятся. Именно такие, мозолистые, и люблю я колоть и, сколько бы ни мучился, до зуда в плечах, хоть семь потов сойдет, пока не наколю всю кучу, не отстану.

...Как долго тянется день.

В доме мир и покой. Бабушка сидит у печи и пришивает пуговицы к моей рубашке. Мама в другой комнате, читает. Половина двенадцатого. Сажу за своим столом и перелистываю «Крокодил». Задачу по алгебре решил, но вопросы пока не составил. Завтра перепишу. Уравнение с одним неизвестным. Легко получается. Историю в школе прочитаю. Сегодня нам объясняли восстание Пугачева, очень хорошо все помню.

У меня привычка: сидя, трясти ногой, а наш дуралей кот думает, что я с ним игру затеиваю. И сейчас вот по полу кувыркается и доверчиво тербит мои пальцы. Я не люблю котов. Наш кот, наверное, в жизни не видел настоящей мыши, и поэтому все принимает за мышь - катящийся по полу клубок, бабушкино веретено и даже кусок колбасы, слязненный со стола. В «Крокодиле» меня насмешила одна шутка - инспектор по образованию спрашивает преподавательницу: «В работах ваших учеников много ошибок. Разве вы не правите тетради?» Смешинка тут в том, что учительница в пестрой косынке, закрытых ботах, и будь еще у нее очки - ну вылитая Юлия Платоновна, отвечает: «Блин, правим вусмерть, да рази ж они че секут?»

Сегодня я даже не поблагодарил толком этого человека со стороны. Как его звали? Гурам. Когда я его встречу... А встречу ли когда-нибудь?

- Лаврентий! - зовет меня мама.

Я выключил настольную лампу и перешел в другую комнату.

Мама читает новое руководство по бухгалтерскому учету. На обложке книги изображены большие черные счета.

- Что сегодня случилось в школе?
- Ничего.
- Тебя кто-нибудь вызывал?

- Никто.

Мама погружает руки в мои волосы и прижимает к груди.

Все-таки, умеют женщины ласкать без конца.

- Уроки сделал?

Киваю головой.

- Ну, иди теперь, засни.

...В спальне холодно. Моя постель стоит у окна. Я ложусь и долго не могу заснуть. Радио битый час передает последние известия и никак не передаст. Встаю и выключаю звук, но все-таки заснуть не могу. В тишине бессонница еще пуще. Обдумываю тысячу мелочей, а за окном чернеет ночь.

Здоровенный детина вымахал, а до сих пор не знаю, в котором часу мать ложится и в котором встает. Вот, и сейчас она на ногах, возится на кухне. Восемь часов.

Накануне прошел дождь. Сейчас небо на востоке сверкает глянцем, и плывут по нему, словно бы нехотя, алые пряди облаков по направлению к западу. На горизонте виднеется горная цепь Кавказиони, издалека сине-белые горы теперь очень напоминают декорации второго действия спектакля нашего театра «Молодой учитель».

Отворяю окно. В комнату врывается стужа. Срываю листок календаря и на заиндевевшем стекле рисую человеческую голову. Если где-нибудь на железных воротах или на заборе вы увидите человеческую голову с бровями в стрелочку и носом с горбинкой, знайте, это я рисовал. Головы у меня получаются хорошо, но, что правда, то правда, фигура человеческая ну никак у меня не выходит - или ноги коротки, или плечи разного размера, а в поясице так распрявлена, будто гвоздем приколочена к стене. Иногда смотрю и думаю: нет, это туловище от другой головы, или наоборот.

У нас очень забавное зеркало. Стоит немного задрать голову и посмотреть в него, лоб и подбородок сместятся так, что не увидишь ни собственных глаз, ни рта. А если чуть склонить голову, изображение удлинится, нос и глаза причудливо вытягиваются, и на тебя глядит какое-то уродливое огуречноголовое существо. Я очень люблю это зеркало, потому что каждое утро оно приводит меня в благое расположение духа.

По утрам все часы спешат. Хоть бы на уроке так мчалось время. А этот чубчик и вовсе извел меня, каждое утро артачится, капризничает, хорошо, я научился его кверху зачесывать, так, что он становится перпендикулярно, как громоотвод.

- Лаврентий, олаздываем! - прыгая от холода на одной ноге, зовет Вата из-за ворот.

- Минуту! - отвечаю я и сую в сумку последнюю книгу, по расписанию уроков.

Мы бегом устремляемся по улице.

Впереди нас следуют три «куколки» из музыкального училища. Мы с Ватой постоянно их здесь встречаем. Давно знаем их по именам. Да и они прекрасно знают, кто мы, и все же мы никогда не здороваемся. Однажды Вата спросил у одной из них, белокурой Розы Гогуадзе, у которой длинные косы и загадочного цвета глаза, где она учится?

- В десятилетке для одаренных.

Так горделиво ответила эта длинноносая, что я рассмеялся в голос. Вот с того-то дня нам с ними так и не довелось поговорить.

...Молодые мамы чуть не силком тащут в детские сады хнычущую малышню.

...Шофера такси молнией пронесут свои зеленоглазые автомобили и никому не останавливают. Раз на этой улице остановки запрещены.

...Перед универмагом до сих пор висит старая-престарая газета: «Вот кто нас позорит». С ее полосы на прохожих три месяца пялится 22-летний беспартийный Жора Маргвелашвили, который, оказывается, нигде не работает и не так давно предпринял попытку зайцем улететь во Владивосток.

- Привет! - мы с Ватой одновременно здороваемся с упитанным второклассником, у которого на рукаве вышит знак общества «Красного креста». Толстячок сунул портфель между ног и, пыхтя, попытался нахлобучить ушанку, ту самую, которую, наверное, сегодняшним утром мама так старательно подвязывала ему под подбородком.

- Хватит, хватит, - со смехом говорю я и большим пальцем жму на нос бутузу.

- Би-би! - бибикает пухлик и улыбается с облегчением.

У поворота показалась новая улица. На уложенных вчера плитах сидят рабочие, держа папирсы в грубых брезентовых перчатках. Трактор с грохотом ездит туда-сюда и разрисовывает своими огромными гусеницами мокрую землю.

Напротив школы, у высокого церковного забора собрались люди. На этом месте я никогда не видел столько народу. Прохожие останавливаются и показывают друг другу на стоящий в храмовом дворе высокий чинар. Приближаемся.

- Привязана?

- Наверное. В силки угодила.

- Какой там силок, не видишь, шнурок у нее на лапке.

- Как же ее так угораздило?

- Жалко...

Спрашиваю у торговки:

- Тетя, что тут случилось?

- Не видишь? Голубок привязан, - отвечает она и показывает кушку чинара.

На оголенной верхушке дерева вниз головой, трепыхаясь, висела сизая голубка. А внизу собралась небольшая толпа деловых прохожих, всем сердцем переживавших за попавшую в беду голубку.

- Может, она от кого-нибудь улетела?
- Шнурок на лапке за ветку запутался.
- Как ей помочь?!

Недолго думая, я сунул портфель в руки Вате, отогнул знакомую доску в заборе, подбежал к чинару, разулся и пополз по мокрому стволу. Труднее всего было добраться до первого толстого сука. Чинар старый, и руками до ветвей не достать, к тому же прошел дождь, и ноги все время соскальзывают. Пальцы заныли, разгоряченный лоб покрылся испариной. Пару раз я решил - вернусь обратно, но когда посмотрел вниз и увидел такое множество устремленных на меня глаз, собрал последние силы и, тяжело дыша, пополз дальше.

Только я высвободил шнурок и осторожно сжал ее маленькие крылышки в пальцах, как прозвучал школьный звонок.

Бережно стиснув голубку, как драгоценную добычу, я начал спускаться.

- Молодец!
- Бог тебе помог, парень.
- Не зажимай птичку, а то задушишь, - услышал я чей-то необычайно красивый голосок.

Вот-вот должен был я спрыгнуть на землю и чуть расслабил пальцы, как голубка, не успев высвободиться, выпорхнула у меня из рук. В толпе поднялся гвалт. Кто-то, может, обрадовался, что птичка улетела, кто-то встревожился, потому что шнурок все еще болтался на ветке воздушным змеем. Голубка перелетела на крышу стоявшего чуть поодаль двухэтажного дома.

Полумертвый, слез я с дерева и, прислонив голову к церковному забору, увидел вдруг перед собой множество спин. Внимание собравшихся переключилось на крышу двухэтажного дома. Сердце прыгнуло. Я забрал у Ваты портфель и с поникшей головой направился к школьному двору. Внезапно кто-то положил руку мне на плечо и развернул меня.

- Здравствуй, Лаврентий!

Я присмотрелся - это был Гурам, в глазах его играла вчерашняя улыбка.

- Здравствуйте.
- Что, выпорхнула птичка?
- Выпорхнула.
- Ничего, в другой раз поймаешь. Ну, беги, Юлии Платоновне привет

передай от меня.

- Ладно.

Он ушел. И не сумел я ему объяснить, что не ловить я собирался голубку, а освободить, спасти лишь.

...Из аллеики школьного двора, не успел я войти в ворота, Вата дает знак - назад, мол, назад.

Захожу за ворота, Вата подбегает, запыхавшись.

- Здесь переждем, пока первый урок не закончится.

- Что случилось?

- Отариа Брегвадзе всех опоздавших поймал и заставил камни перетаскивать на заднем дворе.

Отар Брегвадзе - учитель физкультуры. Он часто и с удовольствием использует свой урок в целях благоустройства школьного двора.

Услышав звонок об окончании первого урока, мы бегом пересекли двор.

Вся доска объявлений на втором этаже была занята оповещением: «Завтра в 2.30 состоится открытое собрание школьной комсомольской организации. Повестка дня: итоги первой четверти и задачи организации на вторую четверть (докладчик - секретарь комитета комсомола Дали Лагидзе)». Под этим объявлением кто-то приписал синим карандашом: «После собрания состоятся танцы и будет проведен розыгрыш лотереи». Это объявление оформил Арчил Пхакадзе, вчера его Дали целый день уламывала: «Ты только это объявление мне нарисуй, а я каждый день тебе буду физику давать переписывать».

Войдя в комнату, я сразу подступился к Арчилу.

- «Не был» мне отметили?

Пхакадзе опустил голову.

- Ничего вы не сказали, да?

- Не поверила.

- А что вы все-таки сказали?

- Губеладзе сказал, далеко живет он, Баланчивадзе сказал - вчера у него голова болела, Бешкенадзе сказал, по-моему, у него дом сгорел, вчера у его дома пожарная машина сновала, Хахалеишвили подтвердил слова Бешкенадзе, я сказал, по двору Лаврентия дорогу к стадиону прокладывают, Дали Лагидзе...

- Что сказала Дали?

- Дали сказала, все они врут, уважаемая, сегодня утром по дороге в школу я видела - по дереву он полз.

Я улыбнулся.

Заранее ведь знал, что Дали скажет именно так. И если кто-нибудь меня и должен был видеть в то утро, так несомненно - не кто иной, как

Дали.

- Что, не лез он на дерево? Сам пусть скажет. - Дали повернулась к окну и прижала к груди книгу в белой бумажной обертке. Я направился к ней.

- Откуда ты меня видела?

- Из автобуса.

- А ты не могла не сказать учительнице?

- Могла.

- Обрадовалась, что мне «не был» написали?

- Все равно бы написали, мои слова ничего не меняли.

- Ну почему ты такая?

- Какая?

- Выскочка.

- Ты уже однажды получил за это, ума не набрался?

- А ты что, не рада?

- Чему?

- Тому, что ты красивая выскочка.

- Сейчас вот... Мамой клянусь... - Дали раскраснелась и замахнула на меня книгой. - Ты вообще должен молчать в тряпочку!

- Ого! Я сейчас заплачу! Сама молчи, я что-то про тебя говорю?

- А я только о тебе и говорю, знаешь ведь...

- Надо бы спросить для начала.

- Что спросить?

- Зачем я лез утром на дерево.

- А мне все равно.

Дали пошла к своей парте. Дети по очереди подходят к доске и, стуча мелом, что-то пишут. Отличники повторяют историю пугачевского восстания. Дежурный не успевает стирать с доски. Сейчас урок истории. Учитель истории молод и строг. Он закончил институт в этом году и не терпит ни малейшего шума на уроке. Зовут его Вахтангом. По фамилии Салдадзе. Вахтанга я ни разу не встречал на улице, ни на какие другие темы, кроме истории, он с нами не говорит, и весь класс наш боится его, как ружья. И сам он на уроке - как взведенный курок, иногда оттирает лоб платком и то и дело поглядывает на часы.

Вахтанг уходит с урока полностью вымотанным.

На смену Вахтангу в класс входит Юлия Платоновна. Она протирает скамью от кромки до кромки и осторожно садится. На ней черное пальто, еще ведь ноябрь на дворе, и школа не отапливается.

- Садитесь!

Несколько человек усаживаются.

- Вы что, не понимаете, что значит садитесь?

- Уважаемая, сейчас у нас должен был быть урок учителя Вахтанга.

- Ты меня не учи, Губеладзе, что у нас должно быть, Вахтанг проведет

урок завтра вместо меня.

- А сегодня вы вместо него проводите? - никак не угомонится Губелдзе.

- Чего ты прицепился, цыганенок! В военный комиссариат человека вызвали, он и пошел, понятно?

- Куда он пошел, уважаемая?

- В комиссариат. Тишина теперь!

- Ой, наверное, в армию его зовут.

- Не знаю. На войну призыв - дело серьезное. А что нынешняя армия?

Детский сад...

- А во время войны пришлось хлебнуть лиха, не так ли, уважаемый?

Рассказали бы?!

Платоновна поняла, что весь урок пройдет в воспоминаниях, как и позавчера, и своевременно внесла ясность:

- Чтоб я ни звука не слышала! Губелдзе, встань!

Губелдзе встал.

- Ты сядешь за парту с Гванцеладзе, Гвенетадзе, а ты перебирайся сюда, к Хахалеишвили, Сирадзе...

Одним словом, наша преподавательница решила «в целях укрепления дисциплины и повышения трудоспособности» усадить за парты мальчиков с девочками. До сих пор мальчики рассаживались в два ряда, а девочки «выстраивались» вдоль окна. Согласно новому порядку Юлии Платоновны, мне предстояло сидеть рядом с Дали, да еще за первой партой.

Ничего не поделаешь, беру под мышку портфель и благоговейно присаживаюсь рядом с Дали.

Юлия Платоновна объявила, что рассадить мальчиков рядом с девочками было решено на педсовете. И что сегодняшнее наше местоположение за партами окончательное, и никакие претензии не будут приниматься во внимание.

Вслед за тем начался обычный урок.

- Поскольку времени у нас мало, разберем предложение, - сказала Юлия Платоновна и вызвала к доске Хахалеишвили. Хахалеишвили нехотя поднялся и последовал к доске. А к спине его брошкой пришили листок с надписью «врун». Весь класс грохнул от смеха. Хахалеишвили ничего не понял. Сначала он подумал, что смеются из-за его широченных штанов и попросил Юлию Платоновну успокоить класс. Юлия Платоновна сорвала бумажку и долго ее разглядывала. Потом заложила бумажку в журнал и продиктовала Хахалеишвили длинное сложноподчиненное предложение из повести «Капитанская дочка». Пока Хахалеишвили разбирал предложение, я разглядывал его долговязую фигуру, обладавшую удивительным свойством вытягиваться все выше и выше. Почему-то в воображении своем я сравнивал его с буквой П (хан), и поневоле улыбался.

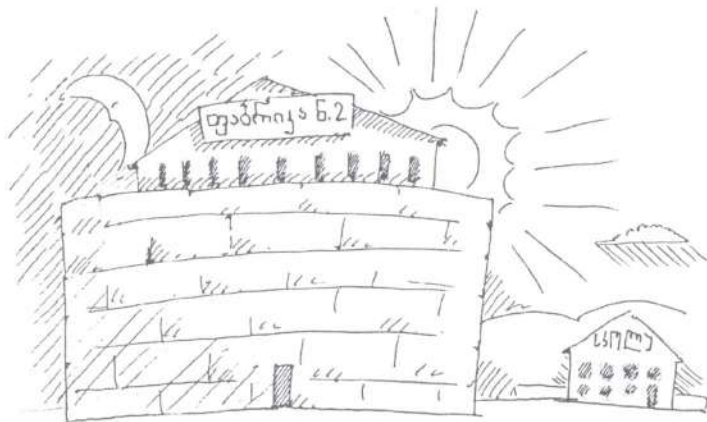
Сегодня два последних урока, согласно расписанию, были отведены под политехническую тематику. В прошлом году нас обучали основам сельского хозяйства. Отмерили каждому участок три на три метра и наказали обработать его и засеять, чем душа пожелает. В сентябре не время посева, а потому мы лишь вскопали землю и весной передали участки следующему классу; самим же пришлось удовлетвориться теоретическими занятиями Шалвы Бешкенадзе о кукурузе и пользе, приносимой ею. В этом году с сентября производственные занятия у нас дважды в неделю. В первой четверти молодая учительница Нази Сирбиладзе, в халатике, на единственном школьном верстаке учила нас изготавливать молоток.

Прозвенел звонок. Учительница Нази вошла и объявила: в мастерскую не спускайтесь, с сегодняшнего дня занятия будут проходить на швейной фабрике. Мы ничего не имели против, собрали свои портфели и взяли курс на швейную фабрику.

Неподалеку от нашей школы, на улице Цулукидзе, стоит длинное трехэтажное здание. Оно привлекает внимание оградой - высоченной (настолько, что с улицы виден только третий этаж), а также надписью на полукруге широких ворот: «Швейная фабрика №2». Поскольку эта фабрика находится совсем рядом с нашей школой, как говорит наша преподавательница Нази, это производство шефствует над нею, соответственно, наша школа представляет собой подшефную организацию для фабрики. У подшефной школы и шефской фабрики достаточно сложные и интересные взаимоотношения. Подшефная школа должна проводить вечера дружбы в фабричном клубе; концерты силами своей же самодеятельности - после встреч с депутатами или других официальных мероприятий.

В свою очередь, фабрика обязывается помогать школе в озеленении двора, пошиве одежды для танцевальных номеров и оформлении Красного уголка, а самое главное, все учащиеся подшефной школы должны получить на подшефной фабрике профессиональную портновскую выучку. Был бы рядом с нашей школой электровозостроительный завод, так он бы стал нашим шефским заводом, и нас бы обучили сборке электропоездов, был бы по соседству с нами завод по обработке камня «Акат», обучались бы мы изготовлению крохотных камешков для ручных часов, но рядом с нашей школой, на улице Цулукидзе, находится Швейная фабрика №2, и мы должны овладевать профессией портных.

На некоторые фабрики вход разрешается только по пропускам, а на некоторых пропуск предъявляют по выходе. Как видно, Швейная фа-

брика №2 была из числа этих последних. Учительница Нази остановила нас у лестниц и сказала: повремените, я схожу в местком и сейчас же вернусь. Она поднималась по лестницам так медленно, что все двадцать пять учеников нашего класса одновременно подумали: «Каким подходящим именем назвали Вас, уважаемая учительница!» («нази» - по-грузински «нежная, хрупкая», прим. переводчика).

Хахалешвили отдышался у лестничных ступенек, поставил на них свой кожаный портфель и предложил Губеладзе присесть на него. Губеладзе степенно и основательно устроился на предложенном месте.

Пхакадзе извлекла молью траченный веер и легонько обмахивает Лейлу Абрамидзе. И Лейла с удовольствием подставляет лицо и с таким наслаждением закрывает глаза, будто благовествует: взгляните сюда, с каким почтением ко мне относится одноклассница. Между тем, Хахалешвили всех опередил, извлек для нее плитку шоколада, которая неизменно присутствует в сумке Лейлы. И Пхакадзе, даже не извинившись, прекратила овеивать подругу.

Девочки в углу сбились в куток, и снова и снова затевают разговор о том, что подстригаться не всем к лицу, что высокие каблуки украшают женщину и что нигде не достать чулки без швов - это дело гиблое.

Тут и Нази подошла, учительница наша. Она поднялась на несколько ступенек и провозгласила:

- Дети, как вам известно, с сегодняшнего дня эта фабрика становится объектом вашей практики. По окончании школы вы, вместе с аттестатом зрелости, получите удостоверение портных, а с ним и право работать на любой швейной фабрике. Остальное зависит от вас. Занятия

на фабрике будут проводиться два раза в неделю, у кого возникнет желание, можете взять и дополнительные часы. Овладевать искусством кройки и шитья нам предстоит в швейном цеху, где вашей работой, наряду со мной, будет руководить студент заочного отделения философского факультета государственного университета Джумбер... фамилию запомнила... Джумбер, который работает заместителем заведующего швейным цехом. Сейчас все мы отправимся в цех. Я хотела ознакомить вас со всей фабрикой, провести нечто вроде экскурсии, но месткома на месте нет, поэтому вы будете иметь такую возможность без меня, в другое время. Большая просьба: будьте внимательны. Это не школа, а фабрика, и здесь вы хотя бы на время должны забыть науку царапать стены, слоняться без дела и болтать попусту. Ну, пойдете, а сумки оставьте в дежурной части.

Мы гурьбой ввалились в дежурную часть, оставили на столе сумки-портфели и отправились вслед за учительницей Нази. Она прошла один лестничный пролет, пропустила нас по узкому, темному коридору, провела по широкому вестибюлю, вновь одолела лестницы, свернула направо, спустилась вниз по винтовой лестнице, и наконец подвела нас к маленькой, покрытой черной копотью двери на пружине, с надписью «Пошивочный цех».

Мы открыли дверь в огромный зал, на потолке которого мерцало множество белых лампочек, благодаря которым внутри помещения было светло как днем. Так светло, что лица множества сидящих за швейными машинками казались белее бумаги. Мы погрузились в оглушительный шум и грохот. Съежившись, стоим у дверей, никто на нас и внимания не обращает, и под этими здоровенными потолками даже Хахалишвили кажется совсем приплюснутым. По левую и правую стороны зала два гигантских плаката. На одном надпись: «Взял обязательство? Так выполняй!». На другом: «Если один смог, все смогут!».

Спустя немного времени к нам приблизился невысокий молодой человек в черном халате. Из нагрудного кармана халата торчал длинный красный карандаш, а сам карман был так забит бумагами, что и значка на него не прикрепить. Без сомнения, это был Джумбер, потому что он пожал руку Нази и дал нам знак следовать за ним.

В этом огромном цеху Джумбер распределил нас по швейным машинкам. Каждому по отдельности объяснил, кто мы есть и зачем сюда пришли. Записал наши фамилии в блокнот и покинул цех вместе с Нази.

Постепенно ухо свыклось с цеховым шумом.

Стою у рабочего стола бритоголового парня и наблюдаю. Когда Джумбер привел меня к нему и сказал, что я буду его подшефным, бритоголовый окинул меня взглядом раз, другой, кивнул Джумберу головой и продолжил свою работу. Работа у него, между нами говоря, не очень трудная. Он разглаживает воротничок белой рубашки в синюю

полоску, раскатывает топорщащиеся штанины брюк. В руках у него большой утюг, который он использует, как ракетку пинг-понга. Я стою битый час, но мастер никакого внимания мне не уделяет. Он примерно на пять-шесть лет старше меня, не больше. Три часа. Через час и смена закончится. Я подхожу к бритоголовому и со всей серьезностью спрашиваю:

- Что мне делать?
- А?! - переспросил он, прикладывая ладонь к уху.
- До каких пор мне так выстаивать?
- Не понимаю, что ты там бормочешь?
- Ты будешь меня чему-нибудь учить?
- Громче говори!

Я приблизился к его уху и во весь голос заорал:

- Ты будешь меня чему-нибудь учить?!

Мой мастер улыбнулся, снова окинул меня взглядом раз-другой и показал на другой утюг.

- Чему тут учиться, бери утюг и работай.

Утюг сразу же накалился.

Я взял со стола бритоголового одну рубашку и брюки.

- Только воротнички? - спрашиваю.

- Да.

Кладу утюг на воротничок и никак не могу выправить. То с одной стороны морщинится он, то с другой. А как этот окаянный - одну за другой - сорочки оприходует? Подошел, присмотрелся. Как это он утюгом пуговиц умудряется не коснуться? Возвращаюсь к своему столу, ух ты, от воротничка поднимается сизый дымок, а по белым полоскам расплзаются коричневые. «Как бы кто не заметил», - думаю. И быстренько сбрасываю его в неглаженное белье. И, пока я смачивал водой брюки, от подготовленных к глажке штанов тоже повалил дым. Мгновенно хватаю утюг и ставлю на металлическую подпорку. Бритоголовый изредка посматривает на меня и посмеивается.

В цех въезжает электродизель и вывозит гору сброшенных на пол брюк и сорочек. Все-таки, как они шустро шьют, ну и дела! И кому нужно столько штанов в белую полоску, и рубашек в полосочку голубую. Я, к примеру, никогда ни на ком таких не видел.

Раздается гудок.

Цех внезапно замолк. Портные поскорее оторвались от своих машин и устремились к выходу. Мой мастер даже головы не поднял. Когда цех опустел, я подошел, положил руку ему на плечо и спросил:

- Мне уходить?

Он кивнул головой, выключил утюг, нахлобучил шапку, и мы вышли вместе.

- Ты в каком классе? - спросил он.

- В девятом.

Больше он ничем не заинтересовался.

- А вы долго на этой фабрике работаете? - на этот раз вопрос задал я.

- Нет, я здесь на практике, учусь в политехническом.

- Да-а... А я думал...

- Что ты думал? - он рассмеялся, похлопал меня по плечу и убежал.

...В дежурной части оставался только мой портфель. Остальные ученики уже разошлись.

На первой полосе молодежной газеты начинается и на второй полосе заканчивается статья «Сбывшаяся мечта». Речь в ней идет об одном необыкновенном молодом человеке, работавшем подрывником на каменноугольной шахте. Этот юный герой, как повествует автор очерка, с детства возился с углем, даже из детского сада сбежал, чтобы посмотреть на шахтеров, переодетых в спецовки. А когда подросток, безрезультатно разыскивал их, держа в руках чайник с чаем с вареньем. Оказывается, мальчик мечтал о том времени, когда с кайлом, в каске с фонарем и с закопченным лицом, выйдет вместе с товарищами из черного, сырого подземелья. Как только закончил он третий класс, каждый год приставал к главному инженеру: прими да прими меня в шахтеры; да годами не вышел, не брали его. Закончил школу, даже выдачи аттестата не дождался - сияя от радости, пошел работать в шахту, и вот - план ежегодно перевыполняет, выдает по 140-150 процентов. В центре публикации - фотопортрет улыбающегося героя. Как ни удивительно, с газетных страниц рабочие всегда улыбались.

Сегодня я впервые надел новый дождевик, который этим летом купила мне мама. Он мне немного велик. Это чешский дождевик, и на свету он отливает зеленью.

Теплый, безветренный день, легко можно обойтись и без дождевика, но я в новом дождевике и не сниму его, назло солнечной погоде.

На крыше мастерской Сократа красуется белый петух, устремивший взор свой долу.

- Здравствуй, Сократ!

Сократ держит губами целый ряд мелких гвоздей и поэтому на мое приветствие отвечает только кивком головы.

- Вата дома?

Сократ мотает головой в знак отрицания.

Отхожу от мастерской, иду вдоль по улице. Наша улица - самая спокойная во всем городе. И все на ней живущие знают и приветствуют друг друга. На нашей улице три цветочных магазина и одна библиотека, где работает мягкосердечная, всеми любимая Венера.

- Лаврентий!

Сократ высунулся из мастерской и подзывает меня. Возвращаюсь.

- Ну-ка взгляни, - Сократ ткнул назад своим широким черным пальцем. - Из окна посмотри, он на веранде сидит. Читает ли? Посмотри и скажи.

Я вышел из задней двери мастерской во двор.

- Только не дай себя застукать, - вдогонку крикнул Сократ.

Я поднялся по лестницам и заглянул в дверь.

Вата - грудь колесом - лежал на столе и разглядывал потолок. Разумеется, сразу меня заметил и подошел к двери.

- Что делаешь? - спрашиваю.

- А что мне делать, запер он меня, на улицу не выпускает.

- Это к лучшему, читай себе.

- Что мне читать в этом карцере? Пойди, скажи, пусть откроет двери, и никуда я не удеру, мамой клянусь!

Сократ отвалил камень, и в проеме показалась его голова.

- Так-то будет лучше. С этого дня всякий раз буду тебя запирать, чтобы уроки учил.

И вновь я на улице. Я уже говорил - наша улица самая спокойная и маленькая. Теперь же от нее к стадиону ведет новая дорога, она проглотит нашу улочку, разрушит дома, уничтожит яблоневые и алычовые саженцы, а громыхающий трактор схрумкает землю моего двора. Вон до той груши срежет наш двор дорога.

А в этом доме с верандой живет артист Сашура. Он служит в театре и в каждом спектакле исполняет по 3-4 роли.

Так стремительно проносится по сцене Сашура, что иногда и мы, соседи, его не узнаем.

А в этом деревянном доме живет дядя «Семена». Семен сам построил этот дом и теперь другой строит - он плотник. Раньше в Москве, в министерстве работал. Потом его взяли на войну, попал в плен.

Теперь он плотничает и пьянствует.

Дальше, в двухэтажном доме проживают две неразлучные души - завмаг Како и его красивая жена. Жена очень любит Како - настолько, что каждый день называет его новым именем.

На параллельной с нашей улице, в доме с зелеными железными воротами, живет Дали Лагидзе. Мы никогда не были друзьями, и сейчас ничего не изменилось. Раз в год так, бывало, схлестнемся в споре, что на весь год составляем мнение друг о друге. Я Дали знаю как облупленную, а она совсем меня не знает. Она думает на свете все устроено так, как в комсомольской ячейке. Объявят тебе выговор на бюро, осознаешь свою вину, исправишься, глядишь, и выговор снимут.

А вот и двор Доментия. Доментий - самый строгий дядька на нашей улице. В прошлый раз у него оттяпали половину двора, после чего он, и так злющий, стал еще злее.

На отрезанной у Доментия половине двора мы, ребята, теперь играем гоньем, поскольку земля эта до поры до времени - ничейная.

И сейчас в бывшем дворе Доментия вовсю идет игра в футбол.

Спрыгиваю с забора.

Вешаю дождевик на частокол, засучиваю штанины и спрашиваю вратаря:

- Где наши ворота?

- Там.

Я отобрал мяч в подкате у сблизившегося со мной внука Доментия и услышал крик:

- Остановить! Ваши игрока добавили!

Я подбежал и прижал мяч ногой к земле.

- Лаврентия к нам, - сказал внук Доментия.

Мне было что в лоб, что по лбу, но все-таки для порядка спрашиваю:

- Какой счет?

- Четыре-два, мы выигрываем.

- Тогда я за них сыграю, жалко, проигрывают.

- Э-э... - недовольно пробурчал внук Доментия и в сердцах пнул мяч.

Скоро кто-то не рассчитал направление удара, и мяч перелетел во двор Доментия.

У «футболистов» слезы навернулись на глаза. Они-то знали, что означает такой перелет.

- Перелезь! - просим внука Доментия.

- С ума сошли! Он меня придушит!

И, пока мы так распинались, порубленный топором надвое и выброшенный из двора Доментия мяч шлепнулся перед нами.

Остаться на поле не имело смысла. Я перекинул дождевик через плечо и снова вышел на улицу.

Вот дом Коли-голубятника. А рядом живет Володя Каладзе, который почему-то два раза в неделю летает в Москву. Колодец тетки Жени. Как воду в кранах перекроют, вся округа из этого колодца ведра, кряхтя, таскает.

В доме Дали окно на верхнем этаже всегда открыто. А во дворе ее лохматый пес кидается на створки ворот, лаем-рычанием пугая прохожих. Я этого лохмача и на улице встречал - там он бегаёт съезжившись, хвостом виляет перед всеми, но только окажется во дворе за воротами, как остервенело бьется о железо, и тогда - дрожите, ангелы!

Думая обо всем этом, я одолел невесть какое расстояние.

В последнее время очень уж полюбилось мне разгуливать по улицам.

На улице каждый занят своим делом. Обгоняют друг друга в беспорядочном движении люди с сумками и рюкзаками, в перчатках и без перчаток. Они то вышагивают аистами, то семячат, то убыстряют шаг,

то замедляют; лица то сияющие, то скукоженные, мужчины, понурившие головы, и мужчины, расправившие плечи. Все по-разному ходят и думают.

Сзади настигла меня гигантская тень, затемнившая всю улицу.

Поднимаю глаза к небу. Черные тучи догоняют солнце и проплывают к западу.

Строительство дороги не прерывается даже по воскресеньям.

Не успел я приблизиться, как рыжебровый рабочий на секунду преврал укладку тротуара и попросил:

- Не принесешь ли мне папиросы, парень?

- Конечно, пожалуйста.

Он извлек и протянул мне на перчатке абази - двадцатикопеечную монетку.

- Вон в тот киоск сходи, если «Прима» будет, «Приму» бери, если нет - «Памир». Что поделаешь!

- И спички?

- Да.

Когда я вернулся, рыжебровый положил перчатки на камень, отер лоб рукой, выпрямился и с первой же спички прикурил сигарету.

Я равнодушно смотрю на все это. Беспорядочный стук камнеобработчиков действует на нервы. Над новопроложенным тротуаром склонился бригадир и что-то вымеряет, пядь за пядью.

- Когда закончите? - спрашиваю у рыжебрового.

- Не знаю, - он затушил окурок, надел перчатки и снова припал на колено.

Какая адски медленная работа. Каждый камень поштучно надо взять в руки и плотно пригнать к другому в мокром песке. После по этому вымощенному участку проходит каток, трамбующий гудрон.

- Хочешь научиться моему ремеслу? - спросил рыжебровый.

В ответ я замотал головой в знак отрицания.

- Это каждому под силу, - послышался чей-то голос в грохоте камнеоломни.

- Ты так думаешь?

- А что тут думать.

- Без навыка не то что дороги мостить, инжира не съешь, от кожуры не очистишь, друг сердечный...

- Да ладно тебе...

Рабочие замолчали, и движения их рук убыстрились. Тут же бригадир опять склонился и что-то вымеряет пядь за пядью.

- В день сколько получаешь? - спрашиваю рыжебрового.

- Я на выработке, когда больше, когда меньше.

- Трудно?

- Легко только кашу кушать.

- А почему ты непременно выбрал вот эту возню с камнями?
- Ну, у тебя язык без костей, племянничек. Кто ж его знает, зачем взялся. Жизнь такова. Кто-то дороги прокладывает, кто-то на ракетах летает, а кто-то лотерейные билеты продает.

- Шабаш! - провозгласил бригадир, сложил измерительный прибор и бросил взгляд на часы.

Рабочие поднялись и, переговариваясь, направились к зданию столовой, находившейся там же, в ста метрах.

На дороге остался только трактор. Скоро и он перестал грохотать. Тракторист вылез из кабины и, протирая руки, последовал за рабочими.

Я стоял в одиночестве, некоторое время чертил что-то на песке, а потом меня вдруг обуяло желание попытаться вымостить дорогу. Взял я большой молоток, надел перчатки и приступил к делу. Пристраиваю в песок камни одинаковой высоты и тесно притираю их друг к другу. Камни разного размера, значит, под маленькие нужно побольше песка, чтобы уравнивать их с большими, длинные камни надо втискивать поглубже и тщательно подправлять. Постепенно я вошел во вкус. Повесил дождевик в кабине трактора и продолжал работу.

Раньше всех из столовой вернулся рыжебородый. Незаметно встав над моей головой, он посмотрел на сделанную работу и нахмурил брови:

- Так не делается, детка. Ты укладываешь камни по длине, а теперь мне придется все это выковырять и заново уложить. Иди-ка лучше, в мяч поиграй и не бери на себя того, что у тебя не получается.

Я разозлился. Почему-то мне казалось, что мощу дорогу хорошо и что приятно удивленные рабочие оценят мое усердие и поблагодарят. А этот, рыжебородый верзила, киркой вывернул уложенные мной булыжники и отнял молоток.

Я встал на дороге и, подбоченившись, оглядывал все происходящее.

Рыжебородый удивленно повернул голову:

- Ты еще здесь?

Я ничего не ответил, глядя вверх.

- Гемдурис! - позвал кто-то.

Рабочие рассмеялись. У меня в гортань словно мячик закатился. Показалось, что перед этими издевательскими глазами и огромными руками я и вправду выглядел смешным - девятиклассник в новом дождевике и с тремя запачканными чернилами пальцами.

Я резко повернулся и пошел в сторону дома.

Начался дождь.

На улице образовались канавки и, словно сговорившись, тут же выбрали путь к каналу. У меня намокли плечи. Вода затекала за шею, но шага я все же не убыстрял. Как же внезапно пустеет улица под дождем...

На швейную фабрику я сегодня явился с опозданием. Улыбнулся гладко выбритому мастеру и шепотом спросил:

- Джумбер еще не приехал?

Он игриво подмигнул мне.

- Пусть тебя это не заботит.

Я пробежал взглядом по лицам, склонившимся над швейными машинками, и включил утюг.

Сегодня дело спорится. Я разгладил около десяти воротничков и около пятнадцати штанин. Потом вдруг заскучал. В цеху одни женщины. Над швейной машинкой склонился Хახалеишвили и пришивает пуговицу к белой сорочке. Мне кажется, то, что мы здесь делаем - совсем не мужское занятие, и вообще, пришивать пуговицу длинными хახалеишвилевскими руками - срамota одна.

- Освоил? - слышу сзади голос Дали. - Знаешь, как я наловчилась рукава шить? Аа, ты на утюге? Ну, что сказать, подходящее тебе дело подобрали!

Стыд какой...

- Нет, я не глажу. Просто тут околачиваюсь, ничего не делаю.

- Как это просто?

- Не интересует меня глажка.

- Почему? Не по чину тебе она?

- Ты что, нервы мне трепать пришла? Иди, вдевай нитку в иглолку. Я свое дело знаю.

Дали, по привычке, вскинула брови и ушла.

- Не держи утюг раскаленным, - сказал бритоголовый.

- Ах, да, да, я сейчас подойду, - сказал я, выключил утюг и вышел из цеха.

В дежурной части сунул портфель под мышку и сказал старику-сторожу:

- Ноги моей больше здесь не будет.

Ненадолго задержался. Думал, сторож спросит - что случилось, но с его стороны - ноль внимания. Возобновив прерванный напев, он продолжил мерить шагами пространство - туда-сюда...

Иду мимо строящейся дороги.

Сегодня поработали на славу. До столба уже добрались. Рыжебрового не видать. В песке валяется его длинный молоток с черной ручкой.

Присев неподалеку, отдыхаю, ни о чем не думая.

Появляются рыжебровый рабочий и высокий мужчина в плаще. Я тут же узнал Гурама. Он увлеченно говорит что-то рыжебровому, и по-

минутно делает пометки в блокноте. На боку у него висит фотоаппарат.

Потом рабочие расселись, Гурам настроил фотоаппарат, наверное, попросил, чтобы не смотрели в него, потому что все разом клюнули носами. Когда все было готово к съемке, Гурам заметил меня.

- Лаврентий!

Я подбежал к нему.

- Что ты здесь делаешь?

- Ничего.

- Он и вчера приходил, помогал, хочет поскорее дорогу достроить, - сказал рыжебровый.

- Неправда это, никому я не помогаю, - сказал я, чувствуя, как краснеют уши.

- Ну-ка, отложи свой портфель, возьми в руки молоток и садись вот туда, - сказал Гурам.

Я взял молоток и присел среди рабочих. Гурам сделал четыре снимка. Потом попрощался с рабочими и положил мне руку на плечо.

Мы пошли по улице.

- Уроки закончились? - спросил он.

- Мы на швейной фабрике были.

- И что?

- Не смог я там прижиться, смылся.

- Что там тебе поручили?

- Мне лично выдали утюг для выравнивания брючных штанов, мужское ли это дело?

Гурам рассмеялся.

- Не знаю, что и сказать... Что, не понравился утюг? А мостить дороги - это ведь мужское дело! Мужское дело, но работа - дрянь. И штаны измажешь, и молотком по пальцу залепить - обычное дело, к тому же все время должен работать, в три погибели изогнувшись. А утюг что - туда провел, сюда провел, и не устаешь особенно, и штаны не пачкаешь.

Говорит - и смеется. Похлопывает меня по плечу. Порой останавливается и снова смеется.

- Вы где работаете, Гурам?

- В газете.

- Вы журналист?

- Да...

...Некоторое время мы идем молча. Потом Гурам поминутно спрашивает обо всем, что со мной связано. Он уже не смеется и пытается, разглагольствуя, узнать как можно больше. Я и головы поднять не успел, как уже подошли мы к дому Гурама. Он открыл ворота и пригласил меня. Миновав двор, мы поднялись по лестницам полуторазтажного, выкрашенного в синий цвет дома. На веранде лежит мужчина в

возрасте, с перевязкой на голове.

- Как ты, отец? - спрашивает Гурам.

В ответ молчание.

Гурам берет у меня из рук портфель, кладет его на стол, подводит меня к старому стулу и представляет:

- Это мой товарищ.

Старик оглядывает меня, продолжая молчать.

До вечера я оставался там. Отец Гурама лежал навзничь, безмолвно разглядывал потолок. А Гурам все расспрашивал о нашей семье, о школе, даже о Дали. Обо всем говорили мы: об утюге, о молотке, о медицине, об инженерном деле. Потом Гурам стал рассказывать о себе, анекдоты прижарил. Потом достал толстый том Галактиона и прочитал два стихотворения. Я слушал и чувствовал себя очень уютно. Никогда ни с кем не говорил я так откровенно.

А старик слушал нас и все разглядывал потолок.

Прошел декабрь. Мама и бабушка, как и прежде, каждое утро учат меня уму-разуму и каждый вечер спрашивают, как прошли уроки.

Сократ зажигает две керосинки в своей мастерской, и все равно там холодно. Откуда в его мастерскую задувает ветер, никак я не обнаружил. Каждый день Сократ ноет: у Ваты по-прежнему зачастую по грузинскому «то же самое», по русскому диктант, а по географии учительница снова дает двухстраничный урок на чтение с кратким пересказом.

Ранними утрами свекольного цвета крыши белеют. К полудню проклевывается солнце и кое-как прогревает землю по спинке.

Я не хожу на швейную фабрику. В часы производственной практики сижу и наблюдаю за строительством дороги. Порою беру в руки молоток и осваиваю искусство мощения тротуара.

Дорога постепенно приближается к стадиону, через неделю дойдет до моего дома. Мы с рыжебровым подружились, он для меня носит из

дому второй молоток. Вчера бригадир дал мне расписаться в ведомости и перечислил двадцать рублей.

Я спросил - что это, почему это.

- Как что-почему? Сколько заработал, столько и платим, или мало тебе?

Я не скрывал удивления.

Рабочие улыбались, столпившись вокруг.

Я говорил, что несерьезно ведь подряжался, так, чтобы время убить.

- Вот потому-то и выписали тебе так мало, - сказал бригадир. - А если сомневаешься, заново перемерим.

В тот вечер я пришел к Гураму и обо всем рассказал. Он не удивился. Перевел разговор совсем на другую тему.

Станный человек Гурам.

Сегодня на урок Юлии Платоновны пожаловал инспектор отдела просвещения. Он попросил учительницу уделить ему несколько минут и взял в руки журнал. Долго его рассматривал. Потом повернулся к Платоновне и спросил:

- Ну, как они учатся, уважаемая Юлия?

- Очень хорошо. И на дисциплину не жалуюсь.

Затем инспектор обратился к нам:

- Ну, дети, вы уже взрослые, каких-то два года - и окончите школу. Разумеется, вы имеете определенные стремления, а многие уже выбрали будущую профессию. Разве не так?

- Так, - поддакнул кто-то.

- Вот вы, например, кем бы хотели стать? - спросил инспектор у Хахалеишвили.

Хахалеишвили встал, почесал репу и застыл.

- Кем бы вы хотели стать? - повторил вопрос гость.

- Скажи что-нибудь, парень! - вмешалась Юлия Платоновна.

- Инженером, - подсказал кто-то.

- Инженером, - повторил Хахалеишвили и сел на место.

Инспектор расспросил каждого по отдельности. Он с усердием помечал что-то в блокноте. Большинство метило в инженеры, кто-то в медики, кто-то в преподаватели, а Гумбаладзе сказал, что хочет быть инспектором отдела просвещения. Когда же настал черед Дали Лагидзе, она встала и гордо заявила:

- Портнихой.

Все разом замолкли. Довольный инспектор оживился:

- Вот молодец, ваша фамилия?

- Лагидзе.

- Кройка и шитье - очень трудная и почетная профессия. А в общем,

ответами вашего класса я не доволен. Хорошо, конечно, что все хотят стать инженерами и врачами, но неужели вам не по душе профессия слесаря, плотника, или того же портного, которую вы осваиваете на шефском предприятии? Так не пойдет, инженерное дело начинается со слесарского и плотницкого. А ну-ка, подумайте хорошенько, может кто передумал, решил поменять избранную будущую профессию?

Класс затаил дыхание.

- Я, - встал Губеладзе.
- И кем вы хотите стать?
- Портным.
- И я, - встал Чантурия.
- ?!

- Гладильщиком.

- И мы! И мы! - зашумели дети.

- Портными! Портными! Портными!

Сияющий инспектор лихорадочно отмечает фамилии и останавливается у моей парты.

- А вы, юноша?

- Не знаю, - говорю я, глядя прямо в глаза инспектору.

- Как это - не знаешь? - заегозил он. - Ну-ка, четче зафиксируйте, вспомните, может, позабыли?

- Нет, не забыл, я никогда этого не знал.

- А что вас более всего интересует?

- Во всяком случае, не портняжье дело.

- Бросьте эти двусмысленные намеки и отвечайте по существу.

- Да, уважаемый.

- Значит, ты хочешь сказать, что из всего этого класса ты - единственное исключение, и ты единственный не знаешь, чем будешь заниматься во взрослой жизни?

- Я не исключение.

- ?!

- Они тоже не знают. Мы только сейчас начинаем думать о том, каким делом займемся.

- И что же?

- Сейчас вы не даете нам возможности сделать свой, собственный выбор жизненного пути.

- И все же?

- Для вас наша группа - всего лишь IX Б класс, который, все как один, должен пройти практику на швейной фабрике.

- И что же в этом плохого?

- Для вас ничего. А для нас плохо то, что возвратившийся с фабрики Губеладзе примется возиться и копаться в своих радиоприемниках, Хახалеишвили снова разберет и соберет свой «Запорожец», Пхакадзе

при свете электрона нарисует разрезанный лимон, и никто из них не вспомнит ни об утюгах, ни о воротничке, пришитом наоборот к рубашке в синюю полоску.

- По-вашему, художнику, инженеру или летчику не нужны навыки гладки или пришивания пуговиц?

- Насчет этого ничего не возражаю, кто скажет, что само по себе это дурно, как и то, что вы нам предлагаете всех стричь под одну гребенку - все двадцать пять человек...

- Ничего мы не предлагаем, мы только хотим довести до вашего сведения, что и самая высокая лестница начинается с первой ступеньки.

- Мы это давно уже знаем.

- Что касается вашего класса, почему вы берете на себя говорить за других. Значит, комсомолка Дали Лагидзе сказала неправду, когда заявила, что хочет стать портнихой? Или заблуждаются Хахалеишвили, Абрамидзе, Губеладзе, Пхакадзе?

- Может, и не все врут, но в данном случае они над вами издеваются!

Инспектор побелел, как стенка. Ударил кулаком по столу и взревел:

- Как ты смеешь, как фамилия! Ты, скотина!

Лоб мой прошиб холодный пот. Я закусил губу и сказал Юлии Платоновне как можно вежливее:

- Пожалуйста, передайте ему, чтобы вышел и никогда больше не переступал порога нашего класса этот жалкий человек.

Платоновна только руками развела.

А потом я сгреб портфель и побежал к выходу. Юлия Платоновна тотчас отступила с дороги; кажется, я бросил на нее единственный взгляд и громко хлопнул дверью.

Гурама дома я не застал. Его престарелый отец кое-как, еле воорочая языком, растолковывал мне, где находится редакция. В конце концов я уразумел адрес. Постучал в двери. Кудрявый сотрудник выглянул и рассмеялся.

- Ого, пожалуйста, дорогой.

- Я... Это... Мне бы Гурама...

- Гурама? Сейчас. - Он развернулся и обратился к сотрудникам, сидевшим в комнате с низким потолком и плавающим в табачном дыму, за как попало расставленными столами

- Гурам, к тебе товарищ из милиции.

- Ладно, довольно тебе, уже отсмеялись на эту тему, закрывай дверь, - донесся из комнаты голос Гурама.

- Нет, правда, тебя ждут.

Гурам вышел.

- Ничего себе, это ты, Лаврентий? Как ты меня нашел?

- Сам не знаю.

- Заходи.

В просторной редакционной комнате за десятью - навскидку - столами сидят десять - навскидку - молодых людей и одновременно дымят.

Гурам распахнул окно и подставил мне стул.

Я повел взглядом туда-сюда, на меня уставились глазищи - штук двадцать.

- Познакомьтесь, девятиклассник.

Головы с папиросами в зубах дернулись и снова застыли.

- Гурам, я по делу пришел.

-?! - Гурам придвинул стул.

Я стеснительно огляделся.

- Ладно, пойдем, - сказал он, вставая.

В длинном редакционном коридоре Гурам присел на подоконник и внимательно меня выслушал. Я во всех подробностях рассказал, что произошло сегодня на уроке русского. Под конец я сказал, что не помощи пришел просить, а просто хотел выговориться, кому-нибудь рассказать мои сегодняшние приключения. Сказал, что не знаю, почему вдруг взъярился на инспектора отдела просвещения и не знаю также, идти ли мне завтра в школу.

Потом мы оба замолчали. Гурам смотрел в окно. Время от време-

ни бросал взгляд на меня, хмурил брови, потом расправлял и устремлял взгляд в окно.

Потом его вызвал редактор, и он убежал. Вернулся через пять минут.

- Меня отправляют на срочное задание, иди домой, завтра я загляну в школу, - сказал и - исчез.

Целый день я бесцельно бродил, уже вечерело, когда решил вернуться домой.

У ворот стояла Дали и вглядывалась в глубину двора.

- Дали!

Она смутилась. Быстро повернулась и, разглядев меня, сердито выпалила:

- Вы так встречаете гостей?

- Извините, мы вас не ждали, ты долго тут зовешь хозяев?

- Вообще не звала. Я ведь не знаю имени твоей бабушки.

Я рассмеялся.

- Меня надо было звать, вот они и выглянули бы.

Я открыл ворота.

- Заходи, Дали.

Дали вошла во двор, но у лестниц остановилась.

- Нет, в дом я не зайду, побудем здесь, я должна тебе что-то сказать.

Я же говорю, странная она, эта девочка. Мы вернулись к воротам, Дали выглянула на улицу и указала на скамью Валико.

- Присядем здесь.

Подбежала и села. Я подошел медленно и остановился неподалеку.

- Что ты должна сказать мне, Дали?

- Да, вот что. Завтра ты должен прийти в школу.

- Да, но кто тебе сказал, что я не собираюсь приходить?

- Завтра на собрании комитета разбирается твой вопрос, ты обязательно должен присутствовать.

- Почему разбирается мой вопрос?

- Будто ты не знаешь. Потому что уроки прогуливаешь, потому что не ходишь на производственную практику, потому что сегодня оскорбил гостя и вообще, потому, что ты - плохой мальчик.

- Дали, завтра я в школу не приду.

- Ты должен прийти.

- Я не приду ни завтра, ни послезавтра, никогда.

- Ой, горе! Завтра приходи, а потом не ходи, если хочешь, я директора предупредила. Твое присутствие обязательно. Иначе ты мне собрание сорвешь.

Я разолился и, весь кипя, вдруг рассмеялся.

- Хорошо, приду.

Дали притихла.

- И что вы скажете мне на собрании комитета?

- Охарактеризуем, а потом накажем.

- И все-таки?

- Я заранее не знаю. Сначала товарищи должны обсудить.

- Ты поэтому пришла? Знаешь ведь, я собраний не боюсь. Плохая ты девочка, Дали.

- Ты чего раскричался? Сядь-ка вот сюда.

Я подошел, устроился с ней рядом и прошептал на ушко:

- А теперь иди домой и напиши проект мероприятия.

Дали даже не шевельнулась.

- Хотя ты ведь только под страхом срыва собрания хочешь, чтобы я пришел в школу.

Дали - ни звука.

- Ты всегда такой была, выскочкой, то и дело на всех дулась. Мы уже в девятом классе. И все это время ты говоришь чужими словами. У тебя нет друзей, и не будет. Тебя разбаловали. На руке у тебя постоянно - красная лента, и откровенных разговоров с тобой все избегают. Ты самая плохая девочка, Дали.

- Да... Конечно. Я плохая. А ты все не можешь Клару забыть.

Дали уронила руки в ладони и попыталась разрыдаться.

Я не хотел слышать ее голоса и заговорил первым.

Потом вдруг сразу замолчал. Мальчики трепетали перед Дали. У меня замерзли пальцы, и я вспотел. По всем дворам поочередно гавкали собаки. Я думал, что от начала до конца нес полную чушь и ко всем своим прелестям добавил еще и болтливость. Я думал, что все, о чем я хотел сказать, не скажу никогда, ни на одном собрании. Будучи обязанным, я не полез в бурный поток, как упрямый бык. Хотя бы потому, что на свете существовал Валико. И все же я не признавал пришивание пуговиц делом, достойным мужчины. Я видел собственноручно уложенные сикось-накось камни новой дороги, мне слышался хохот рабочих. Все до одной звезды сияли на небе, и Дали не собиралась уходить.

Я положил руки ей на плечи и сам удивился своей решительности. Дали не заставила себя ждать, взяла мою руку в ладони, в свои маленькие ладошки в перчатках.

Так сидели мы, у ворот Валико, самая красивая девочка IX Б класса и самый растерянный в мире мальчик.

До звонка на уроке меня окружили одноклассники.

- Ну, что дома сказали?

- А что должны были сказать?

- Мама твоя узнала?
- Нет пока.
- Да не может быть, вчера директор после уроков послал к ней Дали Лагидзе.

Я посмотрел на Дали. Она спрятала руки под белый передничек и разглядывала пол.

- Ты знаком был с этим инспектором? - спросил Хახалеишвили.

- Нет.

- А какая вожжа тебе под хвост попала? У Платоновны чуть сердце не лопнуло.

- Что говорили, когда я ушел?

- Ничего не говорили.

- Как же не говорили, - вмешался Губеладзе. - Как он дверь хлопнул, с потолка штукатурка осыпалась. Мы все съезжившись стояли. Инспектор тоже как воды в рот набрал. Юлия молчание нарушила. Она сказала инспектору, показывая на обвалившуюся штукатурку: «Когда же наконец этот ремонт закончится?» Мы не засмеялись. Инспектор стоял навтыяжку, на штукатурку даже не обратил внимания. Потом достал блокнот и записал твои имя и фамилию. Обернулся к Платоновне и спросил, нормальный ли этот Микава, не замечен ли раньше в подобном и как учится.

- А что Платоновна?

- Она тебя до небес вознесла, - перебил Хახалеишвили. - Я, мол, сегодняшним поступком Микава очень удивлена, но этот мальчик - лицо нашей школы, считается примерным учеником, я до сегодняшнего дня не слышала, чтобы он говорил без спроса, он так изящно и со вкусом отвечает у доски, даже нервы успокаиваются. Наверное, сегодня с ним что-то нехорошее случилось, или в школу пришел уже чем-то огорченный.

- И все это сказала Платоновна? - изумился я.

- Платоновна, кто ж еще, мы сами обалдели, сидели с открытыми ртами.

- А дальше?

- Дальше инспектор обратился к нам. Мол, дети, никто сегодня не замечал у Микава признаки опьянения?

- Опьянения? - я рассмеялся.

- И снова ответила Юлия Платоновна: «Этот ребенок отродясь не пил ничего крепче лимонада, даже в медицинских целях».

Тем временем звонок вновь зазвонил.

Первый урок у нас - родная литература.

Вход в класс учительницы Пации и вызов меня к доске произошли одновременно.

Я и раньше читал «Тост» Григола Орбелиани, но наизусть знал не-

тврдо.

Выхожу. Разобрал стихотворение хорошо, а наизусть - споткнулся на второй же строке.

- Пхакадзе, напомни, - велела учительница.

Пхакадзе встал, но не напомнил.

Тем временем заработали подсказчики, но в их бессистемном шепоте я ничего не разобрал.

- Бешкенадзе, напомни.

Бешкенадзе встал и продолжил мой ответ еще одной строкой.

После этого я вспомнил и прочитал одну строфу, а потом опять сдулся.

- Кто напомнит? - спросила Пация. В это время Дали тихохонько перелистала учебник и повернула текст ко мне. Ткнула пальцем в забытую мною строчку. Учительница ничего не заметила.

- Кто напомнит? - вновь спросила Пация.

- Он сам вспомнит, уважаемая, - смиренно сказала Дали, заложив ногу за ногу.

Я изогнул шею и разлился соловьем, продекламировав больше, чем было задано.

Учительница грузинского поставила мне четверку. Я взглянул на Дали. Она чертила квадратики на свободном листе тетради и незаметно, потихоньку улыбалась.

На второй урок Юлия Платоновна опоздала. Ребята расшумелись и с криками «пропал урок, пропал урок» высыпали в коридор, но быстренько возвратились в класс и уселись за парты.

Долго еще дверь не открывалась, но в конце концов Юлия Платоновна вошла в класс. В руках у нее не было журнала, голова не покрыта платком, и шла она как-то тяжело, шаг за шагом. Мы встали, и всем показалось, что Юлия Платоновна постарела по сравнению с днем вчерашним.

Она резко опустилась на стул и убедительнее, чем обычно, попросила:

- Дети, сегодня не шумите.

Мы все переглянулись и только теперь вспомнили, что стоим на ногах.

- Садитесь, дети, - продолжила учительница русского и пригласила свою седину. - С сегодняшнего дня мои уроки для вас завершаются. У вас будет другой преподаватель.

Юлия Платоновна говорила по-грузински. Она была бледна, то и дело прерывалась, чтобы отдышаться.

- Вы должны обучать другие классы? - каким-то не своим голосом спросил Бешкенадзе.

- Нет, ребята, я заканчиваю свою преподавательскую деятельность.

Я уже достаточно устала и состарилась. Вот уже пятьдесят три года учительствую.

Мы молчали долго, очень долго. Класс словно окаменел. Юлия Платоновна смутилась от этой тишины и кашлянула. С задней парты встал Швангирадзе. Хотел что-то сказать, но передумал, и снова сел.

Внезапно поднялась Юлия Платоновна, расправила плечи и прошла между рядами парт. Остановилась у моей парты и сердито спросила:

- Что с тобой вчера случилось, цыганенок, помешался? Кричал-орал, а на кого орал, хоть знаешь, и как ты думаешь, сойдет тебе это с рук?

От души отлегло. Передо мной снова стояла та самая Юлия Платоновна, которая сегодня же вызовет бабушку, и завтра уже все будет в порядке.

Но Платоновна, не дождавшись ответа, медленно подошла к своему столу и обратилась к нам со следующими словами:

- Дети, с русским языком вы не в дружбе. Вам еще работать и работать, а потому, чтобы не осрамить меня перед новым преподавателем, вы ежедневно должны приходиться ко мне, теперь-то я все время буду дома, и времени у меня будет в избытке. Это предложение в особенности относится к тем, кто очень отстал. Я тоже часто буду заглядывать в школу. Посмотрю, взялись ли вы за ум. А теперь все достаньте листочки и запишите мой адрес - улица Месхишвили 18, Юлия Санеблидзе. Мой сын с женой и детьми живет в Ташкенте, я здесь одна, ребята.

Звонок прозвенел так, что мы и не заметили.

Юлия Платоновна еще раз обвела нас взглядом и напомнила, чтобы мы приходили к ней. Мы все дали обещание. Затем попрощались. Мальчики пожимали ей руку, а девочки прижимались к груди и целовали до тех пор, пока сами не разревелись и не заставили прослезиться Платоновну.

Молча проводили мы ее до учительской; на сердце кошки скребли.

Третий урок - история.

Вахтанг Салдадзе вошел в класс со своей обычной суровостью и, не успев еще закрыть дверь, громко объявил:

- Микава! По распоряжению директора ты не допущен на урок.

Я молча вышел и гулял по улицам до конца занятий.

На дверях комнаты комитета комсомола подвешен красиво оформленный вопросник. На одной его стороне нарисован краснощекий кролик с большущим глобусом в лапках, а на другой - улыбающаяся девочка с ленточками в косичках. В одной руке она держит книгу, за плечико закинута кирка, и смотрит она куда-то вверх газеты.

Отворяю дверь. За столом сидят члены комитета и о чем-то стара-

тельно размышляют, шевеля своими жесткими комсомольскими извилинами. Здесь и директор школы, и учитель истории Вахтаг Салдадзе, и учитель физкультуры Отар Бреговдзе. Во главе стола (если за него принять противоположный от меня его конец) сидит Дали.

Никто не заметил моего появления. Поэтому я сделал шаг вперед и спросил у сидящих вдоль кромки стола:

- Разрешите?

Очкастый посмотрел на Дали, Дали - на директора, а директор обратился ко мне:

- Выйди в коридор, тебя позовут.

Что поделаешь. Жду вызова и, чтобы убить время, корплю над вопросом. «Напишите нам, напишите нам, напишите нам», - умоляет вопросник и предлагает набранные мелкими буквами вопросы: 1. Как ты понимаешь высказывание «образцовый ученик»? 2. Кто позорит репутацию твоего класса? 3. Как ты помогаешь пожилым и малышам? 4. Какого ты мнения о дружбе между юношами и девушками? 5. Как ты проводишь свободное время?

Напротив меня, из люка в потолке, на лестницу, прислоненную к стене, опускаются две ноги. Ноги долго ищут опору, наконец, ее находят, быстро сбегают по ступенькам, и я тут же узнаю лопухого Вату.

- Вата!

Вата пугается. Выпускает лестницу из рук, и по коридору разносится грохот. Но он сразу поднимается и убегает без оглядки.

- Вата! - кричу я ему вслед.

Видимо, он узнал мой голос. Остановился и враз обернулся.

- Это ты? - спросил он и потащился в мою сторону.

- Ты что на потолке потерял?

- Да ничего, просто так залез, каждый день влезаю на потолок, не на потолок - на крышу.

- Ты давай, правду выкладывай.

- Да мамой клянусь. Поднимаюсь осматривать.

- И на что ты оттуда смотришь?

- На все: на улицы, на дома, на людей... Идешь домой?

- Нет, - я кивнул на дверь. - Жду.

Вата недоверчиво ухмыльнулся.

- Тебя должны пропесочить? В чем провинился?

- Потом расскажу. Топай сейчас домой, и чтоб нашим - ни слова.

Очкастый открыл дверь и поманил меня пальцем.

Я вошел и примостился в углу.

- Начнем, - сказал директор, выдержав небольшую паузу.

- Товарищи, - открыла собрание Дали. Я не смотрю на нее и поэтому не могу сказать - читает она по бумажке или говорит, глядя на меня. - В повестке дня у нас один вопрос, и это - персональный вопрос

Лаврентия Микава...

Затем Дали завела речь обо мне. Сказала, что в классе я самый упрямый и недисциплинированный, что я, оказывается, уроки прогуливаю, и пока они идут, лазаю по деревьям ловить птиц, а если и присутствую на уроках, горе да беда такому присутствию. Говорила, что на производственных занятиях я не появляюсь и часто без толку слоняюсь по улицам; а после во всех подробностях поведала вчерашнюю историю. Наконец, она закончила и попросила членов комитета высказать свое мнение.

- Что тебе мешает? - спросила десятиклассница, сидевшая рядом с Отаром Брегдадзе, и покраснела. Эту девочку я часто встречал на концертах самодеятельности, в программе одного вечера она могла быть и ведущей, и декламатором, и спеть, и станцевать, и на рояле исполнить вариации на мотив «Мой задушевный друг».

Я ничего не ответил этой девушке, да и она не проявила особого интереса к моему ответу. Она просто задала вопрос.

- Что ты, вообще, думаешь? Так и собираешься жить? - спросил Вахтанг Салдадзе, поигрывая пальцами по красному сукну, которого доставало только на половину стола.

Я ответил, что много размышлял над своим вчерашним поступком и что от ошибок не застрахован никто.

- Как ты только посмел так грубо обрушиться на гостя?! - прогремел голос Отара Брегдадзе.

Больше я ни слова не произнес. Стоял и смиренно слушал выговоры. Все говорили очень складно и красиво, и порой я призадумывался, вот ведь какой плохой я мальчик, оказывается. И все равно, не мог я вести себя по-другому. Да, я пропускал уроки, но только те уроки, на которых, я знал, нам не будут объяснять новый материал... Я не пойду на швейную фабрику, потому что меня совершенно не привлекает глажка сорочек в синюю полоску, но вчера... Я и сам не знаю, почему обидел этого достойного уважения человека.

Пока я обо всем этом думал, оставшиеся четыре члена комитета, в пределах своих возможностей, охарактеризовали меня, и когда Дали спросила, кто хочет высказать свое мнение, все разом заговорили:

- Исключить из комсомола и вынести на педсовет вопрос его исключения из школы.

Дали выронила ручку из рук. Ручка покатилась по полу и прикатилась к ножке стула очкастого. Мы с ним одновременно бросились поднимать ручку. Очкастый меня опередил и быстро передал ручку Дали. Она уронила руки в лицо и уставилась на стол.

Не скрою, я испугался. Как они сказали? Исключить?

До сих пор я всегда полагал, что любые собрания проводятся в целях запугивания, воспитательных или предупредительных, а теперь так

неожиданно меня собираются исключить? Я же... Сам того не желая... Он... Молодой инспектор с какой-то неприятной улыбкой смотрит на меня и спрашивает - как, ученик девятого класса - и не знаешь, кем хочешь стать, может, забыл? Сказал бы - инженером, врачом, учителем, портным, что, чины бы у меня упали? Нет, как выясняется. А я упрямо молчал и твердил одно: «Не знаю». Видно, я действительно достоин наказания. Но исключение? И почему я сейчас тише воды ниже травы?

- Есть предложение об исключении из комсомола, - сказала Дали на удивление плаксивым голосом. - Кто за?

В это время в дверь осторожно постучали.

В дверях появился Гурам и, обращаясь к Дали, спросил:

- Можно?

- Входите.

- Вы позволите присутствовать на собрании?

Дали посмотрела на директора. Гурам на этот раз обратился к директору.

- Я из газеты, меня интересует дело Микава.

- Пожалуйте, но собрание комитета уже завершено. Вы знакомы с этим учеником?

Гурам посмотрел на меня.

- Да.

- Члены комитета придерживаются мнения, что Микава следует исключить из комсомола. Вы знаете, за что мы наказываем его так сурово?

- Да.

Гурам вновь бросил взгляд на меня.

- Знаю.

- Поскольку это так, - продолжил директор, - Дали, проведите голосование по предложению.

- Простите, - остановил его Гурам. - Мне тоже кое-что известно о Лаврентии, и может быть, это пригодится комитету в качестве информации. Вы знаете, почему Лаврентий покинул производственные занятия на швейной фабрике?

- Знаем, - сказал директор.

- А знаете ли вы, чем занимается Микава, когда не появляется на фабрике?

- Не знаем.

- Одну минуту, - Гурам наклонился и извлек из сумки фотографию. Я посмотрел на картинку и сразу ее узнал. Это ведь недавно было снято на строительстве дороги.

- Вот где он находится и чем он занят.

Пока фотография переходила из рук в руки, у меня запершило в горле, уши покраснели, сердце заколотилось, и я попросил у директора

разрешения ненадолго выйти, выпить воды...

Я вышел из комнаты и прислонился щекой к прохладной стене.

Мне показалось, что Гурам говорил долго, очень долго. Затем члены комитета вновь зашумели и, когда меня позвали, у сидевших в комнате лица были усталые - дальше некуда.

- Есть предложение объявить Лаврентию Микава выговор с занесением в учетную карточку, - в праздничной тональности провозгласила Дали.

Гурам сидел с видом победителя. Я же старался не встретиться с ним глазами. Мне было стыдно перед ним.

- Значит, так, - сказал Гурам, когда мы вышли из школы. - Видишь ведь, чуть не исключили тебя.

- Да, чуть... И что там говорили, когда я вышел?

- Нет к тебе доверия.

- Знаю.

Мы подошли к газетному киоску. Вечерняя газета еще не поступала и пришлось возвращаться назад.

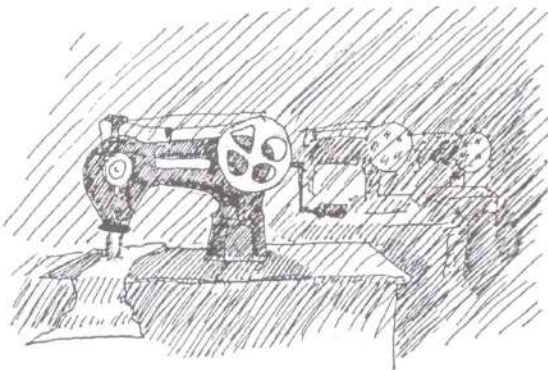
- Гурам, те же меня знаешь, и знаешь ведь... - забормотал я, сам не зная, что хочу сказать.

- Ну... нелегко тут разобраться. Иногда мне кажется, что правда на твоей стороне... Но, думаю, мне это только кажется.

- Они все мне диктуют. Силком обязывают жить чужой жизнью. У них все заранее запланировано. Может ведь хоть один человек не быть комсомольским активистом?!

- Они тебя пока учат азам поведения.

- Вот нас двадцать пять человек в группе. Двадцать пять разных де-

вочек и мальчиков. И все двадцать пять привели на швейную фабрику и заставили всех нас одинаково любить, одинаково ненавидеть, стоять в одном строю и кричать «ура-слава!», даже тогда, когда тебе что-то не нравится.

- Что ты этим хочешь сказать? Когда это в школе учили жизни? Школа только пытается утвердить, что ты неразумный ребенок, и помочь тебе в выборе жизненного пути, подготовит к вступлению в жизнь.

- Мы жить уже начали, нам скоро по шестнадцать исполнится.

- Шестнадцать - это очень мало, вы еще ни к чему не готовы.

- А если мы будем ждать времени, когда все будет готово, все сто раз отмерено, мы никогда и не начнем жить.

- Начинать надо тогда, когда почувствуешь большую уверенность в себе и правоту выбора.

- А вы разве всегда правы перед самим собой?

- По крайней мере, стараюсь.

- Помнишь нашу первую встречу? Я тебя привел в школу и представил Юлии Платоновне как своего дядю, капитана дальнего плавания. А Юлия Платоновна чуть не до небес меня вознесла перед инспектором отдела просвещения. Почему? Неужели вы...

- Постой, постой, мы тоже кое в чем бываем неправы, но твоя учительница русского - великая женщина.

- Почему же ее уволили?

- Кто тебе сказал, что ее уволили? Она вышла на пенсию, и ей устроили прощальный вечер.

- А от меня чего им надо, что я такого сделал?

- Все люди такие, какими они и должны быть.

- Тебя что-то удивляет в моих поступках?

- Нет, Лаврентий, удивление могут вызывать или герои, или дубины стоеросовые.

- А чего же они тогда на спинки стульев откинулись, узнав, что я работаю на строительстве дороги?

- Не удивились они, просто обрадовались.

- А с какой стати это их обрадовало?

- Тут много есть причин.

- Дали все кажется таким легким. Достаточно где-нибудь вспыхнуть пожару, а мне ворваться в охваченный пламенем дом и спасти какое-нибудь кресло, как она меня тут же провозгласит героем.

- И правильно делает.

- А я думаю, не стоит врываться в горящий дом спасать кресло, пусть это даже и трон царя Ираклия.

- Твоя правда, всего дороже на свете жизнь, но иногда и смерть не страшна, страшнее то, что можешь умереть ни за что ни про что.

- Вот ты журналист, что скажешь, если я спасу кресло из пламени,

но лишусь при этом руки?

- Что тут ответить, это зависит...

- А если я это сделаю и руку даже не обожгу?

- Да это все равно.

- Нет, Гурам, это не все равно, тогда ты меня просто в удалцы запишешь, не в герои.

Гурам замолчал. Знать бы, что думал он в эти минуты.

- Гурам, - снова нарушил я тишину. - Скажи что-нибудь, Гурам. Я всегда полагал, что все, что ни делаю - делаю правильно. Сердце мне словно бы вещало. А вышло ровно наоборот. Как я повел себя... Смолчать? Когда инспектор спрашивает меня о том, чего я и сам не знаю?!

- В твоём возрасте нельзя молчать.

- А как быть?

- Думай, думай, побольше думай. Ничему плохому тебя не учат.

- А когда нет времени на раздумья?

- Время на раздумья всегда найдется.

- Как бы хотелось верить тебе, Гурам.

- Ты и мне не всегда верь. У тебя свой мир, и своя голова на собственных плечах.

Март вступил в права. Словно по уговору, трижды в день льют дожди.

Бабушка моя раньше всех открывает окно и еще до моего ухода в школу без остановки разглагольствует о том, что и сегодня будет дождь, и что мне надо надеть резиновые сапоги, что без шапки я замерзну - мало не покажется, что по старому стилю на дворе еще зима и что пальто я упрятал в шкаф слишком рано.

В школе все по-старому. Учителя по-прежнему пугают экзаменами. Директор каждый день проверяет посещаемость в классах, учитель физкультуры Отар Брегвадзе в прошлой четверти учил нас лазанию по канату, а руководитель самостоятельного коллектива Гогия Дзодцидзев весь в хлопотах в связи с предстоящей олимпиадой.

Я не прогуливаю уроков, но зато на тех занятиях, которые должен был бы пропустить, просто не слушаю преподавателей и думаю о чем-то другом.

Мне уже шестнадцать лет. Как долго еще предстоит жить. Клара... Что она делает сейчас, знать бы мне...

День значительно удлинился. И теперь я свободно успеваю после школьных занятий часа два проработать на строительстве дороги, а еще погонять мяч на отрезке двора Доментия и вечером навестить Гурама.

На швейную фабрику не хожу. И никто меня об этом не просит. Но-

вая дорога уже приближается к стадиону. Давно уже прошла она по нашим домам. На отрезанном участке земли три года назад посадил я орешину, да почки не вышли, засохла она, наверное. Мастерскую Сократа снесли, а вместо нее установили высокую застекленную торговую палатку, чуть поодаль от моего дома, у поворота.

Сократ заказал у кого-то вывески и разместил их в трех точках: на вывесках стрелка, указующая направление к мастерской и надпись: «Ремонт обуви». Справа на вывеске нарисован сморщенный ботинок, что называется «каши просит», а слева тот же ботинок - починенный и щегольски отделанный.

Отец с января перевел Вату в школу-интернат. Интернат этот довольно далеко от города. Вата приезжает каждое воскресенье и степенно вышагивает по двору. Он одет в серую интернатовскую форму, и, когда говорит с дядей Сократом, отводит глаза в сторону.

Родителей в интернат не вызывают, и Сократ думает, что Вата там лучший ученик.

С Гурамом вижусь я почти каждый день. Иногда он работает, пишет, а я рассматриваю старые журналы. Иногда я делаю домашнее задание, а старые журналы листает Гурам.

Когда мы устаем, выходим на улицу и посещаем кино в клубе консервного завода.

Директор школы смирился с мыслью, что я - самый трудновоспитуемый, упрямый и своевольный мальчишка, а потому - будь то разбитое окно или исчезновение газеты со стенда, среди подозреваемых учеников первым называет меня.

Когда я рассказываю Гураму о житье-бытье, он, бывало, похлопает меня по плечу и приговаривает:

- Не принимай близко к сердцу. У тебя своя, новая и широкая дорога, которую ты сам должен пройти до конца.

- До стадиона ведь немного осталось? Дорогу ведь уже на днях проведем?

- Нет, Лаврентий, дороги нигде не кончаются. И у тебя еще очень много работы до той арены, которая называется стадионом жизни.

...И Гурам начинает что-то рассказывать. Я внимательно слушаю и стараюсь все запомнить; иногда бывает трудно понять этого человека.

Вечер. Собирается дождь и дует холодный ветер. Он снует-шныряет по новой улице, сметая песок с крыш домов.

Из окна виднеется треугольная крыша дома Доментия и сгорбившийся над ней громоотвод.

Я дома один и не знаю, чем заняться. Вдруг ветер замирает, и в окно барабанит дождь. Вот как зарядит сейчас, так и не остановится.

Курша выскакивает из-под навеса и, рыча, бежит к воротам. Кто-то там зовет меня по имени. Накидываю дождевик и выхожу на двор.

У ворот стоит Юлия Платоновна.

- Открой, пожалуйста.

Я поднял щеколду и пригласил учительницу русского войти.

Войдя в комнату, она протянула мне габардиновую накидку.

Накидка изрядно промокла.

Юлия Платоновна присела у печки и откинула платок.

- Вымокла я совсем, как раз под дождь угодила.

Я не подаю голоса. Неудобно как-то начинать разговор. Два месяца не видел я ее, и как же она изменилась за эти два месяца... Сидит Платоновна у печи и сушит мокрый халат. Наша грозная учительница. Теперь она седовласая старушка, еще более простая и уютная, чем моя бабушка.

- Не простудитесь, Юлия Платоновна.

Учительница ничего не отвечает. Потом вдруг что-то вспоминает.

- Как у тебя дела с русским?

- По-старому.

- Сработались с новым преподавателем?

- Да так...

- Ну... Молодость, молодость. Ничего, постепенно освоится, обретет уверенность. С места в карьер ведь не станет преподавать на моем уровне. Что сейчас вы проходите по грамматике?

- По-моему, заканчиваем глагол.

Мы еще немного помолчали. Я принес с балкона дров и подбросил в печь.

- Почему вы всем классом не приходите ко мне? - вновь прервала тишину Юлия Платоновна.

Что тут ответить? Лучше промолчать.

- Вам не нужна помощь?

- Как же не нужна, уважаемая. А что, и другие не ходят?

- Одна только Дали приходила, Лагидзе, но вот уже пять дней и она не появляется. А ты у меня по русскому самый отстающий. Если кого и нужно подтягивать по предмету, то именно тебя. Разве сам не понимаешь?

- Понимаю, уважаемая.

- Значит, должен приходиться. Я вообще-то не из-за тебя именно пришла. Под дождь попала, вот и решила отсидеться.

- Знаю, уважаемая.

- Да... Вот еще. Ты знаешь, где живут Хахалеишвили, Губеладзе, Бешкенидзе, Гванцеладзе и Швангирадзе?

- Знаю.

- Ну-ка, одевайся и отведи меня к ним. Ко всем.

Я надел дождевик и без возражений последовал за Платоновной.

Десять часов вечера. Дождь.

Усталые, бредем мы за Юлией Платоновной - я, Дали, Хახалеишвили, Губеладзе, Бешкенидзе, Гванцеладзе, Швангирадзе и Чантурия.

Юлия Платоновна поминутно оглядывается и всматривается - не отстал ли кто. Она насквозь промокла и выбилась из сил.

...Мы остаемся у нее до поздней ночи.

...Она объясняет задание каждому по отдельности, журит, успокаивает. Она кажется на удивление веселой и энергичной.

Я в ту ночь не выучил ни одного русского слова. Забился в угол и никого не слушал. Смотрел на сутулые плечи старой учительницы и мне хотелось заплакать. Как она радовалась, как гордилась, как нужны были мы ей - такие нечуткие ученики лишенной классного журнала учительницы.

Третий день Юлия Платоновна болеет.

Третий день весь наш класс дежурит у ее изголовья.

Врач говорит, что у нее грипп, но ничего опасного. И где ее продуло этой ранней весной? Врач удивляется. Юлия Платоновна ему поддает. Никуда, мол, не хожу, сижу сиднем дома, и вправду, где бы могла простудиться? И только мы - я, Дали, Хახалеишвили, Губеладзе, Бешкенидзе, Гванцеладзе и Швангирадзе знаем, где и когда простудилась учительница русского. Когда по вечерам у нее поднимается температура, мы места себе не находим, выстраиваемся на балконе и переглядываемся в полном безмолвии.

Врач говорит, ничего опасного.

Потом врач кладет руку на плечо Дали и говорит:

- Дети, идите домой, уже поздно.

- Как она? - чуть не в один голос спрашиваем мы.

- Я думаю, завтра ей будет лучше.

Я думаю... Дали откидывает прядь волос, спадающую на глаза. Набрасывает накидку на белый халат и направляется ко мне:

- Проводи меня.

На улице, где живет Дали, мир и покой.

- Это наша вина, - говорит она.

- Да.

- Но ведь мы не знали... Не знали...

- Мы ничего не знаем.

- Ты думаешь, ей станет лучше?
- Нет, Юлии Платоновне никогда не станет лучше. Врач только утешает нас, он и сам все знает.
- Нет, врач знает не все.
- Мы ведь каждый день будем приходиться к ней, ведь будем?
- Да, мы всегда будем приходиться, и когда станем взрослыми, когда не будем учениками, и тогда будем к ней приходиться, Дали.
- Лаврентий!
- Ну, вот мы и пришли. Ничего больше не говори, молчи, Дали.
- До свиданья.
- До свиданья.

Я бегу по новой широкой улице.

Большая ночь на новой улице, на новой улице дома стоят в отдалении друг от друга. Прежняя улица принадлежала только нам - соседям. По той улице если и проходил кто незнакомый, так из тысячи - один. А на новой улице ночь широка, и дома стоят в отдалении друг от друга.

У ворот меня дожидается Вата.

- Ты приехал?
- Да, завтра воскресенье.
- Ну что, закурим?
- Хорошо бы.
- Осталось еще что в жестяной коробке?
- Найдется, как ты уехал, я не курил.
- Подожди.
- Что случилось?
- Там кто-то сидит.

В темноте кто-то ловит кайф. Как светлячок, поднимается и опускается горящая папироса.

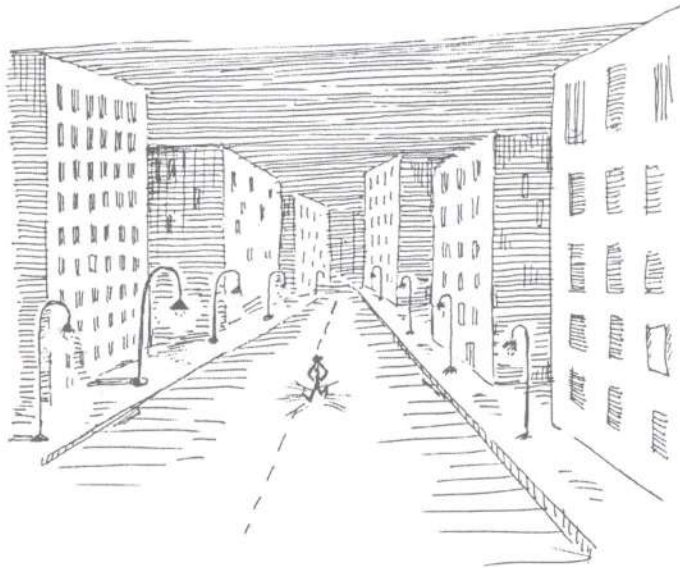
Кто-то и вправду сидит на скамейке Валико, и мы поворачиваем назад.

...А потом мы вдруг замечаем, что в однокомнатном деревянном домике Валико впервые зажжен свет.

Даже в юношеских снах своих не замечал я такой ошибки, которую в старости поставили мне в вину. Хотя - «есть одно прегрешение», и заодно уж и о нем расскажу.

Несмотря на то, что в последнее время в Кутаиси увеличилось количество четырех-пятиэтажных домов, это не изменило облика моего города.

Кутаиси и сегодня - одноэтажный город; кирпичные, облицованные

крамитом изящные домики с травяными дворами, с дорожками шириною в метр, подводящими к выкрашенным синей краской воротам, вдоль которых с той и другой стороны «перила» (высотой всего в 14 сантиметров), и «кукольными» балконами с косо вбитыми перекладинами.

Для пущей красоты, разумеется.

Конец пятидесятых годов. Кутаиси живет, упиваясь своим неповторимым колоритом. В моде кутежи с шарманками и фазонами, беспредельное гостеприимство, гитары с бантами и, чего уж греха таить, пацанские понятия.

И воришек пруд пруди. Элитой считаются карманники. И если ты в шестнадцать лет ничего ни у кого не стянул, да и не собираешься этим заниматься, сверстники на тебя уже косятся не по-доброму, и ты обречен на позорное прозвище «маменькиного сыночка».

По соседству с нами (через четыре-пять квартир примерно) жил зубной врач Гриша Чантурия.

Сын Гриши, Шота, был моим одноклассником.

Что заставит меня забыть вторник 11 апреля 1955 года...

Закончились уроки, мы все вместе возвращаемся и во дворе Гри-

ши, под большим тутовым деревом, видим пять-шесть мужчин, сидящих на скамейке, а между домом и хозяйственной пристройкой замечаем спящих в хлопотах женщин.

- Гости, как видно, у моего отца, задержись немного, по стаканчику пропустим, вино мне сможешь разлить, - сказал Шота.

А куда мне было торопиться?

Пока не накрыли на стол, мы побросали сумки на тахту и втянулись в подготовительную суматоху.

- Лаврентий! - позвал меня дядя Гриша. - Поднимись-ка, не в службу, а в дружбу, спусти нам сюда нарды, они в моей комнате, на столике.

Взбегаю. Нарды найти - плевое дело. Сунул их подмышку, выходя, на секунду остановился, на письменном столе дяди Гриши лежали его очки и наручные часы. Я осторожно обошел «бормашину», сплавил часы в карман и вышел.

Нас, мальцов, кто бы за стол усадил. Мы с Шота преломили хачапури, по ножке куриной взяли в зубы, налили вино в стеклянный кувшин и ушли восвосяси.

Часы («Победа») я спрятал в подвале под грудой опилок (печь нашу протапливали опилками) и приступил к домашним заданиям.

Я завел за правило, поскорее отделившись от уроков, бежать в клуб консервного завода. Там «киномеханик» Гришайя, из нашей школы, пускал меня в кино бесплатно.

День прошел - все в порядке, второй миновал - тоже тишина, а на третий день, к вечеру, мама моя вернулась домой с лицом блее мела.

Я только вернулся из кино, парил ноги в тазу и собирался ложиться спать.

- Высуши ноги, Лаврентий. Оденься и отойдем под виноградник, дело у меня к тебе (это мама).

На меня столбняк нашел. Догадался, какое у нее ко мне дело.

Мама вообще редко поднимала на меня руку, но теперь меня неминуемо ожидала трепка.

Миновав сливовое дерево, мама обернулась ко мне.

- Что ты сделал с часами?

- Какими часами?! - попытался я изобразить неведение, но тут же понял всю беспомощность своего положения! Я на расстоянии ее вытянутой руки - может, хоть от первой затрецины увернусь.

- Иди, вынеси их.

Я ни словом не возразил. Отправился. Выгреб в подвале из-под опилок часы и протянул ей.

Мама взяла их и опустила в карман.

- А теперь пойдем к Грише.

Как видно, лупить она меня не собирается. Хотя, если она рассказала обо всем этом Грише и обещала всыпать мне на его глазах - это еще

похуже выходит. Ох, стыдобища.

Входим к Грише.

- Что заставило вас побеспокоиться, уважаемая Люба? (это жена Гриши, Катуша).

- Да ничего особенного, уважаемая Катуша, у Лаврентия зуб, кажется, подточился, хочу, чтобы Гриша его осмотрел (мама).

Сидим в приемной. Мама не молвит ни слова. Гриша провожает пациента и приглашает нас.

Гриша и мама усаживаются. Я стою. (Что за язык у нас чудной, чуть не написал «на ногах стою»).

И снова никто не издает ни звука.

Мама моя извлекает часы и кладет их на гришин стол.

И снова тишина. Тяжелая, невыносимая тишина.

- Что будем делать, уважаемый Гриша? - голос у мамы словно бы пересох.

- Что будем делать, уважаемая Люба, будем прощать, Лаврентий - не из никудышных парней.

Дядя Гриша встал, подошел и прижал меня к сердцу.

- Хорошо... Раз ты так считаешь, пусть так и будет, мой дорогой Гриша, остальное пусть останется на совести у Лаврентия. А я-то думала-думала - не задать ли ремня этому верзиле.

Они молча, по-соседски, пожали друг другу руки.

Когда мы спустились по лестнице, Гриша окликнул меня:

- Лаврентий!

Я взбежал по лестнице.

- Я дарю тебе эти часы. Только договоримся, уважаемая Люба, об этом никто не должен узнать.

На подходе к воротам мама приостановила меня, положила на плечи мне свои руки с красивыми пальцами и посмотрела мне в глаза.

И вновь не сказала ни слова.

В моих глазах блеснула слеза.

После этого случая много раз приходилось мне бывать у Чантурия.

Шота, разумеется, ни о чем не знал, не ведал.

Дядя Гриша, словно бы нарочно, то и дело отправлял меня наверх принести то или другое.

Вот такие дела.

Заклученный посмотрел на наручные часы.

Скоро три часа ночи.

И еще один случай всплыл с донышка памяти.

Тогда Лаврентий отдыхал неподалеку от Диоскурии, в крохотном местечке, в гостях у своей тетки.

В тот день лил проливной дождь.

- Пройдусь, подышу воздухом, - сказал он и, не дожидаясь, пока тетка разыщет теплый пиджак, дождевик и обветшалый зонт, спутился по лестницам.

Уже до нитки промокнув, Лаврентий заметил, что рядом с ним при тормозил автобус. Водитель высунул голову и чуть ли не в режиме тревоги закричал Лаврентию: «Диоскурия!»

Лаврентий не обратил внимания на этот призыв. Он знал, что город Диоскурия находится в семи километрах от этих мест. Знал также, что все автобусы шли в эту самую Диоскурию или возвращались из Диоскурии. И поэтому студенту третьего курса экономического факультета кутаисского Политехнического института казалось, что восклицать «Диоскурия!» на каждой остановке вовсе не обязательно. «Диоскурия!» - вновь крикнул шофер, и, поняв, что упрямого путника Диоскурия не интересует, медленно тронулся с места.

Тем временем Лаврентий подумал: «Все равно льет дождь, поеду-ка я на автобусе, прогуляюсь по Диоскурии, потешу взоры, да к обеду и вернусь».

Завидев приближающийся автобус, он поднял руку. Водитель открыл переднюю дверь и подозрительно оглядел до костей промокшего пассажира.

В автобусе было тепло; лицо и шею студента покрыл водяной пар, и он чувствовал, как на теле высыхает одежда.

Одно его беспокоило: летние туфли раскроились под ливнем, набухли водой и «не дай Бог простудиться», - думал он, не забывая и материнские наставления: ноги всегда держать в тепле и сухости, с ног начинается простуда.

Набережная по дороге к Диоскурии представляла собой большую, изящно ухоженный парк. Этот парк был полон теснящимися вплотную друг к другу санаториями, домами отдыха и пансионатами.

Из окна автобуса было видно: капал дождь, который сразу вернул курорту привычный облик.

По опустевшим улицам изредка пробегали прохожие в дождевиках, вынужденные выбраться из дому по неотложным делам.

Между санаториями и кипарисовыми деревьями изредка мелькало море.

На пустынном пляже то тут, то там, под заброшенными солнечными зонтами, примостились влюбленные парочки, или восседали поэты, устремив свои взоры на бегущие волны.

На горизонте не было видно ни одного корабля, и море выглядело каким-то покинутым и «упраздненным», признаки жизни возвращали ему только качавшиеся на волнах чайки.

- Вам в уши вода не попала? - спросил Лаврентий у сидевшего ря-

дом мужчины средних лет, который уставился в окно и время от времени многозначительно произносил «Мдаа».

И тут его сосед в серой чохе обернулся, будто бы дожидаясь этого вопроса, и мгновенно ответил:

- Нет, не попала, а почему вы меня спрашиваете?

- Так, просто, - пожал плечами Лаврентий. На самом деле студент задал этот вопрос не от нечего делать. Ему, в отличие от других отдыхающих, во время ныряния вечно лезла в уши вода, и сейчас она там шуршала-шаркала, пробуждая неприятные воспоминания о перенесенном несколько лет назад воспалении среднего уха.

- И все же, почему вы спросили? - не унимался дядька в чохе.

- Да так, просто, - повторил Лаврентий, но ни на йоту не удовлетворив любопытства своего спутника.

Ему не понравился пристальный взгляд незнакомца.

Этот пожилой рыжеусый пассажир в чохе-архалуке, с азиатским кушаком, чем-то напоминал вышедшего на перерыв члена драмкружка Дома культуры, или, в лучшем случае, ведущего исполнителя ансамбля народных инструментов, спешившего на очередной тур районной олимпиады.

Так или иначе, Лаврентий уразумел, что чоха-архалук не была повседневной формой одежды этого человека, и сердце его как-то съезжилось. Показалось, что если продолжить разговор, он сам невольно уподобится какому-нибудь дешевому водевильному персонажу, но было уже поздно.

- Вода не во всякие уши просачивается, - повел речь рыжеусый.

- Это зависит от ушной раковины. Попади она хоть раз, потом не заткнешь, стало быть, что-то скovyрнулось, и надо избегать ныряний, или, если работа твоя связана с погружениями в воду, залеплять надо уши пропитанной вазелином ватой, помогает очень.

Лаврентий никак не отреагировал. Думал - пусть мой спутник сам уверится в своих разъяснениях, а там и выдохнется, но не тут-то было.

- Мне, например, вода в уши не попадает. Точнее, я не знаю - попадает или нет, потому что в море я не ныряю. И не только не ныряю, и купаться в море не хожу. У нас, местных, нет времени на море ба-клуши бить. Приезжие - дело другое, они за этим сюда и едут, чем же вам еще тут заниматься. Вы не поверите, но я иногда покупаю путевку и еду к морю, но куда-нибудь подальше отсюда. Может, там и пляжи поскромнее, и питание. Разве кто-нибудь там приготовит тебе любимый домашний обед? Но уезжаю и отдыхаю. Сколько раз я слово давал себе: с сегодняшнего дня начну, завтра точно, хоть вечером, пойду наконец на пляж, да никак не складывается. А вот брат мой, например, у меня есть брат младший...

Больше Лаврентий ничего не слышал. Рыжеусый продолжал энер-

гично разглагольствовать. Лаврентия охватило раздражение, и он ключил внимание. Только время от времени покачивал в такт головой. А рыжеусый пребывал в уверенности, что его слушают и говорил, говорил, говорил... Молол языком до самой Диоскурии. Вообще-то поделом свалилась эта напасть Лаврентию на голову. Ведь начал-то он вопросом о воде в ушах. Не спроси он, сидел бы человек себе тихо-мирно, смотрел на пронсящийся за окном заботливо ухоженный парк и время от времени ни с того ни с сего выборматывал: «Мдаа».

- Диоскурия! - объявил водитель.

Это была конечная остановка. За окном действительно раскинулась Диоскурия.

Не успев ступить на тротуар, Лаврентий сначала почему-то поглядел направо, где у пивной выстроилась длинная очередь сплошь из лиц мужского пола. Пива Лаврентий не любил и поэтому повернул налево.

У первого встречного он спросил: как пройти на главную улицу. Тот задал встречный вопрос - какую главную? Он хотел еще что-то сказать, но Лаврентий махнул рукой и пошел дальше.

Впервые в жизни он находился в незнакомом городе, да еще безо всякого дела, ему было все равно - куда идти; над зданием автовокзала сияла неоновая реклама «Пиво полезно и питательно»; он подумал, что здесь снова надо завернуть, и бодро продолжил прогулку. Лаврентий не насвистывал, свиста он тоже не любил.

Дождь прошел, но было все еще пасмурно. Улица мало-помалу оживлялась, дома свои покидали (у каждой свой повод и причины) - парочки отдыхающих; наступал час прогулок по свежему воздуху.

Диоскурия Лаврентию понравилась. Он с таким увлечением рассматривал все и вся, будто хотел раз и навсегда запечатлеть это в памяти.

- Момент! - раздался вдруг возглас позади студента третьего курса экономического факультета.

Лаврентий взгляделся.

Из-под дерева неподалеку к нему навстречу направился длинноволосый юноша, прижав руку к сердцу и на ломаном русском рассыпался в извинениях - простите да извините, что задерживаю, вы, наверное, очень спешите.

Лаврентий сообразил, что перед ним иностранец. Вежливо улыбнулся и попросил не беспокоиться, мол, никуда я не спешу и чем могу быть полезен.

Иностранец был среднего роста, коренастый паренек. По всему видно, лица его еще не касалась бритва, щеки покрывал первородный пушок, от ушей и на подбородке проступала редкая мягонькая борода. Зато шевелюру он отпустил на славу; разделенная на пробор, заче-

санная в обе стороны, она скрывала чуть не половину его лица, и было бы несправедливо не признать, что длинные волосы ему не подходят.

Лаврентий тогда же обратил внимание на его синие, изящно сшитые, облегающие брюки.

- Вас, наверное, удивит, - застенчиво продолжил незнакомец. - Разрешите спросить? Только не сердитесь. Я знаю, что это некрасиво.

«Что такого он должен спросить», - подумал Лаврентий, согласно кивнув головой.

- Где вы купили эту рубашку? - еле выдавил из себя незнакомец, не сводя глаз с рубашки Лаврентия.

Лаврентий тут же решил повернуться и уйти, но лицо у этого человека было таким серьезным, что он не решился и шагу ступить.

На нем была надета длинноворотниковая, желтополосочная, льняная с примесью шелка сорочка - производство местного комбината.

- Я не сейчас ее купил, мне мама купила два года назад, а в чем дело? - спросил Лаврентий.

Незнакомец смутился.

- Мне бы очень хотелось приобрести такую рубашку, полоски этого цвета мне бы очень подошли, только бы найти где-нибудь такую. В здешних магазинах не встретил ничего похожего, да и времени нет, завтра на корабле отплываю на родину.

Лаврентию показалось, что незнакомец ведет себя несколько развязно и бесцеремонно. Но он был искренен. Поэтому очень захотелось помочь гостю. Предложить ему свою сорочку - а вдруг обидится? Так стояли они безмолвствуя и уставясь друг на друга. Иностранец еще раз извинился и собрался уходить. Тогда Лаврентий решился.

- Если вы не обидитесь, я уступлю вам свою, она новая, в первый раз надел прошлым летом.

У незнакомца заблестели глаза. На лице его застыла печать радости и удивления. Он принялся совать Лаврентию деньги, а когда студент отказался, снял с запястья часы, но когда и часы ему были возвращены, решил, что с ним шутят и смутился - мол, как это я не сообразил - в чем же вы домой вернетесь, если рубашку продадите? Потом вроде нашел выход из положения и воскликнул:

- Если и вы не обидитесь, давайте, как футболисты, обменяемся на память сорочками.

На этот раз возражать Лаврентий не стал. Они вошли в первый же подъезд и обменялись сорочками. И все бы хорошо, но сразу по выходе из подъезда их задержали двое народных дружинников. Один спросил у иностранца - кто он таков есть, проверил документы, пошутит-посмеялся, пожал руку, да и отпустил с миром. Потом добрался до Лаврентия.

- Зачем на позорище выставляешься, такой большой вымахал, не

стыдно тебе? - спросил он миролюбиво.

И, прежде чем Лаврентий начал объяснять суть да дело - второй дружинник, ростом пониже первого, переговорил с товарищем - давай-ка его заберем, а там выясним - что к чему. Дружинники ухватили Лаврентия с двух сторон и повели по направлению к центральной улице. Лаврентий шел молча. И второй дружинник, что пониже ростом, не подавал голоса, а первый возмущенно говорил, обвиняя Лаврентия в слабодушии, называл позорником и в заключение возложил вину за его преступление в первую очередь на семью, а затем - на школу.

Штаб народного дружинника был открыт, но пустовал. Лаврентий еще в дороге уверился, что главным в этой паре был именно тот дружинник, который за всю дорогу не проронил ни слова. У низенького румяного дружинника, во время бесконечного монолога, брови странно подергивались. На ватнике, застегнутом наглухо, почему-то телепался галстук, а два пальца левой руки у него были скрючены. Пройдя вдоль стульев, он расположился у телефона, некоторое время шарил в ящике стола, потом подвинул Лаврентию бумагу и ручку и велел написать все как было.

- Что надо писать? - довольно-таки наивно спросил Лаврентий.

- Не надо мне ля-ля, - скучным голосом протянул дружинник. - Будто не знаешь, почему ты здесь оказался.

- Не знаю, - коротко отрезал Лаврентий.

Дружинник принял за во всех деталях выяснять личность Лаврентия, у которого, по счастью, оказался с собой студенческий билет. Долго записывал дружинник - кто таков есть Лаврентий, откуда он приехал, чем занимаются его родители. Когда он все уточнил, изрядно огорчился, он предпочел бы иметь дело с более опытным злоумышленником, чем этот спокойный голубоглазый паренек. Скользнув взглядом по рубашке Лаврентия, он спросил:

- Что такого в этой сорочке, чтобы на испуг брать?

- Кто брал на испуг?

- Не знаю, раздеваешь гостя на улице, среди бела дня, принаряжаешься.

- Я не раздевал его - свою сорочку отдал.

- И зачем отдал, если помнишь, конечно?

- Он попросил поменяться.

- Он тебе предложил?

- Да.

- А с какого бодуна ему в голову взбрело меняться?

- Сказал - нравится, мне подходит, где ты такую отыскал, с этого началось.

Дружинник деланно рассмеялся, смехом рассерженного человека.

- Ха! Ха! Ха! Ха! Смотри на него, вот что случилось, оказывается.

Значит, с катушек съехал от твоей сорочки турист из Канады. Значит, с ног сбился, нигде не нашел, и теперь мигом, дорогой мой, золотой, помоги мне, так, что ли?

- Да.

- А ты над ним сжалился и отдал сорочку, так, что ли?

- Да.

- А потом, чтобы голым не возвращаться, надел его рубашку, так ведь?

- Он попросил поменяться, как у футболистов принято.

- У вранья ноги короткие! - уже в открытую, угрожающе рявкнул дружинник.

- Если хотите, спросите у него.

- У кого спросить? Ты на этой земле вырос, молокосос, и то виляешь, а этот чужак так сразу правду-матку и выложит?

- Что же мне делать? - растерялся Лаврентий.

- Нечего тут делать!

- Клянусь мамой, он сам меня остановил, сам завязал разговор, на кой черт мне нужна была его рубашка...

- Не надо мне ля-ля, - с деловым выражением лица повторил дружинник, - вы ведь зашли в подъезд рядом с хинкальной?

- Да.

- Вы ведь поменялись рубашками?

- Да.

- Ты мне не давай, сейчас ведь тот человек ходит в твоей сорочке, а ты в его?

- Да.

- Вот, это и напиши. Коротко и ясно. Мы тебя не арестовываем, не едим поездом. Всего-то и делов: кто кого первым остановил, кто начал хныкать, мол, поменяемся рубашками, а то повешусь. И о том не надо, что тебе не нравится его рубашка, и что на нем теперь твоя рубашка. Этому всему мы поверим, а что я сказал, напиши и ступай своей дорогой.

Лавретний написал.

Домой пришел он не в духе.

Тетка сразу обратила внимание на сорочку, но Лаврентий поцеловал ее в лоб и успокоил, мол, поменялся с одним парнем из Саколии, не в обиду тебе...

Сказал, что задержался на море, потому что любит смотреть на волны в дождливую погоду, и поэтому к обеду припоздал. Тетка, разумеется, ему не поверила, и так, и сяк подъезжала, и лаской пыталась подкупить, скажи, что случилось, если хоть чуточку любишь меня, да ничего больше от племянника не добилась. Лаврентий лег на тахту и

установился в потолок. Доски на потолке были пронумерованы, наверное, плотник сначала их разложил штабелями на полу, пронумеровал, а потом пригнал под кровлю. Лаврентий складывал в уме эти цифры, потом умножал, делил, и таким образом развлекался понемногу.

Где-то в глубине души он был доволен собой. Тем, что не поведал тетке о сегодняшнем происшествии.

Тревожился - только бы в институт не написали.

А более ничего не волновало Лаврентия. Совесть у него была чиста.

Сегодня он впервые побывал один, в незнакомом городе. Побывал без всякого дела, если не считать делом желание посмотреть незнакомый город. И надо же такому приключиться.

Лаврентию казалось, будто жизнь для него началась только сегодня.

Сегодня он впервые объяснял свои действия заинтересованному лицу, и при этом никого не было рядом.

О таких делах никому никогда рассказывать не стану - твердо решил он про себя.

Отныне Лаврентий стал мужчиной.

У него была своя тайна.

Не прошло и трех месяцев, как в 1962 году жизнь уготовила мне, Лаврентию Микава, великое испытание.

Я уже рассказал, что 25 декабря 1951 года моего отца вторично отправили на поселение.

Спустя два месяца маму вызвали в КГБ и под большим секретом заявили: он жив, отбывает 15-летний срок по статье об измене родине. Наказание отбывает в дальних краях, и о получении этой информации никому не сообщать.

Не прошло и года, как пришло письмо от отца: «Я неподалеку от Вятки. Заготавливаю древесину. На здоровье не жалею. Отсюда могу отсылать только два письма в год. Следите за собой, я как-нибудь выживу. Единственное, что меня мучает - не удалось остаться в памяти сына, я ведь был с ним рядом всего лишь год. А вообще-то я правильно сделал, что не взял вас с собой, здесь вам пришлось бы тяжело, и обстановка помешала бы ребенку получить образование. Часто отправляю письма в Верховный суд, думаю, скоро прояснится моя правота, и меня выпустят».

Но для «прояснения правоты» все не появлялось возможности.

Так прошло десять лет.

Нам действительно приходило по два письма в год. Мы часто посылали весточки через «почтовый ящик», но отец получал, наверное, не более одного из пяти отправленных писем.

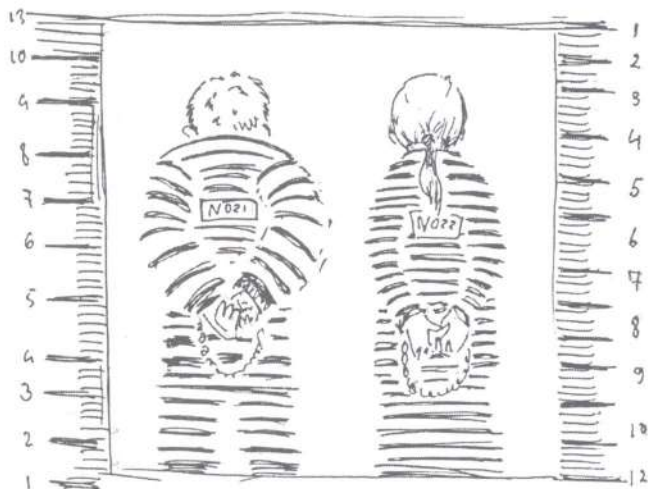
Утешением нам служили только разложенные на столе письма отца и заверение о том, что он жив.

В последний год он нам не писал, и мы ходили, сжав зубы от нервного напряжения, но однажды...

В полночь 4 марта 1962 года кто-то постучал в наши двери. Мать привстала с постели и спросила:

- Кто там?

- Не тревожьтесь, уважаемая, свои, свои, - послышался голос неизвестного.

- Какие там еще свои, что вам угодно, уважаемый, в такой поздний час?

Она зажгла лампу.

- Я знакомый Аквсентия, - слышалось за дверьми, я возвращаюсь с поселения.

Мы, все трое, припали к дверям.

Вошел седой как лунь, худой, сутулый человек. Присел на скамью. Выдохнул и приложил руку к сердцу. Огляделся туда-сюда.

- Ох, теснота какая, и как вы здесь умещаетесь, чтоб я сдох, - были первые слова, им произнесенные.

Немного погодя, он подробно рассказал:

- Мы вместе в Вятке срок тянули. В последние два года Авксентий был переведен в Караганду, в лагерь для военнопленных и политза-

ключенных. До того с ним все было в порядке, он по-геройски все одолевал, но в Караганде занемог, и перед отъездом меня оповестили, что уже и не поднимается с постели. Срок заключения у него полтора месяца как истек. Пять лет ему скостили. Если до сих пор не приехал, значит, действительно серьезно болен. Меня освободили в Вятке, в Караганду не было возможности съездить, иначе я бы его привез, живого или мертвого. Если есть такая возможность, отправьте кого-нибудь, может, застанет его живым. Адрес - Карагандинская область, Тридцать Девятый Почтовый ящик. Там уже легко найти. Авксентий Микава, врач, - все знают, кого ни спроси. Я сам - Джапаридзе. Художник Уча Джапаридзе, слышали о таком? Я - его родной брат. Христом Богом молю, никому не рассказывайте, что я вас навестил, с нас подписку взяли о неразглашении какой-либо информации о лагере, если пронюхают - заключают-затерзают, нет у меня на них ни сил, ни нервов.

Мы всю ночь не сомкнули глаз. То плакали, то смеялись. Уже ведь думали, что отца нет на свете, а теперь хоть какая-то надежда забрехала, что застанем его в живых.

Мама моя ни в какую не соглашалась, но мне удалось настоять на своем - за отцом поеду я. Я, двадцатидвухлетний юноша, - Лаврентий Микава, который из Кутаиси, по сути, и носа не высовывал.

Пораспродавали все, что можно было пустить на продажу, промотались до нитки, немного пособла и родня, в долги влезли по уши, и четырнадцатого октября я ступил на неведомую тропу по маршруту Кутаиси - Москва - Караганда - Тридцать Девятый Почтовый ящик.

Как легок на словах и как тяжел путь на Голгофу, господа мои, этот маршрут, занимающий две неполных тетрадных строки, вмещает в себя в реальности тысячи километров.

Еду, почти целиком на взятые займы деньги, с собой - немного лекарств, пять литров водки, двадцать штук лимонов, две банки ткемали, а в душе - громада страха. Ни в Москве нет у меня знакомых, ни, тем более, в Караганде. Мои познания о Казахстане ограничиваются объемом школьного учебника по географии, да еще - хоть божиться не буду - знаю стих Джамбула о Сталине. В школе проходили. Если помните, там столетний акын величает Сталина «отцом». Русский язык? Вот как ты знал русский язык двадцатидвухлетним, вспомни, урежь еще, и вычисли мой уровень.

Моими попутчиками по купе оказалась пожилая русская супружеская пара. Сказали, что отдыхали в Цкалтубо. У них места были верхнее и нижнее. Они законники, знаешь ведь не хуже меня, поэтому и не просили - ты, мол, молодой, уступил бы нижнюю полку. Может, они бы и заикнулись - тяжело ведь под гнетом лет прыгать кузнечиком, но я не довел дело до этого. Сказал, чтобы они отдыхали на нижних полках, а сам предпочитаю, мол, верхнюю. За что муж с женой меня благо-

дарили-благословляли. А на второй день слез я с полки, открыл дверь тихохонько, и вышел из купе. Старички спали и, пока они сами не позвали, я не возвращался, чего, думаю, их смущать и беспокоить. Попросил кондуктора занести им чаю с сухарями. Мчади маминной выпечки и целиком сваренную курочку добавил к общему столу. Помнишь ведь старые темные литровые бутылки с вогнутыми донышками - так говорю тебе - пять таких бутылей рядком стояли в моей дорожной сумке, полные виноградной водкой. Одну я вынул и поставил на стол. Уж просила супруга, умоляла - не пей, не пей, в конце концов пригрозила даже жалобу накатать на работу, ничего не помогло. Муж ее осушил два чайных стакана этой моей водки. Расстегнул костюм и галстук, обнял меня и закатил «Катюшу» на весь вагон.

Утром, когда поезд подъезжал к Курскому вокзалу, я вытащил четыре лимона и угостил супругов. Знаю, кое-кому мы, грузины, кажемся чокнутыми. Не думай, что это я делал по расчету: они мне пригодятся впоследствии. Нет, клянусь душой отца. Я просто не мог иначе. Мы так воспитаны. Ведь не стал бы я в одиночку жевать свою курицу. За эти два дня я на своем колченогом русском с грехом пополам объяснил им, конечно, куда направляюсь и по какому делу.

За время, пока поезд подходил к станции, старички перешептались о чем-то, и муж сказал:

- Видно, ты хороший парень, к сожалению, в твоём деле помочь мы ничем не можем, мы простые супруги-инженеры (позже я узнал, что муж на пенсии). Но одно в наших силах: пойдем к нам, переночуешь.

Я последовал за ними. Жили старички в однушке. Рассказали, что сын у них летчик, служит в Барнауле. Поставили мне шезлонг и устроили на ночь. На другое утро хозяин вывел меня на площадь Дзержинского и издал указал на здание КГБ.

Извинился: «Не обижайся, внутрь с тобой не зайду, а то не слишком приятные воспоминания меня связывают с КГБ».

Я подступил к приемной. Что значит молодость - сейчас и близко к ней не решился бы подойти, а тогдашний КГБ - сам знаешь, что это было. Впрочем, в те дни КГБ назывался ЧК.

- Ты кто таков будешь?

Такой-то и такой-то, достаю паспорт, свидетельство о прописке из райкома. Что тебе надо? Отец мой отбыл заключение, в карагандинском ГУЛаге, заболел он, я должен перевезти его в Кутаиси.

- Ты не повредился в уме? Откуда ГУЛаг в Караганде? И кто тебя научил таким вещам? Кругом марш и назад. Отца твоего мы сами привезем, когда надо.

Их было двое. Я испугался и, только занес ногу над порогом, в помещение вошел некий смуглолицый военный. Русские подсказали: «Твой земляк».

- Ха эс? (Ты армянин?), - спросил он и, смекнув, что я не понял, на чистом грузинском спросил: - Ты грузин, парень? Чего тебе здесь надо?

Я ему все рассказал.

- А справка у тебя есть из кутаисской госбезопасности в том, что отец твой осужден и находится в Караганде?

- Вы что, смеетесь? Когда это госбезопасность выдавала подобные справки?

- Откуда же ты знаешь, что он в Караганде?

Не мог же я сказать, что об этом мне сообщил брат Учи Джапаридзе. Сказал, что знаю точно, Тридцать Девятый Почтовый ящик, в 18 километрах от Караганды. Он подступился ближе.

- Кто тебе это сказал, ты мне только доложи, кто сказал, а я сам тебя в Караганду доставлю.

- Не знаю, кто-то постучал в наши ворота в полночь и произнес эти слова, лица я не разглядел.

Он засмеялся. Назвал меня хорошим парнем. Взял за руку и повел - то вверх, то вниз, чего скрывать, по пяти кабинетам, не меньше. В конце концов, проводил куда-то вниз, где мне выписали железнодорожный билет. Там же, в этом же здании, дал мне выкупить билет и сказал - завтра в шестнадцать часов по Москве отходит твой поезд. В дороге не очень-то языком мели, удачи тебе, а если окажешься в затруднении, звони - и дал мне свой номер.

У нас, грузин, по сравнению с другими, по моим наблюдениям, разные взгляды на две вещи: «расстояние» и «природа». Для грузина все под боком, а если «далеко», то это - в самом крайнем случае - от Кутаиси до Гурджаани, никак не более. А представь себе - девять дней тащится поезд по бесконечной степи, по голым полям. А «природа»? Природа для нас - это нарисованная райская декорация, теплая, сладостная, ласковая. А ты казахскую природу видел? Восемнадцать километров пешком я прошел от Караганды. Хорошо еще, не один шел, а то живым бы не добрался. Две женщины в телогрейках стали моими спутницами, спросили, кто я буду сам. Говорю, я кутаисец, отец мой - заключенный, по адресу Тридцать Девятый Почтовый ящик, они застыли. Одна из женщин ударила себя по щеке ладонью в огромной рукавице:

- Лаврентий ты?!

Я чуть не разумом помутился. Вот здесь, за самой Сибирью, в казахской пустыне, где вокруг на двадцать километров ни одной живой души, только ветер сдувает песок с дюн, где ветер пробирает до костей, где песчинки скрипят на зубах, узкоглазая, плосколицая женщина спрашивает: «Ты Лаврентий?».

Отвечаю: «Да, я Лаврентий». Они фельдшерницами оказались. Сострадательницами амбулатории моего отца. Оказывается, мой отец окончил

на поселении заочный лечебный факультет. Они сказали, что у него заражение крови и что ему очень плохо. Позавчера написал завещание и велел - если я умру, семье сообщите только на годовщину. Сам высек надгробный камень и выбил свою фамилию на грузинском и русском языках. Он был страшно против твоего приезда, говорил, что отсюда все равно меня не увезет, а в дороге опасностей не оберется.

Было уже три часа ночи, когда мы вошли в лагерь. Отец не спал. Он лежал в жару. Мучился, метался. Я упал на колени, целовал его, гладил по волосам, щекам, чую запах родной породы. Отец и сын пахнут одинаково, знаешь ведь, а потом я ему открыл - кто я. Поначалу он едва не отдал Богу душу прямо на моих руках. Такой был потрясающий восторг. А следом - истерические рыдания, беспрерывные, потом он стал браниться - зачем, мол, ты пустился в такой рискованный путь, случись с тобой что-нибудь, мать ведь не вынесет этого.

Полтора месяца провел я в больнице ГУЛага. Заставил немного отступить от него смертельную опасность. Труднее всего оказалось сбить высокую температуру. Общее отравление организма и обморожение привели к тому, что пульс на правой ступне не прощупывался, кровь в нее не поступала. Отсутствовала чувствительность ниже колена.

Гангрена как она есть, но предложение ампутации я отверг. Сказал, что может случиться чудо, и кровь снова начнет поступать.

Он сам лучше всех знал, что ему нужно. Он был врачом широкого профиля. Все, что можно, читал по врачебному делу, обо всех заболеваниях имел представление. Человек - единый организм, одна болезнь порождает другую, и в конце концов, все недуги устремляются к мозгу. А некоторые наши врачи не смотрят в корень зла, не ищут причин, лечат локально тот или иной орган, в отрыве от организма в целом. Проходит месяца три, и снова начинает человека беспокоить язва или гипертония. Он опять к врачу, а тот в ответ - что делать, братец, помог я тебе выкарабкаться в прошлый раз, а ты режим нарушил, твоя вина. А на самом деле лечение-то осталось незавершенным, потому что очаг заболевания не был искоренен.

В начале июля он мне заявляет: мое дело кончено, ты теперь уезжай. Возвращайся в Кутаиси, нечего меня отсюда тащить, видишь ведь, на ногах не стою.

- Ты и вправду думаешь, отец мой, что я тебя здесь брошу и один вернусь в Кутаиси? И как ты мог даже подумать об этом? Я здесь пробуду хоть десять лет, пока ты не пойдешь на поправку, на табуретке, с тобой рядом сидя, буду ночи коротать. Неизлечимого у тебя ничего нет, так что бодрись.

- А тогда не будем терять времени, если едем, так едем. Откуда мне знать, какую штуку завтра выкинет эта вероломная болезнь? Может, случиться чудо, и с Божьей помощью (он вообще-то в Бога не верил, да

и я не верю, к чему лукавить?) живым меня довезешь в Кутаиси.

На другой же день рванул я в Карагандинский центр колоний, оформлять документы и приобретать билеты.

Срок у отца вышел четыре с половиной месяца назад, он уже был выписан. Скажу больше: «Скончался от брюшного тифа и похоронен на общем кладбище», такую запись прочитал я в графе против фамилии отца. Кто-то позаботился заранее.

Поплелся я на железнодорожный вокзал, а там меня огорошили: с сегодняшнего дня банкноты поменялись, старые денежные знаки аннулированы. Вот повезло! Стал бродить туда - сюда, выяснилось, что в Караганде всего один обменный пункт. И там в очереди - больше тысячи человек. И меняют жалкие копейки, да и то под объяснительную расписку. Надо известить о происхождении наличности. А потом на эту мелочевку не желаешь ли доехать из Москвы в Кутаиси? Сел я и заплакал. Умиравший отец на руках, и сейчас вот, на беду мою, деньги поменялись. А кому там в диковинку чьи-то слезы или беды? Кто-то мне подсказал: иди в горсовет, там, кажется, секретарем правления грузин работает. Прихожу, на дверях кабинета секретаря действительно табличка «Леквинадзе». Вхожу. За столом сидит русская женщина. Говорю:

- Мне бы Леквинадзе.

- Это я. Извините, я увидел на дверях грузинскую фамилию, подумал, что секретарь - грузин.

Она рассмеялась.

- Что вас сюда привело?

Я все рассказал. Встает эта красавица, белокурая, голубоглазая, словно с киноэкрана сошедшая, и сама выходит со мной. По-грузински, само собой, ни сном, ни духом, и не спросишь ведь - каким макаром она Леквинадзе.

О, сколько она со мной намучилась! Сначала не обошлось без митинга у обменного пункта. Чтобы пропустить меня без очереди. Слово взяли пять-шесть человек, и в конце концов большинством голосов дело было решено в мою пользу. Как на духу говорю, так и было.

Теперь как решить вопрос с обменом денег сверх нормы? Секретарь горсовета никак не могла втолковать кассирам, зачем нужны деньги, и в конце концов схватилась за револьвер - мать вашу, он везет лежачего больного, что ему, милостыню в дороге просить?

А теперь о самом больном отце расскажу! Три поезда сменили мы по пути в Москву. Бедного моего отца «выгружали» и «загружали» на двух простынях (носилки не годились, их надо было переворачивать), и почти каждый встречный не скрывал изумления - куда и зачем тащат этого больного мужчину. К тому же никто еще не видел больного на этом пути. Ведь можно было за его счет увезти здорового. А больной

что - умер, и там же бы его закопали. Я все объяснял, что везу его в родной город, на встречу с семьей; что если он умрет, будет в родной земле погребен. Но люди были так ожесточены, что, как ни объясняй, ни втолковывай - их не прошибало. Смотрели на меня как на умалишенного или обитателя мезозойской эры и спешили отстраниться.

Не стану утомлять пересказом наших мучений на пути до Москвы, от Москвы до Тбилиси и от Тбилиси до Кутаиси.

В Тбилиси, между прочим, на вокзале нас встретил представитель госбезопасности и чуть шкуру не спустил - почему не согласовал приезд с нами?! Я отвечал, что кутаисская госбезопасность в курсе дела, но он свое: и мы должны были знать! Ты еще до Караганды не добрался, когда нам позвонили из Москвы и строгача вlepили по первое число...

30 июля 1962 года я привез отца.

На Рионском вокзале нас встречал почти весь Кутаиси.

Прожил он по возвращении полтора месяца, не более.

На второй день после ареста в 11.00, прямо в камере, ему предъявили обвинение.

Вошли трое. В черных костюмах и галстуках, чисто выбритые юристы.

- Вам, Лаврентию Авксентьевичу Микава, год рождения 1941, место рождения село Летарге Мартвильского (бывшего Гегечкорского) района, проживающему в Тбилиси, Тамарашвили 5, по профессии экономисту, бывшему личному фотографу президента, предъявляется обвинение в измене родине, в частности, в установлении связей с иностранными спецслужбами и передаче им содержащих государственную тайну материалов. Ваше преступление квалифицируется по статье 313 Уголовного кодекса и предусматривает лишение свободы сроком от 8 до 15 лет.

Вы признаете свою вину или нет?

- Пока предпочитаю использовать право на молчание.

- Но вам понятно или нет, в чем вас обвиняют?

- Частично.

- Вам требуется адвокат?

- Нет.

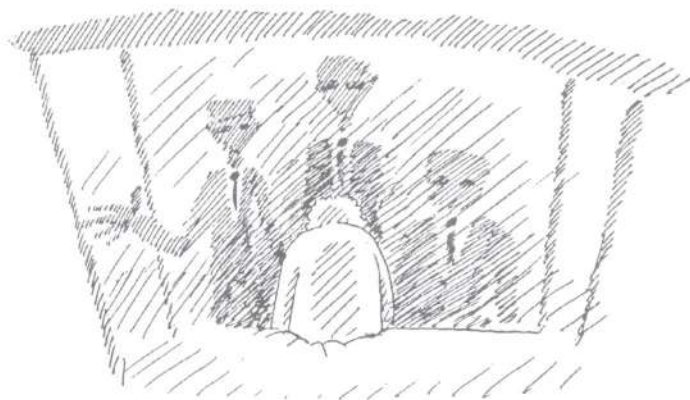
Юристы вышли.

В двенадцать часов его, в сопровождении двух надзирателей, отвели на третий этаж.

Надпись на кабинете гласила: «Следователь Гия Томадзе».

Тут же у дверей встретил его молодой человек с каштанового цвета

волосами, лет до тридцати, приятной наружности, в пестрой сорочке и сером френче-безрукавке; с расплюснутыми, как у дзюдоистов, ушами.

- Пожалуйста, - он сделал какой-то знак надзирателям. - Присяжайтесь, уважаемый Лаврентий. Я - ваш следователь, Гия Томадзе.

- Спасибо, - Лаврентий присел и попробовал пододвинуть скамейку, но она не поддавалась.

- Лаврентий Микава использует право на молчание?

- Да, уважаемый, пока что так.

- Вас ничем не обидели, уважаемый Лаврентий?

- Что вы?

- Чем-нибудь рассердили вас, спрашиваю.

- Ну о чем вы, я по горло сыт вашим почтением.

- Знаете, что я имею в виду? Условия в камере предварительного заключения, как с вами сотрудники обращались...

- По этой части все в порядке.

- Вот и хорошо. Значит, ваше молчание - в знак протеста, отрицания обвинения.

- Какое обвинение, уважаемый, можно ведь было говорить о легком служебном превышении полномочий. А тут такое несчастье. Родину продал! По этому обвинению после Бухарина никого не арестовывали. Какого еще изменника родине и народу нашли вы во мне, да еще...

- Продолжайте, продолжайте...

- Не могли по телевидению не растрезвонить это дело? Телевидение хлебом не корми, дай только слухами разжиться телекорреспондентам, показать, как продавал родину я, Лаврентий Микава, - в розницу или оптом. Теперь вы будете людям рот зашивать? Что за злое дело

совершил я, в чем так провинился?

- Значит, вы полностью отрицаете вину?

- Конечно, как же иначе.

- Да, но если вы не посодействуете мне, следовательно, как же нам доказать вашу невиновность?

- В чем я должен вам посодействовать?!

- Если вы и дальше будете пользоваться правом на молчание и не отвечать на вопросы, ничего этим не добьетесь.

- У вас жена и дети есть?

- Нет.

- Тогда поклянитесь всем сердцем, вы и вправду верите, что я - из-менник родины?

- Не верю.

- А какое еще нужно доказательство моей невиновности?

- Не так-то просто все, уважаемый Лаврентий, я вызывал на допрос одного-двух аккредитованных в Грузии иностранных корреспондентов, посылал телефонограмму в редакции газет «Вататату-ватахара» и «Банануту»... И знаете, что мне оттуда ответили? Действительно, мы опубликовали компрометирующие вашего президента фотоматериалы, но не можем ни подтвердить, ни опровергнуть, что эти фотографии сняты именно Лаврентием Микава, а какими путями попали к нам эти фото, является нашей коммерческой тайной.

- А дальше что?

- А дальше вот что, уважаемый Лаврентий, этот ответ на 55-60 процентов склоняется к вашей виновности. Добавим, что на протяжении последнего года 90% опубликованных в этих газетах фото - ваших рук дело.

- Уважаемый Гия, вы заканчивали университет?

- Да.

- Так вот, неужели хоть кто-нибудь из лекторов, причастный к греховой журналистской стезе, не рассказывал, какими путями попадают материалы в зарубежные газеты?

- Или через официальные агентства, или из рук в руки - непосредственно от авторов.

- Значит, те материалы, которые нет возможности передать по линии агентств, я, Лаврентий Микава, отпечатываю конспиративно, вкладываю в зашифрованный конверт, в худшем случае, доверяю голубиной почте, а в лучшем, по согласованию с иностранным резидентом, кладу под заранее помеченный камень. Тотчас появляется мой иностранный коллега, вытаскивает конверт, а на его место кладет другой, в котором солидное вознаграждение. Так ведь?

- Приблизительно.

- Тогда я скажу, что ваши университетские профессора, как мини-

мум, на сто лет отстали от современных методов «продажи родины». И пытаться доказать мою вину таким путем для вас будет чрезвычайно затруднительно.

- Помимо фотографий, которым я, по правде говоря, большого значения не придаю, есть в вашей биографии материалы о взаимоотношениях с иностранцами, в разные годы, и в этом направлении я немного поработаю.

- Барин - хозяин. Но вернемся вновь к тому, как оказываются фотографии в зарубежной, или, если угодно, нашей прессе. Вам об этом известно?

- Хорошо известно - передаются через компьютер.

- Я выкладываю фото на своем сайте или на президентском, так ведь?

- Разумеется.

- Наверное, вами проверяется, не выложены ли на моем сайте или на сайте президента фотографии сомнительного характера, а то и оскорбляющие его личное достоинство?

- Нет, но мне также хорошо известно, что ловкие конспираторы-информаторы размещают эти фотографии на совершенно других, нейтральных сайтах, под секретным шифром.

- Чтооо? Это что-то новенькое. Ты забываешь, дорогой Гия, что у всех пользователей есть свой код, и даже если очень захочешь, на чужом сайте свой материал не разместишь.

- Тем лучше... Все разъяснится, уважаемый Лаврентий, все будет названо своими именами.

- Поговорим пока о том, что уже выяснено.

- Пожалуйста.

- Поскольку ты говоришь, что благорасположен ко мне (не так уж простоушен был Лаврентий, чтобы поверить в благорасположенность Ги́и Томадзе), я тебе выдам одну тайну, а ты, по-братски, никому не говори.

- Я нем, как могила.

- Знаешь, почему я здесь оказался?

- Владеею только официальной информацией, не более того.

- Я арестован по соглашению с президентом, уважаемый Гия.

- Это и так понятно. Личного фотографа президента по-другому и не арестуют.

- Я совсем не о том говорю: три дня назад президент вызвал меня и сказал, что нервы его подводят, потоком публикуется компромат на него в зарубежных газетах. Интересно, говорит он, кто поставляет эти фото бульварной прессе, стыд и совесть потерявшей? Я спросил, уж не подозревает ли он меня. Конечно, нет, дорогой Лаврентий, ты ни при чем, но что мне пришло в голову: посажу-ка я тебя, а там другие фото-

графы хвосты прижмут: уж если личника президент не пощадил, так нам-то какой «бомбей среди темной ночи» устроит...

Он сказал, что сомневается в моей виновности, но во всем разберется следствие. И вот я сижу перед тобой, заключенный Лаврентий Микава.

Следователь то бросал взгляд на папку перед собой, то смотрел на Лаврентия взглядом подозрительнейшим из подозрительных.

Пауза длилась долго.

- Хорошо... На сегодня хватит, уважаемый Лаврентий. Тем более (он посмотрел на часы) настало ваше обеденное время.

Он открыл двери и сделал знак надзирателям.

Лаврентия повели в его камеру.

Идя по узкому коридору, он думал, не провинился ли, что доверил следователю самую главную тайну. То ему казалось, что поспешил. И в том не был он уверен, что следователь поверил сказанному. В конце концов, он пришел к выводу, что поступил правильно... Правильно поступил, по многим причинам.

Время тянулось дольше обыкновенного.

Ни телевизора... Ни радио... Ни газет...

Одно было желание - найти, чем бы развлечься. Он пересчитал все морщинки и складки на ладонях, потом бабочек, столпившихся вокруг лампы под потолком, но и это скоро наскучило.

Хотел было выключить свет, протянул руку к кнопке возле двери, но напрасно - включение и выключение света не зависело от желания заключенного.

Было уже почти восемь, когда надзиратель заглянул в окошко и возвестил:

- Микава! К тебе врач.

В камеру вошел двухметровый бритоголовый краснощекий дядька лет за пятьдесят, с медвежьими лапами, с наброшенным на плечи халатом.

- Уважаемый Лаврентий, я врач.

- А конкретно? - заключенный сел на нары.

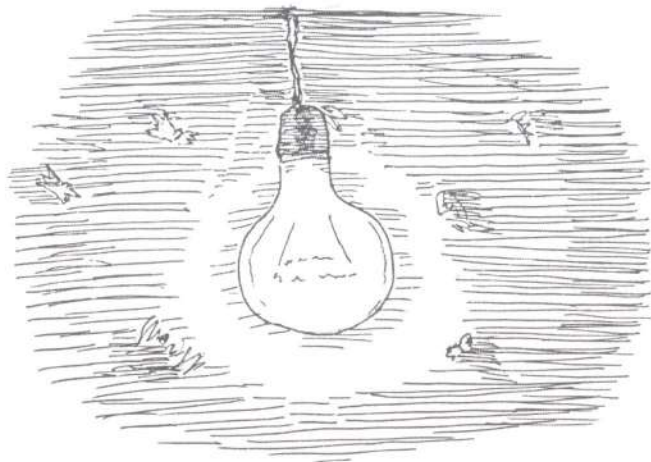
- Психиатр. Вам требуется врачебная помощь?

- Меньше всего - психиатра. Зачем вы беспокоились?

- Приблизительно сто из ста человек, господин Лаврентий, в тюрьме ли, на воле - так же, как и вы, думают, что им не нужен психиатр, но исследования показывают, что помощь психиатра необходима 98 процентам населения.

Лаврентий, наконец-то, улыбнулся.

- Включите меня, уважаемый доктор, в эти два процента.

- С радостью и удовольствием. Но, раз уж я пришел, с вашего разрешения, позвольте все-таки задать вам пару вопросов.

- Вы сперва скажите, кто вас ко мне послал?

- Никто. Это - плановая проверка. Касается всех заключенных. Как говорится, чтобы к делу подшить.

- Я вас слушаю.

- Спите вы хорошо, уважаемый Лаврентий?

- Здесь или вообще?

- Хотя бы здесь.

- Как солдат меж воздушными тревогами, как смертельно усталый обходчик на железнодорожных путях. Вам приходилось спать взаперти?

- Я постоянно сплю взаперти.

- Знаете, когда ключи от твоего жилья в чужом кармане... Это не то ощущение, что от громыхнувшего в ночи припоздального трамвая, когда, повернув подушку, тут же снова сладко заснешь. Это ужас. Когда не кончается... Не кончается... Не кончается ночь.

- Что поделаешь, понятно, что для вас это непривычная ситуация, наверное, свыкнетесь.

- С этим я никогда не свыкнусь.

- Не должно было приключиться с вами, уважаемый Лаврентий, в таком-то возрасте, этой напасти.

- Какой напасти, будь другом... Ничего со мной не приключилось.

- Ладно. Не будем говорить о том, что нас не касается. Я давал клятву Гиппократата и обязан помогать всем, уважаемый Лаврентий. Вам нужны снотворные таблетки?

- Раньше никогда в них не нуждался.

- Тогда воздержимся пока, хотя бы в течение трех ночей, постарайтесь пересилить себя и заснуть, а если не получится, поможет снотворное.

- Большое спасибо.

- Господин Лаврентий, ваш арест действительно состоялся по личной просьбе президента?

- Я этого не говорил. Я говорил, что президент отправил меня в заключение для острастки других. Я же попросил никому не говорить.

- Я не «никому», уважаемый Лаврентий, Гия обязан был сообщить мне. Знайте, все делается в ваших интересах. По-другому у нас нет возможности проверить правоту ваших слов. Кто нас пустит к президенту. К тому же, клянусь честью, об этом не узнает никто, кроме следователя и меня, никто более не узнает.

- Я должен вам верить, другого выхода нет.

- Президент действительно сказал, что сомневается в вашей виновности?

- Действительно сказал.

- И вы сразу же согласились, без раздумий, не только сяду, мол, за твое уважение, но и с башни телевизионной спрыгну, мой президент!

- Насчет башни разговора не было.

- И на том спасибо.

- Ты что, ехидничаешь, мил-друг? По твоему, я сейчас в настроении дурака валять, уважаемый доктор?

- А если бы тебе кто-нибудь сказал, уважаемый Лаврентий, что его посадили, чтобы других запугать, ты бы поверил?

- Сидят ведь абсолютно невиновные, да еще и вместо преступников.

- Это совершенно другие случаи; в первом кривосудие сработало, а во втором случае кто-то ввиду сложившихся обстоятельств или не имея другого выхода, берет на себя вину, а вы...

- Что я?

- Как вы утверждаете, вы не совершали преступления, и в безвыходном положении не пребывали.

- Слышали вы поговорку - «Одурел, осла седлая, он взбрыкнул, меня скидая».

- В сторону поговорки. Вы не задумывались, что последует за вашим заключением, «для устрашения прочих»?

- Так внезапно... Я не успел все учесть. Просто времени не было.

- Да, а теперь у вас много времени для раздумий и анализа. Вы, человек безобидной профессии, скромный и бескорыстный фотожур-

налист, вдруг превращаетесь в ужасное чудовище, предателя родины, общественно опасную личность.

- Не думал, не гадал, что на мою голову свалятся бедствия такого масштаба.

- Ваш поступок более чем странен, господин Лаврентий.

- Массмедиа продолжает шуметь?

- Шуметь - слабо сказано. Вы - весьма лакомый кусочек для сенсации. Чтоб вы знали, нет предела журналистской фантазии в описании деталей вашей тайной жизни. Чего только не сочиняют, в чем только вас не обвиняют! Вплоть до того, что якобы британская сторона обратилась с просьбой к грузинскому правительству обменять Лаврентия Микава на девять грузинских шпионов, отбывающих заключение в лондонской тюрьме, в чем, как сообщается, мы им отказываем.

- Как вы думаете, скоро пойдет на спад этот ажиотаж?

- Наверное, он продлится немало времени. С другой стороны, это не так уж и плохо. Вашим именем детей пугают.

- Да ладно заливать...

- Значит так, господин Лаврентий, я в медицинском заключении, со своей стороны, должен записать, что вы абсолютно здоровы, поскольку не замечено ни психических отклонений, ни признаков вегетоневроза.

- Это большая поблажка.

- Всего хорошего, уважаемый Лаврентий, если я понадобится, сообщите надзирателю, меня вызовут.

На третий день после ареста Лаврентий Микава предстал перед судом.

Судьей оказалась женщина, по фамилии Джомарджидзе.

Хорошо еще, что в зал заседаний не пустили журналистов.

Судья еще раз спросила, признает ли он свою вину.

Лаврентий ответил категорическим отказом.

Затем прокурор, человек строгий, с двойным подбородком и короткими толстыми пальцами, зачитал обвинительное заключение.

Лаврентий Микава не согласился ни с одним его пунктом, ему это и в голову не приходило.

Следом назначенный государством адвокат по имени Кита Гецадзе, лет эдак сорока, с редкими зубами и тоненькими усиками, с повязкой на левом глазу, лысый, предъявил несколько неслабых аргументов в защиту обвиняемого.

Прежде всего, как он заявил, ни одно из трех обвинений не подкреплено убедительными доказательствами. Далее - есть предложение допросить президента, посмотрим, что он скажет, есть ли у него притензии в адрес личного фотографа, четыре года проработавшего с ним.

И, наконец, не поспешили ли массмедиа, полностью проигнорировав презумпцию невиновности Лаврентия Микава и не вникая в суть дела, навесить на него ярлык изменника родины.

Заседание суда продолжалось недолго.

Лаврентию Микава присудили двухмесячное предварительное заключение. Кита Гецадзе, сгорбившись, стоял спиной к нему, прислонившись к перилам, и Лаврентию показалось, что если он выпрямится, будет, пожалуй, повыше ростом.

На второй день осужденного Лаврентия перевели в городской изолятор №17.

Отобедавший следователь навестил его именно там и без обиняков спросил, знаком ли он с немецкой девушкой Кларой Зиберт и «расскажи все, что о ней знаешь».

Как не запомнить Клару Зиберт. Это же была любовь его детства, которая всю жизнь не давала ему покоя.

Вот что он рассказал следователю:

- Клара училась со мной с четвертого по восьмой класс. Я был в четвертом классе, когда по соседству с нами поселили немцев. Не знаю, откуда появились немцы в Кутаиси, рассказывали, что отец ее остался еще с Первой Мировой. Жена у него была туркменка и единственная дочь. Кларой звали эту девочку, никогда не забуду. Они то ли купили, то ли арендовали дом Сванадзе. От нас они жили четвертыми по счету соседями. Тиф истребил всю семью, и в этом доме долго никто не селился. Иногда появлялся там их родственник из пригорода, Годогани. На их воротах висел большой замок. Вымершая семья, что и говорить, потому мы, дети, проходили мимо как-то испуганно и почтительно одновременно. И фрукты воровать в их двор никто не совался. А двор был весь устлан ползучими зарослями. Этот родственник, хромец в чуваках, приезжал раз в год, открывал ворота, выносил на балкон скамью, сидел, сидел, а к вечеру уходил восвояси. Даже хворостинки с места на место не переложил во дворе, мотыгу и в руки не брал, сорняки покорчевать. В чем тут было дело, не знаю, не ведаю.

Как поселился немец - дом стал на дом похож, а двор - на двор. Все заблестело-засверкало. Выкрасили дом в три цвета, понимаешь ли ты, перекрыли цинком, деревья окучили, известняком стволы выбелили, сухие ветви подрезали, обрубили, привили и отвели виноградные лозы, все вокруг в цветущую красоту обратили. И без моих рассказов, сам разве не слышал об их усердии и старательности? Спустя немного времени бросить взгляд на их двор - сплошным удовольствием стало. И какими соседями были они, теплыми, приветливыми. По-грузински, по-моему, лучше меня говорили. Клару, разумеется, в школу отдали.

Со мной за парту посадили. Помню как сейчас, хоть больше полвека прошло, не так ли?

Ох, оставь меня в покое, ради Бога, мы - пустое место, пус - то - е.

Немцы, чего скрывать, ко мне доброжелательно относились, не знаю, почему. Мальчик я был тихий, взрослых слушался. Съезжал, бывало, по малолетству, с катушек, но камнями не швырялся и не безобразничал, как некоторые. Взрослым в глаза смотрел: что умное подскажут, как посоветуют поступить. Клару воспитывали слишком строго. Контролировали каждый шаг и каждую минуту. Но мне доверяли так, что попрося я отпустить Клару со мной в темный лес глухою полночью, не отказали бы. Пригожая девочка была, кривить душой не стану. Стройна, как кипарис, с прямыми светлыми волосами, глазами темно-кариими. На занятия мы ходили вместе. Она насмерть стояла, урок предпочла бы пропустить, чем с кем-нибудь другим пойти в школу. Чего греха таить, поначалу я чурался этого «обязательства». У нас в Кутаиси парня в паре с девчонкой на улице в неженки записывали. Потом мало-помалу прогулки эти превратились в привычку, и я, если ее не было рядом, даже терялся. Стал считать, что должен пестовать ее всю жизнь, оберегать от дурного глаза. Красивая ведь девочка, и поэтому неудивительно, что старшеклассники все на нее пялились и норовили «подъехать».

А поскольку Клара ни с кем не останавливалась поболтать на улице, совали записки мне в руки и мне перепоручали тяжелую миссию признаний в любви. Время между тем не стояло на месте, я не деревяшкой родился, и пришла пора, когда и сам влюбился в Клару. Заметно было, что и она ко мне равнодушна, и как-то раз, когда мы возвращались из школы, я - ни с того ни с сего, вдруг заявил: «Я тебя люблю». Она ни слова не вымолвила. Ждала этих слов - не ждала, кто сердце девичье поймет? Прижала сумку к груди обеими руками, опустила голову и ускорила шаг. Я тоже плелся за ней как немой. Думал: «Что это за глупость я выкинул?», бранился я про себя: «А вот как она завтра слова мне не скажет, а вот как перепугаю эту приобвыкшую ко мне девочку». В восьмом классе мы тогда учились. А случилось это двадцать девятого октября. Во вторник. Всю ночь я глаз не сомкнул. Не укладывалось в голове, что не подойду к дому Клары, и она меня не встретит у ворот, со своей двуручной желтой школьной сумкой в руках. Но она стояла, ждала. И не было в то утро на свете человека счастливее меня. Снова так же, как вчера при расставании, прижав сумку к груди, опустив голову, подошла она ко мне и, осветив лучиками темно-карих глаз, молвила: «Доброе утро». Этим было сказано все.

Какой еще другой ответ нужен был мне? И как дорога мне стала Клара с той минуты, можно ли описать словами? Как же благословен этот возраст: пятнадцать-семнадцать лет. Мы оба как-то внезапно как

будто остепенились. Клара стала более спокойной и задумчивой. Я же почувствовал себя рыцарем. Посмел бы кто вольное словцо при моей немецкой девушке?!

Родители ни о чем не догадывались.

Может, и подозревали, но нам не говорили.

Продолжать ли мне эту красивую историю о первой любви? Что нового я расскажу, вы ведь тоже через это проходили.

Высшим счастьем для нас было просто видеть друг друга; мы строили планы на будущее, а если оказывались где-нибудь в укромном месте, обнимались и целовались. И никак не впишешь в словесные рамки вкус этих дней, этих поцелуев. Слова и вправду бессильны в описании чувств.

Но что-то я заговорился. Заморочил я тебе голову, братец, да уж ладно, к концу дело идет. Одиннадцатого ноября того же года является Клара, глотая слезы, и говорит: «Мы возвращаемся на жительство в Германию. Я все, что могла, испробовала, беспомощно. Теперь буду жить надеждой увидеть тебя. Как только чуть покрепче встану на ноги, приеду и буду тебе верной женой до гроба!» Я стоял как громом пораженный, да что можно было поделать? Убивалась Клара перед отъездом. Умоляла-заклинала отца: «Оставьте меня, не увозите!». Вечером накануне отъезда она пришла ко мне, прибрала мою комнату, прижимая к груди мои старые книги и портфель... Сердце мое горело жалостью. Отец ее колебался, наконец сказал: «Оставляю ее!»; мама моя, конечно, согласилась. На другой же день помчались, куда следует, да кто бы оставил Клару. Сказали - будь они расписаны, можно было еще попытаться, а тут и говорить не о чем, несовершеннолетние - и баста.

Уехала и уехала, пропала для меня Клара. Ни слуху, ни духу. Кто знает, может, и писала мне. Но в те годы международная почта, во всяком случае, для нас подобного сословия, не работала.

- Тяжелый случай, - сделал вывод следователь. - И после этого ты ничего от Клары не слышал?

- Ничего.

- Если она так была влюблена, почему же ни разу не написала?

- Я же говорил, может, и писала, да письма до меня не доходили. А если и не писала, и тут не упрекну; детское чувство, сам знаешь. Может, с другим и забыла обо мне.

Гия Томадзе раскрыл папку, вынул и выложил перед Лаврентием три конверта.

Лаврентий сразу же узнал красивую грузинскую вязь почерка Клары.

На одном дыхании открыл конверты и молниеносно прочитал подряд все три послания.

Клара писала, что живут они в маленьком поселке, в гренаузе. Но

она никак не смирилась с «возвращением на свою родину». «Каждый день плачу. Твою безрукавку, что ты надел на меня, когда мы попали под дождь на берегу Риони, и которую, ты мне на второй день сказал, что даришь, я забрала с собой и, не поверишь, дороже этой майки ничего для меня теперь нет. Каждый день я вынимаю ее и целую, мне кажется, она хранит твой запах, и слезы из глаз текут в три ручья.

Жизнь моя, я здесь вся в мыслях об улице Ниношвили, ты и Кутаиси - мое все.

Когда мы немного окрепнем и я уверенней освоюсь по жизни, приеду непременно и проведу с тобой всю свою жизнь. Этот мой замысел разделяют и родители».

В других письмах, другими словами, было написано то же самое.

- Больше она не писала? - у Лаврентия дрожала рука.

- У нас 17 таких писем. В последнем она с болью в сердце пишет: что случилось, почему ты меня забыл, неужели ты меня не любишь, неужели ни разу обо мне не вспомнил, беда какая, если ни одного письма моего ты не получил.

- Ну и... Разве это дело? - Лаврентию комок к горлу подступил.

- Ты о почте?

- Причем тут почта, Гия, я о том, кто это учинил, его же повесить мало.

- За что?

- Что значит, за что... Он жизнь у меня отнял, существование отравил. Что ты понимаешь, это ведь того бдительного кагебешника вина, что остался я один как перст, это он ведь прятал письма.

- С другой стороны, кто знает - где бы вы с Кларой перегнули палку, во что бы впутал агент безопасности Германии Клод Зиберт свою красивую дочь...

- Какой там еще агент, дорогой ты мой, золотой... А хоть бы и так, чистой любовью ведь дети любили друг друга...

- Так что... Не будь слишком уж строг. Может, проявишь больше мягкосердечия в отношении того сотрудника, который, утаив эти письма, возможно, отвел от тебя опасность.

Последовала долгая пауза.

- Для сведения, твоей Кларе сейчас около семидесяти, живет она в Йене, в окружении детей и внуков, тебя совсем не помнит.

Лаврентий сидел, вперив взгляд в пол.

Гия принялся складывать письма в папку.

- Если можно, хоть теперь оставьте мне эти письма.

- Не имею права.

- Хотя бы на одну ночь, до завтра.

- До завтра можно.

Гия вышел.

...Лаврентий в эту ночь сложит на сердце письма мечты своего детства.

В эту ночь он наконец уснет.
 В эту ночь Клара будет с ним.

У адвоката Киты Гецадзе язык был без костей.

- У меня такого странного, бестолкового и бессвязного дела еще не было, - приговаривал он. - Смехотворные штуки такие в нем фигурируют, и ребенку понятно, что за уши все притянута. Если про что-то и можно сказать - шито белыми нитками, то это - твое дело. Видно, кому-то наверху очень нужно тебя упрятать за решетку. Но ты представь себе, у них нет ни одного документа, за который бы можно ухватиться. Они не могут доказать главного - факт личной передачи позорящих президента

фотографий. И в изъятых «пленках» не видно этих фото. Выходит, ты и негативы уничтожал, таким был дальновидным. Скоро нам официально передадут дело, и ты от души посмеешься над этими бездарями.

- И все же, за что меня взяли?

- Я же говорю, у них на руках ничего нет, какие-то сказки сочиняют.

- Например?

- Некогда, в студенческие годы, встретился с каким-то иностранцем. Этот иностранный турист с целью вербовки предложил ему в подарок дорогостоящую рубашку. Лаврентий подарок принял и в знак согласия они обменялись сорочками (там написано «майками»).

- Кто этот мой вербовщик и где он сейчас?

- Разыскивается интерполом. Очень трудно установить его личность, потому что он постоянно меняет имена и фамилии.

- В какой форме он сотрудничал с иностранными спецслужбами?

- Он регулярно поставлял не только фото, но и другие сведения. Закрытые материалы о состоянии грузинской экономики, построенных или строящихся секретных объектах (в том числе военных объектах), а также изображения.

- Ты это все всерьез говоришь, уважаемый Кита?

- Пусть тебя не удивит, если они приведут этого резидента, с которым ты рубашками менялся, и устроят вам очную ставку.

- Не удивлюсь. Маху дал я, что не записал имя-фамилию и адрес этого придурковатого туриста, облегчил бы работу гебешникам. Меня удивляет другое.

- Что именно?

- А то, что кому на кой сдалось, Кита, фото, снятое Лаврентием Микава пятнадцать лет назад допотопным аппаратом? Сверху со спутников день и ночь снимают все видимые и невидимые точки. Какие у нас есть «секретные объекты», о которых они бы не знали? Видишь, как они глубоко копнули мое дело? Поначалу-то я думал, что меня обвиняют в безобидном деле «прославляющих» президента фотографий, и что я буду признан тут невиновным, а теперь вот на сомовий крючок ловят, хотят меня выставить разведчиком мирового масштаба.

- Почти что так.

- Да, но справедливость - она есть или нет? Неужели ни прокурор, ни судья не заглянут в дело?

- О каких судьях и прокурорах ты говоришь. Я думаю, твое дело было сшито в день твоего ареста. Даже предварительного следствия не провели. Судебный следователь твой, Гия Томадзе, неплохой парень, я с ним по твоему делу поговорил, он только плечами пожимает и смеется. И вот еще что скажу: в качестве вещественного доказательства к твоему делу подшит засекреченный разговор предыдущего президента с журналистским комментарием. При чем здесь это, не возьму в толк.

- Что за разговор?

- Изъятый во время обыска у тебя дома, записан во время визита в Турцию.

- Этот «разговор» мне вручил лично президент, в прошлом году. Сказал, что запись попала к ним в руки и чтобы я прочитал, если интересно. По правде говоря, не нашел времени прочитать, так и осталась мертвым грузом, а сам и не спрашивал, забыл, наверное.

- Да.

- Ну-ка, прочтем, что там написано.

Адвокат протянул ему стенограмму беседы.

Лаврентий начал читать вслух:

«- Может, обойдемся без переводчика, а? - сказал по-грузински хозяин.

- Воля ваша, - ответил гость, не проявив удивления. Двадцать лет он знаком с этим человеком. И не только в дни визита в Тбилиси на самом высоком уровне, но и на международных форумах они часто пересекались, и никто от него ни слова по-грузински не слышал.

Переводчик, птясь и слегка смутившись, но улыбаясь до ушей, направился к выходу.

Гость и хозяин остались наедине.

- Простите, с точки зрения международного протокола, быть может, не совсем правильно нам оставаться тет-а-тет.

- Напротив, как раз это и называется беседой один на один. Так что, все в порядке, - вежливо ответил гость.

Он тщетно пытался вспомнить подобный случай на протяжении всей своей бурной дипломатической карьеры.

- Вы не устали?

- Нет, что вы. Как мы далеко друг от друга живем.

- Вы бывали на Мадагаскаре?

- Нет.

- Вот это перелет так перелет. Двадцать пять часов в воздухе.

- Да, это ужас.

- Вас не удивляет мой грузинский?

- В высшей степени приятная неожиданность. Хотя, мне было известно, что вы владеете грузинским. В Тбилиси просто не решился спросить.

- Я и там хотел сказать что-нибудь по-грузински, но как-то не представилось случая. В Тбилиси мы не оставались наедине. У меня к вам будет одна просьба. Для прессы - мы беседуем по-английски.

- Как вам будет угодно.

- Можете быть совершенно откровенным с человеком моего положения. Наш разговор не записывается и никого третьего здесь нет.

- Не сомневаюсь.

- Прошу, отведайте фруктов.

- Благодарю вас.

- В настоящее время главной заботой Грузии остается возвращение Абхазии и Самачабло. Я верно говорю?

- Вы правы. Если это мне удастся, спокойно сойду в могилу, моя миссия будет выполнена.

- История не утаит, что стараний вы не жалели.

- Как видно, достойно увенчать это дело выше моих возможностей.

Ранее я был более оптимистично настроен.

- На чем основывался ваш оптимизм? Кто знает Россию лучше вас?

- Знаете ли, я в политике всегда играл открытыми картами. Слову

верил и верю по сей день.

- Да, но слово и дело ваших северных партнеров, к сожалению, не сходятся друг с другом.

- И не только. Меня столько раз обманывали, и через этот обман я выходил обманщиком в глазах других, что изумляюсь великодушию моего народа. Что мне еще верят.

- Владеете ли вы полной информацией о процентах доверия властям со стороны народа?

- Думаю, что да. Во всяком случае, мой выбор подтвердился недавно, во время ноябрьских выборов.

- Политическим замешательствам белого медведя конца и краю нет. Его действия иногда не вписываются ни в какой логический контекст. Сейчас вы преодолеваете самый опасный поворот в своей истории. Никто не знает, что взбредет в голову задыхающейся в агонии империи.

- Вот потому-то я хоть в игольное ушко готов пролезть, лишь бы отвести от Грузии угрозу глобального разрушения.

- Да что вам говорить, мы и сами чуть не в поклоне изогнулись. А вы как рабы с ушами отрезанными. Это во всем проявляется. Вы со мной согласны?

- К сожалению, вы правы.

- Недавно, когда террористы захватили наш корабль, Москва передала нам предложение - если у вас недостаточно сил, мы прибудем и уничтожим их. И это они говорят нам, стране-члену НАТО. Представляете, какая наглость?

Гость ничего на это не ответил.

- К слову, вы тоже допустили немало ошибок. Не надо было давать им базы на двадцать пять лет. Это и для нас создает опасность.

- Мы решили, лучше сами, по-хорошему, чем навяжут. Ведь и у вас есть, скажем, американские базы.

- И что, вы думаете, это хорошо? Мы всячески стараемся спровести янки с нашей земли.

- Многие в мире и, думается, вы тоже, верите, что в СНГ мы вступили по моему желанию? Нас поставили на колени.

- Разумеется. Как Западу, так и Востоку об этом известно. Вы были побеждены и оккупированы, уже второй раз в этом веке.

Гость и на этот раз промолчал.

- Одно меня все-таки удивляет. Нигде, ни на каком уровне, вы не подчеркиваете, что являетесь оккупированной и поработенной страной.

- Почему же, если вы почитаете мою телеграмму от 27 сентября 1993 года, я известил Москву об этом.

- Это было один-единственный раз.

- Да, потом, вы правы, я набрал в рот воды, только потому, что по-

терял надежду на Запад. Грузия осталась почти один на один с разъяренным чудовищем.

- А мы?

- Что вы можете? Давайте будем откровенны: ради Грузии не только вы, но и Америка не станет раздражать Россию.

- А вам ни о чем не говорит тот факт, что с нашей стороны вы пользуетесь полной моральной поддержкой?

- Что вы имеете в виду?

- Во время визита в Москву в аэропорту вас встречал седьмой человек. А здесь... Хотя, по протоколу не было предусмотрено, что я должен вас встретить. Но я хотел показать миру: президент встречает президента. Тем самым я поддержал вашу независимость и свободу.

- Можете не объяснять, мне и так понятно.

- Простите, что подчеркнул этот факт. Нечаянно с языка сорвалось.

- Я думаю, вы должны чувствовать и наше благорасположение. Вы думаете, Россия не нарадуется, что весь рынок мы уступили вам?

- Турецкие товары спасли от запланированного российской блокадой голода грузинский народ.

- Но вель освоение рынка входило и в ваши интересы?

- А нефть? Известно ли вам, что Россия была категорически против прохождения нефтепровода по вашей территории? Мы этот маршрут чуть не на зубах вытянули. Америка-Англия тоже энергично вас держивали.

- Знаем, это большая политическая поддержка.

- И экономическая.

- Насчет экономической что сказать вам. Мягко говоря, нас обвели вокруг пальца. В год должны были получать двести миллионов долларов, а получим только восемь миллионов.

- Но ведь вы же подписали договор.

- Меня поставили перед фактом. Невозможно было продолжать торговлю.

- Постепенно, с течением времени, все исправится, главное - начать.

- Да.

- Нефтяной магистралью и шелковым путем вы уже включились в мировую экономику. Теперь вам трудно будет самоизолироваться.

- А мы и не собираемся.

- Отныне и мировое сообщество должно заботиться о стабилизации в вашей стране.

- Только не как в грузинской поговорке: «Подзадорили козу с волком бодаться».

- Что вы этим хотите сказать?

- Ни ООН, ни Европарламент пальцем о палец не ударили для вос-

становления территориальной целостности Грузии. А мои западные друзья попросту надули меня и, подобно Пилату, умыли руки. У меня не было другого пути, кроме как явиться к России блудным сыном и просить прощения.

- Это правда, вам пришлось пережить тяжелые дни, но какой помощи вы ожидали от ООН?

- Прибытия миротворческих сил.

- А вы об этом просили?

- Разумеется, но нам было отказано ввиду нехватки средств.

- Но ведь наблюдателей прислали?

- Ну конечно, вот уже два года наблюдатели ООН в Бичвинте скользят на водных лыжах по морской глади и угощаются хачапури Ардзинбы.

- А российских «миротворцев» вы ведь сами пригласили?

- Да, после того, как ООН нам отказала.

- Что в наших силах?

- Пока что ничего. Мы благодарны за признание нашей территориальной целостности, но были бы еще более благодарны, не посылай вы доверху груженные корабли Ардзинбе.

- Когда это мы помогали Ардзинбе? Мы протягиваем руку помощи простым абхазам. И вы бы также поступали на нашем месте. К тому же, не забывайте, что в Турции мощная абхазская диаспора.

- Но и вы не забывайте, что в Турции живет множество грузин.

- И сколько же все-таки, по вашим данным?

- До четырех миллионов.

- Если вы меня не выдадите и сказанное останется между нами, открою правду: в Турции проживает семнадцать миллионов грузин.

- Это колоссальная цифра.

- Но на выступлении в меджлисе вы почти ничего не сказали о живущих в Турции грузинах.

- Не знаю... Честно говоря, хотел сказать, но подумал, что меня не поймут.

- Алиев во время визита в Тбилиси напомнил, что в Грузии проживает много азербайджанцев, вы же, со своей стороны, и не упомянули Саингило. С чем связана такая ваша «беспамятность»?

- Вы правы... Век учись... Иногда напоминает о себе проклятый коммунистический беспредельный интернационализм.

- В конечном итоге, какой вам видится политическая ориентация Грузии: север, запад или восток?

- Мы находимся в таком геополитическом пространстве, что должны стремиться к полному нейтралитету.

- А взаимоотношения с соседями?

- Только добрососедские.

- И все же, Грозный бомбили самолеты, взлетавшие и из Вазиани.

- Вы хорошо знаете, что если таковое случилось, русские со мной этого не согласовывали, а со своей стороны я напомню, что против Грузии, как гиены кровожадные, на стороне апсуа и русских дрались чеченцы. Также я имею достоверную информацию, что в русско-чеченской войне грузины на стороне русских не воевали.

- У меня нет документов, позволяющих усомниться в вашей последней фразе. Вы не утомились?

- Нет, уважаемый, беседа с вами - подлинное удовольствие.

- В чем же мы достигли согласия?

- Хотя бы в том, что никогда не нарушим клятву верности в дружбе и добрососедстве и не изменим принципу мирного сосуществования.

- Мы же, со своей стороны, всегда и всячески будем стараться поддерживать независимость и полный нейтралитет Грузии.

- Этого желал и великий Кемал Ататюрк.

- Благодарю вас.

- Всего хорошего.

Встреча один на один - беседа завершена.

В освещенном юпитерами зале, под жужжание кино-телекамер и стрекот-щелканье фотоаппаратов, стоя плечом к плечу, главы двух стран с удовольствием рассказывали об итогах переговоров, иногда торгуясь и в такие темы, которые не обсуждались официально, но, если бы обсуждались, были бы решены положительно.

Под конец стройненькая каштановолосая журналистка обратилась к гостю:

- Позвольте спросить, на каком языке вы общались?

- На английском.

- Но вы ведь не владеете английским?

- Вам надо у хозяина спросить - если он скажет, что друг другу мы ничего не смогли толковать, значит, вы будете правы и можете претендовать на открытие, - ответил гость и даже не улыбнулся, а рассмеялся».

- Вот и все, - сказал адвокат.

- И при чем тут я, когда два престарелых президента беседуют?

- Не «при чем», а во главе. Эта запись была подготовлена для отправки за границу.

- И что этому могло помешать, почему целый год ее не «отправили»?

- А вот это установит следствие.

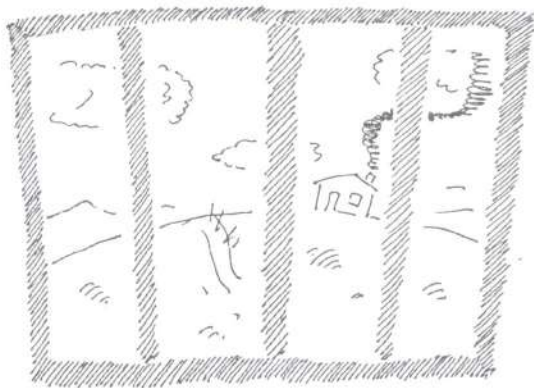
Идут чередом безрадостные дни.

Есть лишь две вещи, связывающие Лаврентия с внешним миром: воспоминания, чей отклик он может вызвать в любую минуту, и решет-

чатое окошко, вырезанное в пяди от потолка, у западной стены камеры.

Из этого окна виден кусочек неба.

Кусочек неба для свободного человека - нечто незначительное, он ведь может по желанию своему днем лицезреть небо, усталанное красивейшими облаками, и сказочный ночной небосвод, усеянный мириадами мерцающих звезд, но для заключенного кусочек неба - это все.

Поглядишь в окошко - и видишь, как оно меняется с каждым мгновением. Свет небесный сильнее и ласковее электричества, кусочек неба подсказывает - ясно на дворе или пасмурно. Или гром гремит, земля трясется? В детстве-то ты боялся грозы, а здесь, в камере, этот рокот-громыханье прямо праздник для души. Сверкнет молния, и грохот не заставит себя ждать, взорвется гранатой возле самого уха, и в мгновение ока теряется где-то в дальней дали, за чертой земного бытия...

Не будь кусочка неба в тюремном окошке, заглох бы для узника этот мир, и еще более невыносимым стало существование, не поддающееся словесному описанию.

И еще одна крохотная вещица помогает выжить - наручные часы. Благословен будь с семьей своей тот, кто оставил эти часы на руке заключенного. А то, если захотят строжайше наказать преступника («Какое еще преступление перевесит по тяжести измену родине», - с горькой улыбкой подумал Лаврентий), в первую очередь у него должны отобрать часы.

Какая же это драгоценность, наручные часы, когда ты заперт в четырех стенах.

Надежные, тихие и смирные наручные часы тикают и тикают, служа

тебе и только тебе, учат премудрости терпения и преодоления. Взглянешь утром на циферблат - и больше им от тебя ничего и не надо.

Лаврентию известно, что его наручные часы отстают на семь минут в неделю. Поэтому каждую неделю он переставляет стрелки на семь минут вперед. И - порядок.

Он должен беречь эти часы как зеницу ока. А вдруг это крохотное чудо остановится, замолчит, перестанет тикать?

Боже, не допусти этого, иначе Лаврентий помешается.

Вот лежит он сейчас на нарах, и в его власти извлечь любой случай из ларца памяти.

Люди не ценят этого, а ведь самое большое богатство наше - свобода мысли и раздумий. Этой свободе пока ничего не смогли противопоставить, ни запретов учинить, ни связать по рукам и ногам.

Лаврентий уходит в воспоминания, и что может знать «новая инквизиция» о его «контактах с зарубежьем» последнего времени.

«Одна дальняя родственница из Кутаиси, Назико Звиададзе, в позапрошлом году обратилась ко мне за помощью.

«Дядя Лаврентий, окончила я медучилище четыре года назад, но нигде работы не нашла.

Пока не выйду замуж и не обрету надежную пристань, стыдно - такая вымахала, а ходит без дела.

А может, вообще замуж не возьмут, и что ж, так и должна я жить даже без мелочи в кошельке, на платочки-заколки хотя бы...

Знаю, что и у вас в столице с работой туго, вот и подумала я - поеду куда-нибудь за границу, поработаю, чем я хуже других, а выйдет срок - может, и в Кутаиси что-нибудь наладится.

Ты там тьму людей знаешь, может, поможешь».

Порыскал я, порасспрашивал, и свели меня ребята из государственной канцелярии с фрау Бертой.

Это была пожилая, высокая, седая дама.

Она работала в канцелярии во времена главы администрации Мамрадзе.

Через неделю фрау Берта вызвала меня и сказала:

- Слушай внимательно и передай своей родственнице все в точности, как я тебе разложу:

«Как только приземлишься в Лейпциге, позвонишь по этому телефону и скажешь, что этот номер дала тебе Берта. Сейчас, мол, я в аэропорту и могу прямо приехать к вам.

Они уже будут осведомлены обо всем. Пусть скажет, Берта велела - приехать по данному адресу, там ждут. Покажет бумажку с адресом шоферу такси, он дастив ее по месту назначения.

Теперь что касается твоих обязанностей: это обычная немецкая семья, так сказала фрау Берта. Не считая того, что в этой семье находит-

ся прикованная к постели бабушка. Помимо ухода за ней, в твои обязанности будет входить приготовление обеда, уборка квартиры, вынос мусора. Что касается стирки и глажки, пусть об этом не беспокоится, в две недели раз к ним приходит служащий из прачечной, забирает стирку и через два дня приносит все чистое и выутюженное.

Теперь самое главное. Не надо лишних грузинских закидонов. Знаешь, что я имею в виду под грузинскими штучками-дрючками? Все эти «позвольте вам», да «только после вас», да россыпи извинений, да «к вашим услугам», там это не проходит. Не следует также совать нос не в свои дела и излишне «одомашнивать» свое присутствие, это немцам не по вкусу. На все сказанное отвечать следует «бितте» и делать, что велено. Одно это слово «битте» согдится по всему периметру отношений. Насчет хорошего знания немецкого, пристегни ты его покрепче к юбке и держи язык за зубами. Чем больше хозяева уверятся в твоём дурном немецком, тем сподручнее тебе будет работать.

«Как вы нас, грузин, любите, мне кажется, здесь я среди своих», такие фразы произносят глупые гости из Грузии, не имеющие представления о морально-нравственном кодексе немцев.

В общем, немцы - народ культурный, но сравнительно холодный. Немец более всего любит себя и немножко еще - другого немца, а других - никого. Представителей других наций уважает настолько, насколько хорошо они его обслуживают, не больше и не меньше. На голову немец никого не посадит. Он может держаться на равных, даже по-свойски, но с ним нельзя распускаться. Надо знать свое место и всегда соблюдать дистанцию».

Я слово в слово передал Назико все сказанное Бертой.

Через полтора месяца Назико вернулась. Когда увидел ее в дверях, ноги у меня подкосились.

- Что ты тут потеряла?

- Прогнали меня немцы, дядя Лаврентий.

- Ну-ка, рассказывай подробно, за что, за какие провинности.

- По приезде тепло меня приняли в той немецкой семье. Делала свое дело, старалась услужить как могла. За бабушкой ухаживала и ухаживала, все в доме блестело, пылинки не найдешь. Обед глава семейства привозит на машине сам. Мое дело - разлить его по тарелкам (без первого они не обедают) и вынести в столовую. К началу обеда ждут всех - старших и младших. Грозно поглядывают на часы, если кто-либо из членов семьи опаздывает. Всего их пятеро: бабушка, муж с женой и двое их отпрысков - 25-летний Ганс, назвавшийся электротехником и 21-летняя Клара, немножко «я у мамы дурочка», хохотушка - палец покажи. У старухи с мужем и женой один повод для бесконечных размолвок: бабка требует, чтобы ее перевели в приют для престарелых, а они ни в какую. Говорят, что содержать ее в приюте для

престарелых обойдется им слишком дорого. Во-первых, там ежемесячный взнос надо платить, а во-вторых, навещать ее в две недели раз, а это 21 километр от Лейпцига, не потянем расходы на бензин.

В общем, та еще семейка. Однажды, когда я накрыла на стол и отошла в сторону, фройлейн Клара говорит: «Садись, пообедай с нами». Я не отказалась. Потом и приглашений мне не понадобилось, садилась с ними за стол, и откуда мне знать, что это страшно не нравилось родителям.

Спустя две недели после того, как я поступила к ним на службу, хозяйка фрау Жанна объявляет: завтра у нас званый обед, ждем около пятнадцати гостей, на тебя надеемся, посмотрим, как ты себя покажешь. Придется потрудиться немного больше обычного, но за это завтрашнее беспокойство гонорар будет выплачен отдельно. Я сказала - если вы доверяете мне такое ответственное дело, позвольте приготовить грузинские блюда, только продукты закупите. Спросила - какие продукты? Я составила список - что нужно для сациви, хашламы, курицы чкмерули, хачапури, пхалеули, мчади, гоми, шашлыка. Она прочитала. Посмотрела на меня подозрительно - в своем ли уме эта девочка? Позвала мужа и показала список. Он прочитал и смеется, ладно, говорит, эксперимент так эксперимент. На пороге я их остановила - нужно еще десять бутылок белого вина и десять бутылок красного, а водка и пиво - на ваше усмотрение.

Через час все было выложено передо мной. Засучила я рукава и приступила к делу. Чего там рассказывать, сам знаешь, сколько надо с этой готовкой промучиться. Всю ночь глаз не сомкнула и на второй день в три часа (гости должны были явиться в четыре) такой стол накрыла - на заглядение. Сама как посмотрю на угощение - гордость распирает. И гранатовыми зернышками не забыла пхали украсить, и салфетки праздничные расставить в салфетницах.

Чего там тянуть - как пришли гости да взглянули на стол - раздались аплодисменты. Фрау Жанна вскинула подбородок: «Это все нашей кавказской помощницы заслуга».

Сели за стол. Сразу ясно - как немцы умеют пировать. Где тамада, какой там порядок застолья - пьют и едят как попало, как кому вздумается. Я обхожу стол, меняю тарелки, вношу горячие блюда, виночерпим тоже я служу. На здоровье, все уминают с аппетитом. Друг другу предлагают: попробуй это, попробуй то. Гвалт-галдеж стоит, друг друга не слушают, то и дело хохочут. Не знаю, что их так веселит. Замечаю - вино им в голову ударило - и женщинам, и мужчинам. А мужчины еще и спяна на меня взгляды похотливые бросают. То один, то другой под юбку залезть норовит, когда я им тарелки меняю, и за ягодицу ущипнуть. Что мне делать, не замазай же оплеуху по этой пухлой красной щеке, так весь труд - насмарку.

Не знаю, какая меня муха потом укусила, нет, не себя я выстав-
лять напоказ вдруг решила, сама не могу объяснить - с чего вдруг так
расхрабрилась. Может, инерция устоев, предками завещанных, может,
зов генов, а может, просто желание появилось просветить их - что та-
кое наше застолье.

Заняла место за столом и взялась, как говорится, командовать па-
радом. Представляешь, только три тоста сказала. Они будто бы про-
трезвели. Тост за Германию и за семьи свои выпили стоя. Чувствую - им
по вкусу пришлось моя самостоятельность, никто не собирается меня
отстранять, я и развернулась на полную катушку - и так, и этак, веду их
от тоста к тосту, пятнадцать человек в узде держу. Потом раскрутила их
на пение хором, они обнялись и - чтоб врагу моему это слышать - такое
грянули - как ослы взревели. Потом я села к роялю и сыграла «Лунную
сонату». Ты ведь знаешь, я в музыкальной школе училась, без нот могу
ее сыграть. Замолчали гости, у многих слезы на глаза навернулись, а
кто-то клевать носом начал. Потом на грузинские песни перешла, кто-
то пытался мне подпевать, но свои же им ладонями рот закрывали - не
мешай, мол, дай послушать.

Незачем мне бахвалиться, такой вечер я им подарила, что проща-
лись со мной, руки целуя и без конца повторяя то «данке шон», то «бит-
те шон».

Гости ушли. Я повернулась к хозяевам, думала, и они кинутся мне
руки целовать, да какое там. Сидят - ножом губ не разожмешь. Повер-
нулись спинами и разошлись по своим комнатам.

Прошлой ночью я не спала - готовила, а эту провела за мытьем по-
суды. Все прибрала, разложила по местам, и глаза смежились сами
собой. Но, не успев еще заснуть, встрепенулась, вспомнив, что надо
проведать бабушку...

На второй день, за завтраком, молчание нарушила фрау Жанна. На
столе лежал конверт, и я думала, что мне решили передать гонорар за
вчерашний банкет в торжественной обстановке.

Какой гонорар, что за гонорар...

«Вчера вы, - говорит фрау Жанна, - превысили свои полномочия. По
каким пунктам и каким образом, мы с мужем не сочли необходимым
вам разъяснять. Своей непомерной дерзостью вы нанесли оскорбле-
ние в первую очередь нам, затем нашим гостям. Поскольку у нас нет
никакого желания заниматься вашим воспитанием, вот ваше жалова-
нье за две недели, и с сегодняшнего дня вы уволены».

Что могла я на это сказать? Взяла свои в поте лица заработанные
денежки и отправилась восвояси.

Я просто застыл.

Ничего не смог сказать я Назико.

Собрала она пожитки и уехала в Кутаиси. Попробую, говорит, там

что-нибудь найти, и отныне ни в какие заграницы на работу я не поеду.

Теперь я думаю, может, мой тогдашний разговор с фрау Бертой стал одной из причин моего задержания.

Может, ребята из службы осведомления донесли?

Не знаю, греха на душу брать не буду.

Еще одна история вспоминается о моих связях с заграницей и иностранцами.

Поедет дурень-недоросль в Европу. Кто знает, чем он там занимается. Привезет через пять лет диплом какого-нибудь колледжа, и не поймешь - что он там изучал, какой овладел профессией. А сам ходит надутый, как индюк, а как же, в Европе получил образование, будьте любезны считаться с моим мнением, и вообще пора, чтобы все перешли на европейский жизненный уклад.

А что это за правила европейской жизни, спросишь его. Отвечает - демократия.

А как и в чем соблюдать эту твою демократию, спросишь. Во всем. Например? Например, в питании. Ой, тюфяк, да на что же она, демократия, во время хорошего обеда? Это ты так думаешь, что не нужна, а без демократии в Европе и куска не проглотить, в горло не полезет.

Пока я сам не убедился в обратном, думал, что это правда.

Знаешь ведь, сейчас в моде семейные визиты. Находишь кого-нибудь по своим интересам, завяжешь беседу - обмен мессиджами. Потом скажешь, что хочешь посетить его страну для обмена опытом, и если он не против, обменяемся приглашениями, я к тебе в гости приеду, ты - ко мне. Обычно семьдесят из ста не отказываются от такого обмена приглашениями. Народ катается, вот и подумалось, поеду-ка и я куда-нибудь. Закомпьютерился с фотографом из Бирмингема Джеймсом Хастингсом, вступил в электронную переписку с добропорядочным англичанином.

Расскажу, расскажу о демократии в питании, не забыть бы. Другие демократии оставим на этот раз в покое.

Долго тянуть не буду, вот я в Бирмингеме. Джеймс Хастинг приглашает меня в английский ресторан «Альбион». Этот ресторан считается в Европе эталоном английского столового этикета, где готовят лучшие блюда национальной кухни.

Я весь наэлектризован. Второй день хожу по Бирмингему с широко распахнутыми глазами. Ну-ка, думаю, что бы такое приметить в их жизненном уставе, что бы и нам, разогнавшимся в Европу грузинам, пригодилось бы освоить.

Сели мы за столик. Я и Джеймс, больше никого. Джеймс берет большую белую накрахмаленную матерчатую «салфетку» и набрасывает на грудь. Я тоже беру полагаемую мне «салфетку» и накрываю на шею. Знаю, что шея у меня потеет за сытным обедом, и поэтому пере-

страховываюсь. Официант приносит другую «салфетку». Ее я стелю себе на колени. Охваченный ужасом, официант убегает и приносит мне третью салфетку. Я смеаю и, беря пример с Джеймса, запикиваю ее одним концом за воротник сорочки, а другой приспособляю на грудь.

Официант успокаивается и исчезает в ресторанных кулисах.

Вскоре появляется другой официант и раскладывает передо мной и Джеймсом примерно двадцать семь тарелок и тридцать шесть пар столовых приборов различных размеров.

Когда и этот официант удалился, появился третий. С бабочками на шее, все трое официантов - один другого вышколеннее, выраженные в черные смокинги, ни дать ни взять - дипломаты на приеме.

Третий официант оглядел наш столик. Наверное, подумал - ооо! - позор на мою голову - уморим мы этих людей голодом, и сделал движение рукой в сторону бархатистых кулис.

Мгновение - и пятеро улыбчивых официантов направились к нам. Один на серебряном блюде несет что-то испускающее пар, другой - бутылку, обернутую полотенцем, третий - тоже на блюде - шесть кусочков черного и белого хлеба, четвертый - ромштекс или бифштекс, нечто, напоминающее котлету советского времени, обложенную гарниром всех цветов радуги, а отличить ромштекс от бифштекса я и теперь не возьмусь. А пятый на огромной, как стадион, тарелке, несет сырное ассорти с улыбкой доброго имеретинского хозяина.

Вот расставили они все это, мил-человек, и удалились медленно, гуськом. Но не все. Остались двое, с бутылкой вина и без бутылки.

Помню, что начинать надо с первого блюда. Сунул ложку, попробовал - обалденный бульон. Но горячий - дальше некуда. Губы обожгло. Я подумал - выжду чуточку, пусть остынет, а пока возьмусь за второе. Отодвинул в сторону глубокую тарелку с бульоном и придвинул к себе ромштекс (или бифштекс, какая разница!), из семи гарниров выбрал самый родной и знакомый - жареную картошку, ткнул вилкой, и только поднес ко рту кусочек - слышу шелест шагов. Огляделся - официант решительно уносит мой бульон в кулисы.

Сердце у меня захолонуло, да что поделаешь - не догонять же его, не отнимать тарелку.

Джеймс:

- Наверно, вам бульон не по вкусу, не заказать ли что-нибудь другое?

- Нет, нет, ничего... Я очень люблю бульон, но он был слишком горячим, - простодушно объяснил я.

Джеймс решил, что это шутка, и рассмеялся.

Приподнимаю наполненный красным вином хрустальный бокал на «журавлиной» ножке.

Выдерживаю паузу - наверное, хозяин скажет первый тост.

Джеймс выжидающе улыбается.

- Давай за нашу встречу выпьем, - говорю я, со звоном чокаюсь и выпиваю.

Джеймс, ни слова не говоря, залпом осушает бокал.

Официант с бутылкой вина наготове, ни секунды не медля (четырежды мастерски обведя ее вокруг собственной оси), наполняет наши бокалы сладчайшим, ароматом напоминающим «Изабеллу», вином.

- Ну, а теперь за Англию и Грузию - в паре, одним тостом, - говорю я.

Джеймс и на этот раз ничего не отвечает. Но выпивает.

Между тем скольжу я по столу взглядом и нигде не замечаю моего ромштекса, то ли бифштекса.

Успеваю только лишь узреть мелькнувшие ласточкиным хвостом фалды фрака исчезающего официанта.

Официанту, блюстителю правил европейского столового этикета, подумалось, что гость решил прервать отношения со вторым блюдом после двух кусочков жареного картофеля, и он с быстротой молнии унес у меня из-под носа этот самый ромштекс-бифштекс.

Что поделать, остался я с кусочками хлеба - как папиросная бумага, да с одним сырым ассорти.

Не солоно хлебавши, как говорится.

Говорю короткие тосты и налегаю на вино. Официант-виночерпий, не буду грешить на него, наполняет и наполняет бокалы до краев.

Я с опаской посматриваю на бутылку в его руках.

Пару раз еще подлить, может, осталось.

Говорю ему - поставь эту бутылку на стол, я сам наливать буду. Еле-еле растолковал ему эту просьбу на своем ломаном английском.

- Как можно... - он застенчиво улыбается.

- Да что тут такого, дружище, сорок лет уж как я вино по стаканам разливаю.

- Вы официант? - заинтересовался он.

- Я грузин, - отвечаю.

Он, конечно, не понял, о чем речь, но на всякий случай кивнул головой.

А теперь вернемся в Грузию, в эту отсталую в сравнении с Европой Грузию.

Через четыре месяца я, разумеется, пригласил Джеймса Хастинга с ответным визитом.

Стол накрыл у себя дома, по старинке, по всем правилам дедевопрадедов. Само собою, Майя заправляла готовкой и угощением.

Не рухнет мир, не думаю, что меня отдадут под Гаагский трибунал за такое преступление, как различные блюда и различные напитки на званом обеде. И пусть гость угощается теми кушаньями, которые ему понравятся, зачем превращать застолье в ребус-головоломку?

Но, как человек, побывавший за обедом по-европейски, памятуя об изяществе его этикета, поручил Майе: как заметишь, что гость им же выбранное блюдо не ест, забери его и замени чистой тарелкой.

В разгаре пиршество.

Мой гость доволен, он просто в восторге. Тамада как глава застолья и тосты тоже ему очень по нраву пришлись. Слушает застольную речь и пьет в свое удовольствие.

Кладет он себе на тарелку жареную форель, пробует, видно, слишком горячей ему показалась, пододвигает к себе эларджи, наверно, думая, - или вместе съем их, или сначала эларджи заправлюсь, а затем форелью.

Тут я делаю знак Майе, она подкрадывается к Джеймсу слева и грациозным обманным движением выхватывает сначала тарелку с форелью, а затем лишает моего английского гостя и вождя эларджи.

- Ноу! Ноу! Плиз! Бринг хие, итс бьютифл! - кричит Джеймс Хастинг, вскакивает и бросается в погоню за Майей.

Майя поначалу смотрит на меня, но умоляющий взгляд Джеймса убеждает ее, что лишить гостя эларджи и форели было бы поступком воистину безбожным.

Вот так устав грузинского застолья в пух и прах разнес железный европейский этикет приема пищи.

Часто рассказывал я эту историю - и на работе, и в дружеском кругу.

Однажды расхрабрился настолько, что даже президенту расписал ее в деталях.

Он долго смеялся.

Потом вдруг смех как обрезало, он вскочил и выбежал.

Вообще-то ему такое свойственно, и тогда я не придал его поступку значения.

А может, он заронил это в сердце?

Может, визит в Бирмингем и губил меня?

- Микава!

Надзиратели ежедневно сменяются.

Это кто-то новенький.

Всех надзирателей уже по голосам узнаю.

- Слушаю!

Звякнули ключи, заскрежетал засов.

В дверях стоял наголо остриженный, с впавшими челюстями, склонный к худобе, на вид симпатичный заключенный, среднего роста, лет примерно сорока, с соколиным взглядом и длинными руками. В руках

он держал свернутые в мутаку одеяло с постельным бельем и еще небольшой узелок.

- Микава, знакомься и принимай. Будет кому хотя бы голос подать. Это Шота. Шота... Как твоя фамилия, парень?

- Намчевадзе.

- Да... Намчевадзе. Наш Лаврентий - золото, а не человек. Думаю, вы друг с другом уживетесь.

- А чего нам делить, - отозвался Лаврентий.

Новоприбывший разложил на свободных нарах свои пожитки, уселся и уставился на сокамерника.

- Ты где-нибудь видел такое? За две недели по четырем камерам меня погоняли. И меньше пяти человек ни в одной не было. Восемь дней осталось мне до суда, а там или навесят срок, или отпустят. Если упекут за решетку, хоть передохну. А ты?

- А меня недавно взяли. И десяти дней еще не прошло.

Лаврентий знал, что у новенького нельзя спрашивать - за что его взяли под стражу, если сам он не говорит. По понятиям, это считается нетактичным.

- Чего им от меня нужно, не пойму. Я разве похож на голубочка, который наседке все слово в слово выложит? Подлезает один ко мне позавчера - я, мол, скоро на волю выйду, письма не возьму, а вот если что надо в семью передать, скажи, я запомню, на словах доложу. Ничего секретного, справься только, как там соседи проживают, говорю. Он на меня посмотрел немного растерянно. Потом спросил, не припрятал ли я где деньги или золотишко. Я усмехнулся. Сказал - если б даже припрятал, кто на свете мне ближе тебя, чтоб душу перед ним распахнуть? Давай, дядя, до свидания, со мной ты все выяснил. Новенький отвалил и больше не заговаривал.

Лаврентий тоже помалкивал. Здесь два варианта, думал он, или он сам наседка, или думает, что наседка - я, и перестраховывается.

Из зарешеченного окна брызнула пара капель, и Лаврентий понял, что пошел дождик.

Будь это возможно, жизнь бы отдал сейчас, лишь бы протянуть руку под дождь.

Некоторое время они молчали.

Шота покашливал да поглядывал на Лаврентия.

Лаврентий понял, что его сокамерник любит молоть языком, и, словно удочку, забросил вопрос.

- Ты меня прости, но чем занимаешься в жизни, какому ремеслу обучен?

Шота только этого и ждал. И как начнет, как начнет...

- Ремесло мое - дела (я уж трижды судим), а конкретно я: опасный преступник, аферист, прощелыга, насильник и т.д. Я тебя не испугал,

уважаемый Лаврентий, все как на духу говорю, а ты уж суди меня сам. А почему говорю? Потому что мы с тобой вдвоем в этой камере. Расскажу сначала о честных годах, до тридцати.

Когда спрашивали - чем ты занимаешься, стыдом умывался. Ну как тридцатилетнему бугаю отвечать, что ничем? Что делать, куда от отца глаза прятать? Пристали с ножом к горлу: женись да женись. Жену привести и вместе с ней на голову сесть моим несчастным родителям?

Я не бездарь, и недотепой тоже не назовешь меня, уважаемый Лаврентий. Да и неучем тем более, как-никак два высших образования имею. Сначала агрономический факультет в университете, а потом английское отделение иняза. Так и лежат у меня оба этих диплома, и ни разу нигде не понадобились.

Рассказываю тебе свою историю, уважаемый Лаврентий, а ты уж сам решай - где я оступился, чего не учел. Может, в чем-то и моя вина, сам я не врубаюсь. Что я за белая ворона такая, что и места мне не найдется на этом свете.

В ваше время ведь как было? Закончишь университет - отправляю на работу по распределению, если по распределению ехать отказываешься, значит, работы чурается, тут и вляпаешься в историю: отдельно райком, отдельно обком, отдельно ректорат-деканат того вуза, который закончил. Государство на тебя столько потратило, образование дало, так что будь любезен, послужи-ка на благо общества.

А теперь? Кому ты нужен, кто тобой интересуется? Поверишь ли ты, уважаемый Лаврентий, что я, Шота Намчевадзе, человек с двумя высшими образованиями, вообще не существую в этом мире. И никто меня не ждет, кроме родителей. И никто не зовет, и никто не ищет. И никому я не нужен. Ну почему так устроено, объясни мне, Бога ради, неужели я провинился в том, что появился на свет?

Долго искал я работу. Глухо. У должностных лиц всегда наготове ответ, как гранату из-за пазухи они бросают, когда бы к ним не обратился: «Всей душой помочь тебе хочу, мой такой-то, такой-то, но свободного места (его вакансией называют) на данный момент у меня нет. Если сам что присмотришь, тут же дай знать, а дальше мое дело». Вот и ходили мы с отцом по кругу, да кто же тебе свободное место на блюдечке выложит? А если кто ворчит - не понимает, а то и уйти задумает, так на его место уже десяток глаз нацелено. Сегодня на одного кандидата в пенсионеры полсотни дипломированных молодых приходится. На чьем-то дне рождения познакомился я с Бадри Шарашидзе, знаешь ли, господин Бадри - порядочнейший человек, когда узнал о моих делах, огорчился, между прочим, сказал, что его вот-вот должны перевести на министерскую должность, и если это дело выгорит, даю, мол, слово, что возьму тебя к себе - как это, молодой, талантливый парень, кровь с молоком, и ходит без работы. Все устроилось к лучшему, назначи-

ли Бадри министром, и через неделю он меня устроил руководителем пресс-центра.

Работа в пресс-центре мне не была в тягость. Старался как мог, усилый не жалел, чтобы наше министерство выглядело в лучшем свете, но... человек предполагает, а Бог располагает, дело известное. Новый парламент не утвердил только этого моего министра. Потому что он не был ни сотрапезником «реформаторов», ни игроком их команды. Ново-назначенный министр на третий день вызвал меня - не обижайся, говорит, но мне нужен другой пресс-центр. Перечить не было смысла. Приказ о моем (и всего пресс-центра) увольнении лежал у него на столе.

Ушел я из министерства и начал искать другую работу. Опять глухо. Я не чванлив, на престижное кресло у меня нет претензий, любая работа сгодится, была бы только зарплата такая, чтобы отцу хоть немного помочь содержать семью. В газетах объявления, видел ведь: требуются владеющие компьютером и иностранным языком(ами) сотрудники с высшим образованием. Это же мое дело, думаю, сердце от радости замирает, и тут же холодный душ на голову - желательны миловидные девушки до тридцати лет. В чем тут суть - ясный перец. Красивым длинноногим девочкам везде у нас дорога. А куда деваться мне, мужчине, который с одной из этих «миловидных» должен создать семью и вырастить детей? Об этом кто-нибудь думает? Никто. Никто, уважаемый Лаврентий, и, как я понимаю, мы этой стране не нужны.

Раз на государственной службе мне ничего не светило, переключиться пришлось на частный сектор. Тысячи фирм, тысячи коммерческих учреждений, пристроюсь куда-нибудь и начну мытарствовать, как другие мытарствуют.

Покрутился-повертелся и встретил одного дальнего знакомого, у него был бизнес, с миндальным орехом связан. Худо-бедно, шло у него дело. Выручай, говорю, пристрой меня к своему делу, я тебя не подведу, а главное, не предам. С детства знает он меня как облупленного. О чем речь, говорит, сыну твоего отца я не то чтобы бизнес - жизнь доверю. Но одно запомни: деньги дарить не буду, а если даже предложу на халяву, самолюбивый человек к ним не притронется. Не выношу бездельников, ищущих спонсоров. Обучу тебя, как вести дело, дам в управление маленькую фирму, а потом уж судьба твоя от сноровки твоей же зависит. Не так уж это трудно, чтобы не справиться, в нашем деле главное усердие и риск. Обещания свои исполняй добросовестно. Пристроил он меня к делу - в цех по пошиву-продаже шерстяных матрасов. По шерсти многие тогда работали, но я проявил прыть и через три месяца сам взял в руки дело. Поднялась возня и толки. А я и не знал, что без меня меня душили. Сначала разнюхали - чье это предприятие, кто за ним стоит, кто его крышует, а когда в колоде моей никто и тени туза не обнаружил, ой, это ж бесхозный доброволец, тут и

начали бомбежку. Натиск полицейских, таможенников и налоговиков еще можно было выдержать, лечь костыми, остановить, да вот беда - и сверху принялись громить-заклеивать одну эту мою несчастную фирму. Ты что, с Луны свалился? Не знаешь, кто в Грузии контролирует шерстяной бизнес? Куда лезешь, с чьего рынка доли захотел, у тебя что, две головы?

Думал скрыться от их дурного глаза, наладил дело совместно с одной турецкой фирмой. Эта фирма - «Бахча» - сама вышла на связь со мной. Туда мы шерсть возили, а оттуда - нитки шерстяные. Провернули одну операцию с той «Бахчой», во время второй они взяли пятьсот матрасов, сказали перечислить авансом пять тысяч долларов за шерстяные нитки - и пропали без вести. Спустя месяц после оговоренного срока я взялся за поиски этой «Бахчи», да куда там! - испарилась, поминай как звали. «Это ведь не «Самсунг», фирмы с указанным вами названием во всей Турции нет», - так мне официально ответили из турецкой полиции. Я разорился и ликвидировал шерстяную фирму. Долги от «катал» до сих пор на мне висят.

И тут ни черта не выходит. Чтобы дело начать, как ты знаешь, большие подъемные нужны. Захочешь ссуду взять, так семь кругов ада пройдешь, пока ее получишь, а потом изволь банку тридцать процентов выложить, а потом еще такие пени накрутят, что и шкуру живьем спустят. Ребята дома позакладывали, а как бизнес не заладился, продали их дома. Что мне теперь делать, если с пустыми руками останусь, не лишать же родителей крыши над головой...

Нет на земле страны, подобной Грузии. Если ты не там, наверху, не в их семейном, дружеском кругу, не жди себе хорошей жизни. Топадзе, пивному королю, чего бояться, а ты ведь перед Топадзе что индюшонок, так что берегись... Все они контролируют, на все лапу накладывают. Если бы так же четко, как денежная дележка, работал в стране закон... Ведь вокруг каждой будки дорожной полиции по тыще оглоедов понатыкано.

Уехал бы я за границу, как и все, да вот на кого моих стариков оставить, а потом, если возвращаться, то опять все с нуля начинать? Да и без этого всего, не соти за высокопарные слова, может ведь человеку хотеться хорошо жить в собственной стране, родине послужить своими способностями, трудом. Что-о? Челуху несу, говоришь?! А ведь может быть подобный дурень и в этой стране?!

Одним словом, за что боролся, на то и напоролся, вот такое мое ремесло, уважаемый Лаврентий.

Время шло, а я все небо коптил, тюфяк великовозрастный.

Наложил бы на себя руки, да ведь никто же не поймет...

Или поймут, да не так, как я то задумывал.

Свихнулся, скажут, вот и с катушек слетел. Недаром же в послед-

нее время ходил туча тучей.

А я не свихнулся, дядя Лаврентий, Бог тому свидетель.

Как исполнилось мне тридцать, как уяснил, что никакого добра не нашол на свою пробуксовавшую задницу, поднял я ее, пошел и женился, думал, может, хоть семейная жизнь подойдет мне. Привел в дом ту, которую любил, а в смысле экономики она оказалась пронирыливой меня.

Ну и влип, подумал я и отправился к вору в законе Шермадину Баркалаю, уже пожилому человеку, жил он в конце нашей улицы. Дядя Шермадин, воровать и разбойничать не могу, а на все остальное пойду, совсем худо мне, может, подскажешь дорожку, как эти деньги найти, чтоб хоть детишек на свет произвести да голодом их не морить.

И ВОТ ЧТО СКАЗАЛ МНЕ ШЕРМАДИН БАРКАЛАЯ:

«Не стыдно тебе, Шота? Меня спроси - разбогатеть сейчас легче, чем когда-либо. Вот я тебе перечислю несколько наилучших способов раздобыть денюжат, ты и сам поймешь: стоит только пальцем пошевелить - и все. Головой даже думать не надо. Начну я с самого легкого пути, а потом все позаковыристей. А ты выбирай, какой понравится, и приступай к делу. Сколькие приходили ко мне уже через месяц после консультации, сколькие благословляли, пусть столько будет радости всему моему роду.

Первое: найти пустую коробку будет нетрудно. Прибей к ней крышку, вырежь щель, куда деньги бросать, напиши крупными буквами: «Помогите детям-сиротам» и стань с этим ящиком на какой-нибудь многолюдной улице. Лучше у остановки троллейбуса или в метро, на выходе к эскалатору. Знаешь, почему там, поблизости? Во-первых, кому-нибудь, у кого сердце болит за детей-сирот, может, деньги разменять понадобится. А во-вторых, бывает, пройдет и такой, кому сироты до лампочки, так он глазами зыркнет туда-сюда, и если ты, представитель общества попечительства над сиротами, ничего не заметишь - умыкнет твой ящик для пожертвований, чтобы использовать его в своих мелких, совершенно бесполезных для общества, интересах.

К вечеру отнеси ящик домой, вознеси всем жалостникам детей-сирот благодарность в сердце своем, а утром носи снова пустым. Лучше всего почаще менять место, так, на всякий случай.

Второе: присмотри где-нибудь на обочине улицы полузаброшенный, а еще лучше совсем заброшенный подвал, над дверями (чуть справа) вывеску картонную прибей с надписью: «Гвардия мерзнет, гвардия голодает, ты не помогаешь?!». Поставь в центре подвала стол, рядом, для пущей убедительности, компаньона (предпочтительнее из предста-

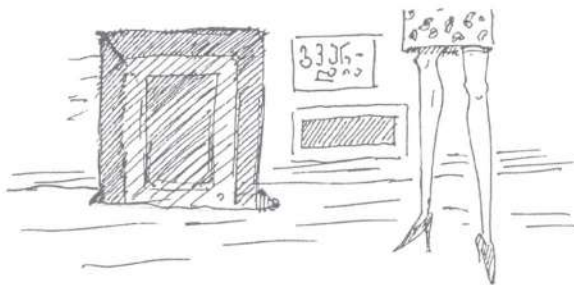
ვითელინაი ლუხეი ჰოლოვინაი ჩოლოვჩეხვა) პრისტოი, ი ნე ზაბუდ ჯურნალ რეგისტრაცი ჯავესტი. რაზ ვ დვა დნა ნადო ბუდე ჯაპირაჲე ჰოღვალ ი უნოსი ჰოჯერტოვანია დოჲოი. ნასჩეტ გვარდიი ნე ბესპოკოიხა, უ გვარდიი ესე ი ᰇოლუჩხე თება ᰇოკროვითელი.

ტრეჲე: უ ᰇერვოი ვ ᰇოროი სპოსობა, თი ი სამ ჯამეტილ, ესე ᰇრეღენენი ნეუდობხვა, ნაჩნე ს თოი, ჩო დეჲამ-სიროტამ ნეკოტორე ᰇოჲოგაჲოთ კუპონამი, ი ᰇრეღვალეჲე, კაოოე ეთო - ᰇნარუჲეტი ვ კოპილკე ᰇეტიკუპონოვოი, ა ᰇინოღა ი, ჩო ესე ᰇიბდნეე, ᰇნოკუპონოვოი ბუჲაჲკე. სჩიტაჲე ᰇელკიე, ა თე ᰇოლე, ᰇესეცენენი დენღე, ნე ᰇნე თება უჩიჲე, დელო სკუჩნოე. ტაჲკე ვ ᰇოჲოეჲე ᰇერჲნუჲიმ გვარდეიჲამ კაოი-ნიბუდჲე ჩუდაკ ᰇოჲეტი ᰇრინესი სოვერშენო ეჲო ნუნუჲე ბოტინკი. ა ესე ი თებე ᰇნი სო ლეტ ნე ნუჲე, ტაკ ნე ᰇრატო ჲე ᰇდავალე - «გვარდეიჲე ეთოი ნე ᰇრიმუტ», დრუღი დოროი ნეტ, ნადო ბრაჲე ი რეგისტრიოვალე ვ ჯურნალე. ტაკ ჩო რაზობრაჲეხა ნა ეთო კონსერვნო-საპოჲნო-ᰇეღეჲნო გვარდეიჲო ᰇრინკე - დელო სოვერშ ნეპროსოე, ᰇოეჲოთო ᰇრეღოჲე თებე ესე ᰇინი, ᰇოლე ჩისოჲე ᰇუჲე: უჲე ᰇოჲანუჲეტი კარტონ ᰇოვერნი ნა დრუღოი სორონი ი ესე ᰇოლე კრუჲნიმი ბუკვამი ნაჲიში: «ჯოლო - თოლკო ვო იმია ᰇსოვოჲენი როღინი!». თი ი თოვი კოჲპანჲონ (ნა ეთო რაზ ნე თოლკო «ᰇრეღოჩითელნეე», ნო ი ᰇსენეპრეჲენო - ჲენჯინა) დოჲჲე ბუდეტე ᰇოდოჲეტი ᰇეტეჩნეი ᰇი ჲოველირნიე ᰇესე, ᰇსოტრაივალეჲე ი ჲედიტე სვადებნიე კოლეჩეკ, ᰇი სერეჲეკ ს დრუღოცენნიმი კამუჲკამი ვო იმია ᰇსოვოჲენი როღინი. ი - ნე თერჯაიჲეხე ᰇრეღენიამი სოვესოტი, ჩო ნესოტ ᰇამ სოე დობრო ნიჲეი ᰇი ბეღნიაკი. ჯოლო დოჲჲე ბუჲე ᰇბაჲტელნო ᰇვჲეშენო, დრუღოცენნი კამნი ჲაჲისანი ვ თოჩნოტი ტაკ, კაკ იხ ნაჲოვალე ჲერტოვალე. ᰇოჲნითე, ს ბლუღოტოვრიტელამი ნე სპოტა. ნეკოტორე ᰇოლაგოჲო, ჩო ჲერტოვემი კამენი დოროჲე, ჩემ ნა ᰇამო დეღე,

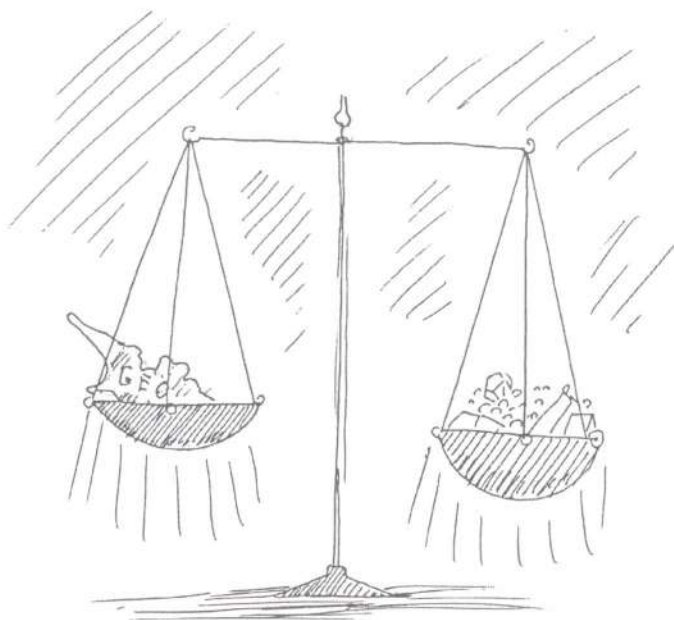
ну и что с того, в конце концов, вы ведь не на продажу принимаете, а в деле освобождения отечества и большому, и малому сокровищу найдется свое место. А чтобы рассеять сомнения, попросите пожилого жертвователя расписаться в двух местах и на прощание выразите ему благодарность от имени властей с заверениями, что будущие поколения не забудут его вклада. Ежевечерне под предлогом «здесь опасно оставлять» уносите домой ваше золото-серебро - и пользуйтесь на здоровье. Национальное движение? За него не переживай, оно в Грузии в ближайшие двести лет не возродится.

Четвертое: нет сейчас ничего легче, чем учредить банк. Вот и ты открой банк под названием: «Ради ваших барышей». Регистрировать его не обязательно. Во-первых, налоги пропишут, а во-вторых, вдруг дело застопорится. В газеты дай объявления (хорошо бы и на улицах расклеить): «Банк «Ради ваших барышей» - единственный в мире банк, который заботится только о прибылях вкладчиков». В смысле - самому банку от вас ни копейки не надо. Внесите сумму, какая вас устроит - мы ее надежно сохраним, а в течение двух лет еще и учетверим (без учета инфляции), и вернем, мол. В общем, считай себе денежки. Все, что нужно - выписать квитанцию. Так квитки в канцелярских магазинах

дешево стоят. Квитанция - не самоцель, но все же выписать не мешает, а распишись неразборчиво, как курица лапой царапает. И не нервничай, люди пока еще твердо верят бумажкам. Ты скажешь, на подобном деле недавно погорели другие. Соглашусь, но этих «банкиров» погубила нетерпеливость. Обещали клиентам в три месяца утроить их вложения. Три месяца - короткий срок, а ты своим простодушным вкладчикам не обещай учетверения меньше чем за год. За два года, может, Бог милует, и эти власти останутся, и следователи не возьмутся за размножившиеся, как грибы, дела обманутых «пингвинов».

Пятое: вижу, ты - парень не рискованный, страх промелькнул в твоих глазах, мол, а пройдет ли мне это даром? Нарисовалось на твоей

милой физиономии... И поэтому укажу тебе пятой и шестой, абсолютно безобидные пути. Для поддержки духа молодых вдов, незамужних женщин, а также закоренелых холостяков, открой клуб под названием «Только знакомства». Учти, что старые девы больше всего на свете страшатся создания семьи. Поэтому в рекламных листовках ясно пропиши: наш клуб, в отличие от других подобных клубов, знакомя лиц противоположного пола, вовсе не обязывает ни одну из сторон увенчивать свои отношения браком. К вашему клубу «Только знакомство» привалит много желающих. Ты с директором и по совместительству главным администратором просто ногу на ногу заложите, опытной свахе поручите повышать цены на входные билеты, а в качестве рекомендации (не стесняйся) предложи клиентам мужского пола, желательно, мол, захватить с собой нужные для знакомства алкогольные (в виде исключения можно и безалкогольные) напитки. Предупреждаю, клиентов до шестнадцати лет в клуб не пускать. Старше шестнадцати в возрасте не ограничивать. Кроме того, для гвардейцев вход сделай бесплатным, это тебе зачтется как благотворительность. И вообще, как заметишь че-

ловека в форме, разговаривай с ним благоговейно, может, он из «Мхедриони» или из гвардии, или, на худой конец, полицейский. Военную форму носят ведь иногда и подлинные представители вышеозначенных служб.

Больше тебе опасностей ждать неоткуда. Загоняй билеты и трать свои праведные деньги, никто не попрекнет.

Шестое: из всех этих методов обогащения самый безопасный - шестой. Надо стать врачом-экстрасенсом. Узнай у настоящего врача перечень наиболее распространенных болезней. К этим болезням, по своей инициативе, добавь онкологию, и брось клич: исцеляю все болезни, кроме СПИДа. СПИД на себя не бери. По этой линии пациентов все равно не дождешься. Больные СПИДом по врачам не ходят. Если много пациентов соберется, сокращай сеанс до минимума, а потом переходи на психотерапию. Арендуй большой зал и проводи сеансы в молчании. В безмолвующем зале (тем более когда жарко) больше половины народа и без твоей помощи заснет, а по пробуждении всякий чувствует себя бодрее. Вот тебе и психотерапия. Освой экстрасенсорик в общих чертах. Между тремя этими направлениями (биотоки, психотерапия, экстрасенсорика) разница, по большому счету, неощутимая. Если почувствуешь, что пациентам начинает надоедать, переходи на дистанционное лечение. К сожалению, сеансы теле и радио-терапии попали под запрет. Но осталось две формы дистанционного лечения: по почте и по фотографиям. Дай объявление в газету: сообщите в письме о вашем заболевании, а также разборчиво - имена тех членов семьи, которые нуждаются в лечении. Гонорар вышлите по окончании курса лечения, но покорнейше прошу, для того, чтобы выздоровление пошло успешнее, в одном письме должно быть не более пяти имен пациентов. Это называется лечение по почте. Фотолечение - его улучшенная форма, к тому же дает больше гарантий. В конверт, помимо имени пациента, закладывается его фотография, размер значения не имеет.

Эта форма также способствует процветанию, мой дорогой Шота, только одно маленькое замечание: не надо гаданий на кофейной гуще и пророчеств-разглагольствований. Не ищи дешевой славы чревовещателя: «Такого-то и такого-то я уже долго не вижу в Гудауте, он мертв уже полтора месяца, а тело хранят в холодильнике московского морга»... Знаешь ведь, у телевидения ястребиное око. Засекут его где-нибудь в злачном месте, бодрячком таким краснобаем, из холодильника извлеченного твоего героя, позора потом не отмыть. К чему тебе головная боль. Золотое ремесло имеешь. В конце концов ты - уникальный психотерапевт, врачеватель биотоками и неподрожжаемый экстрасенс.

А если богатая, привольная жизнь встанет поперек горла и сердце твое устремится в правительство, как это свойственно грузинам, еще и тайну тебе одну открою: выпиши фамилии десяти-двенадцати друзей-

родственников. Скажи им, что создается новая партия, регистрируй ее. Потом первых пятерых (из списка двенадцати) выдвинь кандидатами в депутаты. Ты, разумеется, пойдешь под первым номером. И, разумеется, на депутатский мандат голосов вы не наберете, но по методу компенсации (не губить же на корню новую партию!), ты и следующий за тобой второй номер наверняка станете депутатами.

А дальше - айда, позаботься о себе. Вообще-то этот последний путь я приберегал для себя, но ты с таким огоньком в глазах меня слушаешь, что утаить не могу - открылся вот. А теперь, поскольку я тебя довел уже до депутатства, дам еще один совет - на заседаниях парламентских особо не активничай.

Чем меньше будешь говорить, тем меньше глупостей нагородишь».

Как могли не запасть на ум шесть вразумлений Шермадина, рассылался я в благодарностях. Но по сей день ни одним из них не воспользовался. Показалось, что, как начинающий пройдоха, я по рангу много ниже тех, кому полагалось срубить бабки по рецепту Шермадина.

А вообще-то другого пути не оставляло наше с ног на голову перевернутое бытие.

Видит Бог, не жалел я усилий, чтобы в этой абсурдной ситуации найти свое место. «За что боролись, на то и напоролись».

Может, классические формулы Шермадина и пригодятся кому-нибудь наблюдательному, знающему человеку, может, найдет он в жизни свою дорогу и пристань?

В конце концов, не век же шагать мне этой накатанной жульнической тропинкой.

Шермадин преподал мне одну истину - раз и навсегда: легче обмануть народ, безликую массу, чем одного-единственного человека.

Короче, сию я и ломаю голову: направо пойдешь, налево пойдешь... Какую вернуть махинацию?

До шуток ли во всей этой мороке и ворохе советов, да вот только мое хитропопое сознание подсказало отнюдь не безобидную шутку и, чтобы испытать меня или убедить, насколько уверенно исполню я роль общественного брехуна, взялся я раскручивать свою аферу.

Ох, если я сегодня как-нибудь не развлекусь, точно помешаюсь.

У заколоченной билиардной нашел я кусок картона и печатными буквами вывел: «Найдено 100 лари. Потерявшему обращаться на X этаж, квартира 87, или звонить 23-26-83 Намчевадзе». Объявление прикрепил на видном месте мякишем купленного горячего хлеба (тесто как оно есть) и одолел лестницу без намека на отдышку.

Сию и жду.

Не прошло и получаса, как началось.

Первым в лестничном проеме показался бывший наркоман из седьмого подъезда Науридзе. Это я предвидел. День-деньской стоит во

дворе и кровь пьет соседскую: «Монетку на сигаретку не пожалейте»
 Такого шанса этот из рук не упустит.

- Пожалуй, пожалуй, заходи.

- Как поживаете, дядя Шота. Давно собирался заглянуть, дядя Шота. Вы правильно поймите, дядя Шота. Я думал - как он там... Эти сто лари... Тетка мне подарила, дядя Шота. Я сыр шел купить. Кавсадзе-зевский сынок прикурить попросил. Тогда-то и выпали, наверное, дядя Шота, хорошо еще, что вы нашли, здесь ведь такие люди живут, другой бы и вовсе не дал знать. Прочитал я и так обрадовался! 100 лари, не шутка ведь, денежки не маленькие. Не ширяюсь я, дядя Шота. Попиваю, бывает, и весь сказ. Нельзя одновременно пить и колоться, это печень разваливает, дядя Шота.

- Тебя Торнике зовут, кажется?

- Да, дядя Шота, но все меня Лопе называют. Всему Ваке я как Лопе известен.

- Мог ли я такого от тебя ждать, Лопе? Откуда бы мне такой фарт. А даже если нашел бы, стал бы я объявления об этом развешивать?

- Да, но как... это как, дядя Шота?

- Пошутил я, поразвлекся малость.

Он сначала насупился, а потом оскалился, сверкнув желтыми зубами, и расхохотался.

- А я что говорю... И я ведь не поверил. Говорю же... Люди мы... Молоток ты, дядя Шота, схохмил, значит? Ай-яй-яй, людям что, забот своих не хватает... На этом безденежье кто от ста лари откажется... Я нем как могила, а ты смотри, какие люди к тебе обратятся... Говорю же! Говорил же...

Свое последнее «говорю-говорил» Лопе выкрикнул, уже спускаясь на шестой этаж.

Звонок. Интересно, кто будет вторым. Открываю, не глядя. Пенсионер Бондо Мумладзе. Еле дышит. И куда его на десятый этаж занесло... Подвигаю ему стул. Он сел и утер лоб платком салатного цвета, в черную полоску.

- Чему обязан, батано Бондо?

- Постарел я, окаянный, ног под собой не чую. Какой там десятый этаж - на фуникулер я взбегал без остановки. Дважды отдышал я... Ох, состарился. Лестница с небесами связана, чтоб ты знал. В нашем доме какие-то особенно крутые лестницы. К тому же подумал я, порядочный человек Намчевадзе, не поднялся бы к нему аферист какой, не заявил бы: я, мол, потерял, выкладывай, что тут возразишь, пришлось бы отдать. Человек сам не должен себе такого позволять не правда ли?

Бондо Мумладзе, если помните, во времена коммунистов дважды был показан по телевидению в рубрике «Не доверяй», как аферист и вымогатель. Во время приемных экзаменов он «стриг» «овечек»-

родителей - брал «на лапу» за поступление, и если абитуриент срезался, деньги «честно» возвращал, а поступал - так и вам хорошо, и нам. Потом продал приезжему узбеку ковер, расстеленный на лестницах гостиницы «Сакартвело», за что получил три года. Выйдя на волю, взялся за маклерство. В нашем доме он трижды менял квартиры. Сначала продал трехкомнатную и перебрался в две с половиной. Потом сменил эти две с половиной вновь на трехкомнатную (без лоджии), а теперь живет в полупорке, в пятом подъезде. Этаж не помню, врать не стану.

- Так значит, это вы потеряли сто лари, уважаемый Бондо?

- Точно так. К чему божиться перед таким человеком, как вы. Хотя, если желаете, могу поклясться на иконе. Чтобы я-я-я позволил себе вранье?! Позавчера получил пенсию, даже не знаю, где она выскользнула.

Пенсия? Придумал бы что-нибудь другое этот обалдуй. Будто я не знал, что даже самая высокая пенсия не превышает двенадцати лари, а у Бондо больше шести никак не выходило.

- Сколько там было, не вспомните ли?

- Как так сколько?

- Столариевая была или разные купюры?

- Столариевая.

- Столариевая, на которой Шота Руставели портрет?

Он насквозь пронзил меня взглядом. Выработанным аферами коммунистических времен чутьем он уловил на моем лице, что сотенную я не находил.

- Да нет, наменяна была.

- Неужели? Не обижайтесь, что я спрашиваю, это имеет значение, господин Бондо.

- Одна пятидесятилариевая была, вторая двадцатка и десятки, кажется, и пятерки затесались.

Пауза.

- Очень жаль, уважаемый Бондо, но, по-видимому, вам придется продолжить поиски. Очевидно, вы где-то в другом месте их потеряли. Моя находка - пачка двухлариевых. Ни одной другой купюры там не было.

Он поднялся. Осунувшийся, раздосадованный. Но быстро пришел в себя и сказал с фальшивыми интонациями артиста драмкружка Дома культуры:

- О-о, тогда без сомнения, это чужое. У меня не было двухлариевых, лгать не буду, избави меня Бог от чужого. Думаю, я их потерял в парке Ваке. Вчера вечером меня Бабунашвили насилу туда вытащил. Гуляли так, гуляли. На скамье оставил, наверно, в руках держал, думал, чтобы из кармана не вывалилась. Кто тебе сто лари возвратит. Народ отчаялся... Всего хорошего.

- Всего, уважаемый Бондо, спускайтесь поосторожнее.

- Куда ж я денусь, спущусь как-нибудь. Подниматься трудно, а спуститься спущусь, нормально.

- Извини, уважаемый Бондо.

На просьбу извинить ответа не последовало. Медленно, стуча палкой, спускался он по лестнице. Я стоял в открытом дверном проеме и почему-то думал о белом индийском слоне.

После обеда (это слово потеряло материальное значение и выражает только категорию времени) ко мне в гости явилась жительница нашего подъезда, учительница географии Аграфена Вашадзе.

Подозрительно долго вытирала ноги о мокрый половик. А может, мне так показалось. На все, что выглядит застенчивым или смущенным, я смотрю с подозрением.

Аграфена одинокая женщина. В конце седьмой пятилетки у нее был муж, но только три месяца. Через три месяца он сбежал по неизвестным ей по сей день причинам. Тихая, почтенная женщина, на собраниях подъезда неизменно хранит молчание. Плату за лифт не вносит. Я, мол, лифтом не пользуюсь. Вы? «И вы, госпожа Аграфена?»

- Пожалуйста, нет, нет, ничего... Не беспокойтесь... Не снимайте обуви, уважаемая Аграфена... Ну что вы, что вы... У меня и так пол перепачкан.

Разуваться я ее в конце концов отговорил.

Не успев присесть, она уставилась на односпиральную электропечь.

- Годится она, обогревает?

- На эту комнату хватает, еле-еле. О других и не думаю.

- Да, никак не кончится эта зима.

- А впереди еще дни старого стиля. И Сурбсаркис, как называют эти дни армяне.

Понятно, она пришла не для того, чтобы выяснить возможности моего рефлектора.

- Что-то я рассеянная стала в последнее время. Может, холод тому виной. А раньше вся такая мобилизованная была, разве бы что обронила, наоборот, еще и других предостерегала. Эх, будь это хоть мои деньги. На мою голову, в школе начали играть в лотерею. Я думала, в троллейбусе стянули. Как прочитала объявление, вне себя была от радости. За сто лари, что ни говори, меня бы не повесили, но все же каково это - чужие деньги. В былые времена в таких случаях скинулись бы, помогли, а теперь какая там складчина, каждый думает - как бы самому выжить.

Как же мне было избавить госпожу Аграфену от этой неловкой ситуации, как быть?

- Вот только... Вот только... Эта растерянность и сумятица - все пло-

ды времени... Бедственное положение в экономике (философствую), это и вина властей. Когда еще вы были такой одинокой. И вообще, все мы растеряны. Сегодня утром Бондо Мумладзе сто лари посеял. Вам знаком Бондо, он в пятом подъезде проживает?

- Слышала, да, - она обвела комнату взглядом. Щеки побледнели.

- Только что заходил. Минут десять как ушел. За хлебом ходил, хорошо еще, я нашел. Тут же и прикрепил объявление. Ой, сколько Бондо меня благословлял за деньги возвращенные... Сто лари ведь не мелочь.

Аграфена поднялась. Накинула платок на плечи.

- Я подумал, что осторожность все-таки не помешает и подробно расспросил: какого номинала были купюры. Если бы он не ответил с точностью, не отдал бы. И эта подозрительность и недоверчивость - тоже плоды времени, не правда ли, госпожа Аграфена?

- Верно... Я пойду... Всего доброго, - сухо сказала она и шагнула к дверям.

- Вам ничего не нужно, госпожа Аграфена?

- Ничего... Я просто так заглянула... Что насчет электричества слышно, не знаете ли?

- Трансформатор перегорел. Глурджидзе бегают, на днях поменяют.

Когда госпожа Аграфена прикрыла глаза, я устыдился собственной дурацкой шутки. Из-за твоего развлекательного эксперимента у людей на сердце рубцы остаются. Так тебе и надо, уши бы отрезать за такое, корил я себя. Потом надел пальто, спустился вниз по лестнице, сорвал и вышвырнул объявление, висевшее у лифта.

На третий день поднялся ко мне Джгушия, студент-заочник коммерческого института (мало того что коммерческий, да еще и заочный), он живет у Орбелиани на втором этаже, снимает квартиру.

- Как дела, господин Шота, нашелся хозяин этим ста лари?

- Нет, представь себе.

- Я вам вот что скажу, господин Шота. Раз владельца нет сейчас, он и не появится, так что и ждать нет смысла. Вам Бог послал эти деньги, так берите и пользуйтесь, как душе угодно. Я-то причем, но если дадите двадцатку, буду очень благодарен.

Мне стало смешно, хотелось сказать - мой дорогой Джгушия, пошутил я, ни копейки не находил, но он смотрел такими честными глазами, а во взгляде было столько доверия и надежды, что я почувствовал - правду говорить нет смысла. Все равно Джгушия не поверит.

- Бог тебе в помощь. Я и сам думал, но так и не решился...

С этими словами я вышел в залу, где в ящике стола лежали у меня три десятилариевые. Вынул двадцать и протянул Джгушия.

- От собственной шутки в убытке остался, - засмеялся Лаврентий.

- Вот видите, что случилось с людьми, видите, что с ними сделали.

- Кое-что мы сами наклеили себе на голову. Мы - народ импульсивный. Крайности нам свойственны во всем - и в ненависти, и в любви. Что ни говори, если не смотреть на какие-то вещи с юмором, недолго и сердцу лопнуть.

- Ну, раз вы поклонник юмора, послушайте одну шутку моего «безработного периода».

- С удовольствием послушаю.

- Число и месяц позабыл, - начал Шота. - Явилась ко мне домой симпатичная дамочка в майке националов.

Я, говорит, из министерства по занятости. Мы знаем, что у вас два высших образования, знаем также, что с последнего места работы вас вынудили уйти из-за вашей политической позиции. А сейчас наше министерство обещает трудоустроить всех, разделивших вашу судьбу. Покорнейше прошу, не сочтите за труд и позвольте мне записать, где и на какой должности вы желаете начать работать.

Какие пожелания я должен был излагать этой против собственной воли превращенной в обманщицу женщине? Но это свойственное «националам» нахальство настроило меня на юмористическую волну.

- Замечательно, - говорю, - я четыре возможных места облюбовал, и если хоть на одно из них меня назначат, буду премного благодарен.

Она взялась за ручку и застыла во внимании.

Первое: в молодости я прыгал с парашютом, и это дело (прыжки с парашютом) очень мне по душе, так что, может быть, наши власти назначат меня тренером-инструктором парашютной школы.

Второе: всю жизнь мечтал я разводить страусов, и с этой целью прошел специальные курсы в Австралии, но в советскую эпоху, за отсутствием средств, моя мечта так и не развернула крыльев. А сейчас, как мне известно, Саакашвили собирается открывать страусиную ферму, прошу назначить меня туда специалистом по яйцам.

Она спросила, что означает специалист по яйцам.

- Смотрю на яйцо под лучами солнца и безошибочно определяю - оплодотворено оно или нет.

Она все тщательно записывает.

Третье: на почте хочу работать языком.

Она на мгновение замешкалась.

Подняла голову.

- Как, вы, в таком возрасте, будете работать подавальщиком языков?

- Нет, вы меня не так поняли, работа языком на почте - совершенно иное дело. В день четыре часа (на полштата) я буду сидеть на почте с высунутым языком, а сотрудники на нем будут смачивать марки для почтовых отправлений, чтобы легче было наклеивать на конверты.

Четвертое: если для вас будет затруднительно исполнить четыре

первые мои желания, тогда попрошу назначить меня заведующим кулисами оперного театра.

Она спросила, какие обязанности у заведующего кулисами.

Заведовать кулисами, скажу я вам, дело не очень-то и интеллектуальное, зато занимательное.

Заведующий кулисами следит за нормальным ходом спектакля; к примеру, после третьего звонка увлеченных сплетнями балерин (допустим, дают «Лебединое озеро») подгоняет легкими шлепками по ягодицам: «Третий звонок, не опаздывайте, на сцену, на сцену».

Я излагал представительнице министерства по занятости свои служебные пожелания-претензии с лицом суровым, но смешнее всего было, что гостя ни разу не улыбнулась.

Она записала все это, обещала помощь и распрощалась.

Прошло примерно месяца полтора.

Вечерело.

Я крошил из окна голубям краюху сухого хлеба.

Давно уже свыкся я с мыслью, что меня, забытого Богом и людьми, одни лишь голуби не забывают.

Солнце скрывается где-то за Удзо.

- Уважаемый!

В дверях стоит женщина.

- Пожалуйте.

Вошла.

Тут же и узнал я ее - дамочка из министерства по занятости.

- Решилось ваше дело, наконец, просим прощения, что столько времени заставили вас ждать. Сегодня начальник управления наложил резолюцию на ваше прошение.

- Большое спасибо, говорю, уважаемая, в тот день я, по правде говоря, пошутил. Какие мои годы прыгать с парашютом? И похож ли я на человека в бабочке и во фраке, бегающего за кулисами туда-сюда.

Дамочка оторопела. Побледнела. Ниспадавшие на красивые щеки пепельного цвета пряди откинула назад.

- Не губите меня, уважаемый, - еле выговорила она. - Я беженка, с трудом нашла это место. Если вы откажетесь, то и я лишусь работы, а тогда мужу и детям - голодная смерть.

Ну что мне было делать? Вот вляпался, по собственному безрассудству.

А она смотрела на меня с такой надеждой, и столько искренности было в ее голосе, что с горя я до крови раскусил согнутый указательный палец.

Две недели - и только, смог я проработать заведующим кулисами в театре. Более не выдержал.

Лаврентий хохотал до слез.

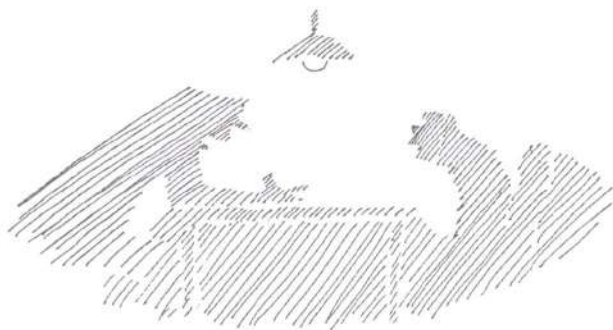
- Дай Бог тебе здоровья, в жизни я столько не смеялся.
 Охватив руками остриженную голову, улыбался и Шота.
 - Утомил я вас, наверно, уважаемый Лаврентий, поспим теперь, а завтра остальное доскажу.

На другой день, в 12 часов, Лаврентия вызвал следователь.

Глядя детально допросил его по адресатам визитных карточек, кто они, что они, при каких обстоятельствах передали свои визитки фото-журналисту. В ответах Лаврентия ничего подозрительного не обнаружил, заверил, что по отдельности навестит коллег.

После обеда Шота Намчевадзе продолжил:

- У меня, уважаемый Лаврентий, тогда и открылся четвертый чертов глаз, когда в Грузии началась приватизация.

Где ж мы были до сих пор.

Зачем отдали 70 лет социализму на съедение.

Приватизация - вот всему голова.

Если раньше автобусы ходили по графику и останавливались «только на остановках», то теперь приватизированные автобусы приезжали по собственному желанию, а если на «остановке» стоял пассажир с лицом не внушающим доверия, так давал по газам, что ни рукой взмахнуть не успеешь, ни увидеть, как тебе помашут.

Раньше заболешь - «Скорую помощь» вызовешь, а теперь она приватизирована и если придет, прямо в дверях оговаривает - поскольку мы приватизированы, будьте любезны, выверните карманы, если денег нет, молитесь за свою душу.

Раньше в вузы поступали те, кто прошел по конкурсу, а теперь для поступления в приватизированные, частные учебные заведения даже

читать-писать уметь совершенно не обязательно.

Раньше в городе магазины были расположены по мере востребованности, теперь магазины приватизированы, и собственники выкладывают на прилавки совсем не то, что тебе нужно. Бывает, друг к другу прилепившись, стоят штук тридцать магазинов, а кто зайдет купить соли, предлагают ему заграничный презерватив, и не спросят, пользуешься ли ты вообще презервативами, а тем более иностранными.

Раньше, если ты работал на фабрике, зарплату получал, как полагаются, а если добропорядочный человек, то и на летний курорт путевку выдадут. К старости - пенсией обеспечат. Кто теперь о курортах и пенсиях мечтает, бывает, полгода проработаешь, а потом комбинацию из трех пальцев получишь, и некуда пожаловаться. Жалобы никто не принимает, точнее говоря, суды приватизированы, и кого им угодно, того и упрячут за решетку. А кому им угодно, будь то солдат, что гвозди в Христа забивал на кресте, в парламент зеленый свет зажгут.

Раньше руководящие лица всюду назначались временно. Если появлялся перспективный руководитель, старого (бесперспективного) снимали, а нового назначали.

Сейчас все в частном владении, а это означает, что учреждение, со своими энергичными сотрудниками (среди которых много желающих продвинуться благодаря своим способностям), навечно обречено быть возглавляемым собственником-директором, а после его смерти - на тоскливые времена правления наследника, пусть даже и полного идиота.

Но то ли еще будет, это только цветочки, ягодки впереди.

Скоро начнется приватизация городов, мэр города за полушку скупит подначальный ему город и, когда ему вздумается, включит освещение, когда вздумается - будет отапливать дома, а встанет не с той ноги - сиди и мерзни.

А там и приватизация целых краев-областей не за горами. Президенты по цене деревни начнут скупать регионы, пожелают - присоединят к России, а пожелают - продадут на стамбульском базаре.

Дальше по этой дороге - приватизация Грузии. И что тогда будет - об этом и думать не хочется. И сегодня страна Давида Агмашенебели жалкое зрелище собой являет, а что будет после приватизации - подумывать страшно.

По желанию и по воле одного-единственного человека будет поворачиваться локатором несчастная Грузия то в ту, то в другую сторону.

Хотя и сейчас она вращается не по воле и желанию двух человек.

Думал я взять в долг у одного еврея и открыть маленькое производство по своему хотению, но видя, какая судьба постигла Хионию Эдзгверадзе, поостерегся, тем более, зная какой я сам «счастливчик».

Для начала расскажу вам, уважаемый Лаврентий, какая расплата постигла Хионию Эдзгверадзе, моего соседа по лестничной площадке.

Хиония Эдзгверадзе купил тракторный завод.

Хиония был сыном недавно скончавшегося шарманщика Амберка Эдзгверадзе. Женат. Знаю его с тех пор, как ему исполнился сорок один год, он на год старше меня; когда меня в первый класс привели, Хиония во втором учился.

Техникум, что на Сакария, он закончил, но диплом скоро потерял и по специальности никогда не работал. Сам этого стыдился и не выставлял напоказ - мол, и вовсе не брал я диплома. Но как-то раз случилось мне возвращаться с базара с его матерью, спросил невзначай - чем там занят, мол, Хиония. «А что ему делать, нормировщиком на водокачке служит, на зарплате сидит, кто у него диплом украл, чтоб света белого не взвидел, чтоб ему пусто было».

От Амберка осталась в наследство инкрустированная серебром одесская шарманка и немного золотишка. Сын берег на черный день оставленное шарманщиком добро. Когда же придется туже, чем теперь. Продал он и золото, и орган зубному технику Мосе Садгвებელაშვილი и на те деньги купил тракторный завод.

О чем говорить, наследства Амберка не хватило бы, чтобы целый тракторный завод выкупить. Заместитель председателя горсовета подсуетился, небескорыстно, конечно же, задешево устроил сделку, тогда же и толки пошли, но чего своими глазами не видел - не скажу, врать не буду. Хотя толки эти, похоже, не на пустом месте возникли.

Был вторник. Полдень. К соседским посиделкам у общего колодца перед воротами Симона Гванцеладзе приблизился Хиония, поздоровався, подбоченился и смотрит на нас с растерянной улыбкой:

- Завод я купил, что скажете?

- Какой завод, парень? - востроенул сын Доментия, будто бы в мире на данном этапе главным был вопрос, владельцем какого завода стал его крестный.

- Тракторный, а где еще тут приличный найдешь.

- Зачем тебе такой огромный завод, уступи половину, - с тихим смехом и широкой улыбкой, почесав затылок под кепкой, предложил бывший финагент, а ныне пенсионер Хабурдзания.

- Давай, гуляй, - грозно воззрел на него Хиония. - Пополам с тобой не дай Бог даже этот колодец поделить.

- Кто тебе дал купить завод, Хиония? - осмелился я вставить вопрос.

- Кто? Правительство.

Воцарилась тишина. Со старого инжирового дерева слетела птичка, покружила-покружила и вновь устроилась на той же ветке. С чего бы она взлетала так внезапно и почему вновь облюбовала ту же ветку, не могу сказать.

- И что ты сейчас будешь делать с этим заводом, Хиония? - испуганным шепотом спросил Хабурдзания.

- Что буду делать? Чай по утрам буду пить. Что еще с ним делать - выпускать тракторы и продавать!

После этих слов Хиония, чтобы скрыть волнение, засвистел на мотив «Милый мой дружок», повернулся и пошел восвояси, весь такой понурый и отяжелевший, что в тот же миг я понял: никаких тракторов он не выпустит.

Но этого предчувствия в лицах других я не разглядел. Да и я в своих догадках не был уверен. Может, и вправду такие времена настали, что если уж дали купить Эдзгверадзе тракторный завод, так и мастеров по сборке найдут, поставят дело на поток.

На другой день «вахтер» не впустил Хионию на его же завод без пропуска. «Какой еще тебе пропуск, башка твоя охреневшая, это мой завод!», - зарычал Эдзгверадзе. Сторож решил, рехнулся этот пес паршивый и встал поперек дороги. Принципиальность сторожей, как известно, воздействует на всех, кроме душевнобольных. Сумасшедший везде на свободе.

Директором тракторного завода был Цевели Гараканидзе. Разумеется, он знал, что начинается приватизация, но не думал, что его поставят перед фактом вот так, без предупреждения. Он просмотрел представленные Хионией бумаги о купле-продаже.

- Все верно, уважаемый, этот завод - твой, пользуйся на здоровье, - и принялся вынимать дела из ящиков письменного стола.

- Что теперь делать будешь? - спросил хозяин завода, присев на диван. По-видимому, ему стало жаль смирившегося со своей участью директора.

- Пойду своей дорогой, пристроюсь где-нибудь. Мир велик.

- Оставайся, если хочешь.

- Кем?

- Если душой желаешь, оставлю директором.

- А дальше?

- Что дальше? Будешь знать, что завод - мой. Без меня ни одного штыря отсюда никто не вынесет.

Директор почти уж готов был согласиться, но никак не мог представить свои функции, находясь в подчинении Хионии, к тому же ему предлагали стать пайщиком коммерческой фирмы «Ачу-ачу», и это дело Гараканидзе почему-то посчитал более надежным.

Хиония в тот же день созвал сотрудников на общее собрание. «Ничего не меняется, все вы продолжаете заниматься своим делом. Единственное: завод с сегодняшнего дня - моя собственность. Короче говоря, будут уволены нерадивые рабочие и остолопы-инженеры, зарплата может только прибавиться, но не уменьшится, а трактора как выпускали, так и будете выпускать».

На том же собрании выяснилось, что завод дышит на ладан; нет

двигателей, покрышек, переключателей скоростей, а других деталей хватит самое большое на неделю.

Когда телефонные бастии оказались непреодолимыми, Хиония «надел железные башмаки» и устремил стопы свои в теперь уже свободные регионы бывшей империи. В Нижнем Тагиле ему предложили двести двигателей за сто миллионов русских рублей. У владельца тракторного завода было такое несчастное лицо, что над ним сжалились и согласились на вино-коньячный бартер. Но предупредили: транспортные расходы - за тобой. В Басокамске покрышек не оказалось, его направили по следу в Круглоярск. В Круглоярске сказали - помоги с доставкой резины из Словакии, а мы тебе все приготовим. Как отблагодарить Словакию за резину? Уговоришь Москву перекачать им их долю газа. Переключатели скоростей завод раньше получал из Новочеркаска. Там сказали, что уже три месяца простаивают, может, вы нам электропоезд из Туркменистана доставите. Хиония спросил, что такое электропоезд. Бензин, мазут нужен, ток у нас свой есть. Туркменистан запросил за бензин чай, а за мазут цитрусы. Оформили документы, договорились с акционерами, и через два месяца Эдзгверадзе вернулся в Грузию. Пробился к министру просить чай, вино-коньяк и цитрусы. «Ты у меня просишь, когда этих несчастных чая-вина-цитрусов не хватает даже на оплату импорта пшеницы и газа?». «А что мне делать?», - спросил Хиония. «Завод - твой, почему это я обязан обеспечивать тебя чаем-вином-цитрусами?». «Мне же не попусту нужно», - застал Хиония. «Если я тебе даже даром все это выдам, все равно не потянешь ты доставить товар в Нижний Тагил, Туркменистан и Круглоярск. Во-первых, дорожные расходы тебя выпотрошат, а во-вторых, без вооруженной охраны не то что вино-коньяк, даже собственную тещу не доставишь по месту назначения».

После этого Хиония напрочь выбросил из головы идею выпускать трактора, и однажды он объявил посиживавшим у общего колодца перед воротами Симона Гванцеладзе соседям: завтра у меня на заводе день грабежа. Зарплату рабочим нечем платить, поэтому назначил день, когда отдаю завод на разграбление. Что осият, пусть растаскивают, лучше своим же отдать, а то тут тыща, невесть откуда, оборванцев все хапают напропалую.

Я не пошел. Другие поперлись и что ни попадя (хоть нужное, хоть ненужное) растащили, гогоча и зубоскаля.

Через неделю продал Хиония блестяще разграбленный завод. Новый покупатель Чанкветадзе, чужак из Схававелели, сначала открыл на заводе цех по производству бумажных пакетов, потом мастерскую пошива мешков грубой ткани, а Хиония Эдзгверадзе на вырученные деньги купил на черноморской набережной, пока еще не приватизированной (читай - похищенной), полугрузовое судно «Гео».

«Гео» в свое время, оказывается, наши отняли у немцев. Тогда корабль назывался «Адольф».

Когда Эдзгверадзе переоформил корабль, высокий седобровый боцман Хундадзе, на предплечье которого почему-то не был висатуирован якорь, посоветовал:

«Кто меня просит совать нос в чужие дела, но если послушаешь моего совета, не проиграешь. Капитанствовать на корабле - дело не простое, если ты собрался в капитаны, не обижайся, но тебе придется тяжело. Во-первых, английский надо знать, и, не говоря уже о карте, хотя бы компаса направления освоить. Так что доверь капитанствовать мне, вернее меня человека не найдешь в округе. «Гео» корабль годный, старик еще тот. Не стоит томить его в Черном море, отправь меня в дальний рейс. И груз перевезу, и пассажиров доставлю, и долларами подогрею. Покойный отец учил: в сомнительных случаях всегда предпочитай доллары русскому рублю и опозоренному лари».

Хиония согласился, доверился Хундадзе, и в результате этого договора «Гео» не вернулся из первого же плавания по маршруту вокруг Европы. По прошествии трех месяцев после исчезновения «Гео» португальская полиция арестовала Хундадзе за дебош в борделе и сопроводила его в неотапливаемую тюрьму в Куркутте. Трезвый следователь Чаладзе «расколол» бывшего капитана. Он признал вину: корабль затонул на подступах к Испании, в Пардагузском заливе, я чудом спасся. Экипаж высадился на каком-то безымянном острове. Место затопления корабля определяю безошибочно, но это ни к чему, ведь его подъем обойдется в два раза дороже, чем стоит сам «Гео».

За халатность суд определил Хундадзе меру наказания в виде конфискации имущества и трех лет принудительных работ в пользу Хионии. Хотя на Хионию «по принуждению» Хундадзе не проработал и дня. Оплатил заранее эту «принудилровку» опечаленному владельцу «Гео» - вот и вся недолга. А недавно в ресторане «Санскрития» встает подвыпивший Хундадзе: «Гео» я перекрасил и продал пуэрториканцу Хосе Карасу. В эти минуты корабль плавает в Тихом океане, а как назвал его новый хозяин - сказать не берусь».

После этого новоиспеченному капиталисту Хионии Эдзгверадзе совсем чуть-чуть оставалось до отчаяния. И все же он решился еще раз попытать счастья и купил трехвагонный поезд. Старый-престарый паровоз еле двигался, пыхтя, кряхтя и отдуваясь. Хиония переделал его в электровоз и очень скоро раскаялся. Приватизированная «Тонетознерго» то и дело отключало питание приватизированной железной дороге, и состав Хионии в половине случаев простаивал пустым, а в другой половине случаев (что хуже) - полным пассажирами.

И, пока Хиония бегал по кабинетам железнодорожных начальников и владельцев «Тонетознерго» (к первым - ругаться, потому что ваго-

ны часто съезжали с изношенных рельсов, ко вторым - просить не отключать питание посреди пути), в один далеко не прекрасный день у Эдзгверадзе угнали электровоз. Долго он его разыскивал, но и следа не обнаружил. К концу месяца звонок: «Два миллиона на бочку, и твой электровоз вернется нетронутым, заново отделанный-налаженный - хоть сейчас отправляй в рейс». Хиония спросил у телефонного разбойника, где они его прячут. Ответили, что в эло-гараже, ни дождь, ни снег ему не страшен, можете не волноваться. Как же вы его туда втащили? Рельсы проложили, вкатили, приютили, много ума не надо. Ты же крупный коммерсант, владелец заводов-пароходов, без труда себе это представишь.

Не то что два миллиона, я и на двести лари раскошелиться не могу, держите дома этот ржавчиной еденый электровоз, и больше меня по этому вопросу не беспокойте.

Что еще ему оставалось - основательно разворованные три вагона Эдзгверадзе продал под курятники на девятнадцатом километре трассы Ткибули-Сакарция, в деревню Рчева.

Если теперь я спрошу читателя, каким путем пошел Хиония дальше, девять из десяти ответят - наверное, купил автомат, - и на большую дорогу, разбойничать.

Да, действительно, вы угадали. Проехав Сурамский тоннель, справа, у спуска к мельнице, невозможно не заметить одинокого разбойника с автоматом, это и есть Хиония Эдзгверадзе.

Он был не из тех, что без стыда, без совести. Женщин не насиловал. Путников до нитки не обирал, отнимал только деньги, а если денег у них не было, ни в коем случае не убивал.

Любого кровопролития избегал.

Когда полиция провела масштабный рейд, Хиония Эдзгверадзе сдался.

Когда пятнадцать полицейских увозили его, связанного, в бронированном автобусе, Эдзгверадзе клялся детьми, что собирался сдать автомат, что ему поперек горла стала жизнь в лесной груши, в этом холоде, да кто бы поверил.

Хотя, помилуй его Господь, может, и не лукавил.

А я, поскольку в бизнесмен-капиталистических усилиях Хионии Эдзгверадзе ничего отрадного не заметил, решил пойти более скромным путем.

Купил в театральном магазине огненно-рыжие усы, в салоне канцелярских товаров еле отыскал кипу старых, непригодных квитанций. Положил квитанции в сумку, приклеил усы, нахлобучил шляпу («цилиндр»), подвязал галстук (в такую жару!) и отправился в новонаселенные массивы Глдани и ТМК.

Звоню в двери.

- Кто там?
- Я с телефонной станции, уважаемая.
- У нас нет телефона.
- Знаю, уважаемая, я потому и навещаю вас. Хозяйка открывает двери.
- Провели нам кабель?
- Да, наконец-то, уважаемая.
- Когда поставят?
- В течение трех-четырех дней.
- И во сколько обойдется это удовольствие?
- Ни во сколько, уважаемая. Это подарок городской мэрии. Для жителей вашего массива установка бесплатная.
- Стараюсь придать своему лицу выражение самое благородное.
- Линию мы вам проводим бесплатно, аппарат у вас есть, уважаемая?

- Какой аппарат?

- Трубка.

- Нет.

- Если желаете, аппарат мы вам тоже доставим, но он стоит 20 лари.

Выписать?

- Да, пожалуйста.

Она убегает и возвращается с двадцаткой.

Я, как порядочный чиновник, выписываю квитанцию.

- Если можно, распишитесь здесь.

Вся трепеща от счастья, женщина ставит подпись.

- Какого цвета аппарат вы желаете?

- Красный, если можно.

- Хорошо, что сказали вовремя. У нас красные аппараты в ограниченном количестве. В этом вашем подъезде все двадцать пять женщин пожелали аппараты красного цвета.

- Я вас очень прошу, красный.

- Хорошо, ради вашего уважения, поставим вам красный, но только вы никому ни слова.

Женщина приложила палец к своим красивым губам.

Таким простым плутовством подсобрал я пару-тройку грошиков и через три дня выбросил в Куру свои рыжие усы вместе с «чудодейственными» квитанциями.

Что написано на роду, того не миновать. Говорю тебе, будь на то воля Господня, хоть без парашюта выпрыгивай из летящего самолета - целеешь, а если ты в списке Микел-Габриела, можешь, срывая розу, на такую ядовитую колючку напороться - священник к исповеди не поспеет.

А теперь я расскажу свою историю с похищением, уважаемый Лав-

рентий, только при одном условии: пока я жив, никто не должен об этом знать.

Миллиону человек рассказывал я ее, но правды не выложил никому. Тебе расскажу.

Кто-то ведь должен знать правду, вот тебя я и выбрал.

Если сохранишь тайну, хорошо, а если нет - пусть останется на твоей совести.

Похищение человека сейчас никого не удивляет. Тогда же это было в новинку, и, по правде говоря, если слышали мы - такого-то, такого-то похитили, все же до конца не верили.

В особенности мне, у кого ни гроша за душой не было, чего переживать, бояться похищения.

Безработным я был, с пустыми карманами.

Был месяц святого Георгия, ноябрь, как сейчас помню, гостили у Гиви Брегвадзе, там, у Петропавловской церкви. На другой день должны были привести к Гиви гостей, их интересовала домашняя выставка - Гиви из сухих корней потрясающие вещицы делал.

И кто это оценил?

Нам сказали, правительство бросило на произвол судьбы его семью.

Хоть бы в сто лари пенсию назначили такому блестящему художнику, рухнула бы страна?

Завязалась беседа, выпили немножко, и где-то к одиннадцати ночи пошел я домой.

У сквера Галактиона свернул я по нужде во дворик.

Три часа терпел у Гиви за столом, не люблю я, когда гость в чужих семьях в туалет чуть что бегаёт, такой я нелепо застенчивый.

Пусть хоть лопаётся мочевого пузыря, нет такой силы, чтобы заманила меня в чужой туалет. Там вот у кинотеатра к дереву я пристроился, расстегнул штаны и, прости меня, грешного, не успел облегчиться, как двое в масках подходят с двух сторон.

- Молчать, только пикнешь - плохо твое дело, - спокойно сказал один.

Взяли меня под локти и подталкивают к забору.

И ничего не говорят.

- Что случилось, все в порядке, ребята? - тихо-мирно спрашиваю я.

Закричать - кто откликнется глухой ночью, а дернешься - оба с ножами в руках. Полоснут по животу - и поминай как звали.

Втиснули меня в машину. Серебристый автомобиль у них стоял за оградой.

Может, и белый был, мне показалось, что серебристый.

Сидевший за рулем был без маски, но к чему она, он ведь назад не оборачивался.

Не успели затолкнуть меня в заведенную машину, тут же натяну-

ли на голову черный шитый «намордник» и еще раз предупредили: по-
дашь голос - глотку перережем, как свинье.

Я прошу - объясните хоть, в чем дело, может, с кем меня спутали,
я Шота Намчевадзе.

В ответ молчание.

Больше двух часов ехали.

По тряске машины я понял, что с главной дороги мы свернули, но
куда едем, в какую сторону, никак не мог разобрать.

Мочевой пузырь совсем меня доканал.

Сидевший рядом и державший меня за затылок, слыша мое кряхте-
ние, спросил - что меня беспокоит.

Ясно, что беспокоит, как же не беспокоиться, пописать не дали,
люди добрые.

Машина остановилась.

Первый раз в жизни писал я под наблюдением стоявшего за спиной
человека в маске, да что с того?

И снова мы в пути. После остановки с писанием ехали еще час, не
более.

Меня завели в какой-то двор.

Повели по какой-то топи, слышно было, как плещется вода.

Подняли по лестнице.

Долго стучали в двери, пока им, наконец, не открыли.

Под локти завели в комнату, приказали садиться и сорвали маску с
такой силой, что чуть не вырвали волосы.

Слезы проступили у меня от обиды.

В узкое оконце заглядывала луна.

Я сижу на табурете.

Справа тахта, покрытая паласом. У окна голый стол и два стула, на
окнах лучи-решетки с внешней стороны.

Передо мной сидят двое.

Шофер из машины не выходил.

Один нашел под паласом простыню неопределенного цвета и зана-
весил окно.

Теперь, если не откинуть эту завесу, и не разберешь, на земле ты
или в небесах.

Кто-то из них чиркнул зажигалкой у меня под носом, ухватил меня за
плечо, поднял и пересадил на тахту. И стол к ногам моим пододвинул.

Зажигалка погасла.

Так и сидим, я - по одну сторону, они - по другую.

Молчание нарушил тот, что с зажигалкой.

- Ты не испугался часом, мил-человек?

Я в ответ ни слова.

Моим похитителям лет по двадцать-двадцать пять, не больше. И по

голосам, и по стилю речи это заметно.

Хорошо, что маски они не снимают.

Значит, убивать меня не собираются.

Один высокий, широкоплечий, на среднем пальце правой руки, кажется, перстень носит, по просвету на коже заметно. Второй - низенький, с толстой шеей, с голосом осипшим и неприятным, поминутно покашливает.

- Я думаю, тебе понятно, зачем ты здесь? - начал высокий.

- Нет, ребята.

- Да ладно, брось заливать, ты не знаешь, зачем похищают людей?

- Есть тысяча причин. Но я, по-моему, ни в чем не провинился, чтобы быть похищенным.

- И мы, «по-моему», пока с тобой обращаемся по-человечески. А можем ведь и по-другому пообщаться, не преминем. Ты сейчас не придуривайся и хорошо запомни, что я тебе скажу: на это дело потребуется двадцать тысяч долларов.

- На какое дело? - в горле у меня пересохло.

- На твое мирное возвращение.

Я молчу.

Они, наверно, думают, что сумма выкупа для меня слишком велика, и я начну торговаться.

- Ты где работаешь? - спросил низенький.

- Сейчас нигде.

- А детей у тебя сколько?

- Трое. Да, но, вы что, анкету мою заполняете? Не знаете, кого похищали?

- Ты держи язык за зубами и отвечай, что спрашивают. А нет, так почим уму-разуму. Мы все хорошо знали и знаем, - оскалился низенький.

- Бог в помощь. Если вам известно о моем имуществе больше, чем мне, может, скажете, что имеете в виду, и если я не заплачу, пусть дня светлого не увижу, - говорю я, стараясь быть как можно убедительнее. Да еще и злить их не хочу.

- Подумай хорошенько сегодня ночью, а завтра утром скажи свое слово. Мы охального выкупа не требуем, и ты тоже не увиливай. Не толкай нас на грех с твоей женой-детьми. Спи теперь. Мы тоже здесь будем. В соседней комнате. Если что понадобится, дай знать. О побеге и не думай, пуля тебя догонит, так и знай. А если отсюда улизнешь, в Кутаси найдем тебя в конце концов. Так что веди себя по-умному.

- Пусть это вас не заботит, ребята. Не бегун я отсюда, а если отпустите, и не жалобщик на вас. В моем роду еще никто не ходил жаловаться в милицию. Но я и не тот человек, что вы думаете и за кого меня принимаете.

- Тот, тот... Все так говорят поначалу. Не заставляй нас терять тер-

пение и не плачесь в жилетку из-за каких-то жалких двадцати тысяч долларов, - печально произнес низенький.

- Двадцать тысяч долларов - жалкие?

- Для тебя жалкие, а то нет. Это вы ведь с народа шкуру сдираете, вы довели страну до ручки. Давай не бей на жалость, а то секатором ушиотрежем и так и оставим.

Высокий держался поспокойнее, а «секатором ушиотрежем» показалось мне, ни много ни мало, предметом для размышлений.

Они вышли и заперли двери снаружи.

Некоторое время я ходил по комнате взад-вперед. Потом прилег и мгновенно заснул.

Не поверишь, в жизни не спал я таким безмятежным сном.

Что будет завтра, кто знает... А я сплю себе, посапываю, разве не удивительно? Что за создание все-таки человек...

Уже давно рассвело, когда меня разбудил скрежет ключа в замочной скважине.

Вошли эти двое.

Отругали - почему снял «намордник».

Дали одеться и отвели под руки к параше. Из-под маски, если очень напрячься, может, и различишь собственные пять пальцев, не более того.

Нет сомнений, что мы где-то на речном берегу, но где?

Вокруг не было ни души, иначе я бы услышал хоть собачий лай или мычанье коровы.

В комнате маску с меня сняли, сами оставались с закрытыми лицами.

Положили передо мной завернутый в газету хлеб, велели ополоснуть лицо.

Я поблагодарил, сказал, мол, ребята, по утрам ничего не ем.

- Как знаешь.

Низенький пододвинул мне под нос бумагу и карандаш.

- Пиши!

- Что писать? - спрашиваю.

- Пиши хоть жене своей, хоть отцу, хоть брату - кому хочешь. Подалежку сего выдайте двадцать тысяч долларов, иначе меня убьют, они шутить не любят - низенький.

- И еще припиши: в милицию не бегайте, и никому об этом деле не говорите, кроме членов семьи. Не пытайтесь их поймать, иначе меня порежут на куски, дома подожгут всему нашему роду - добавил высокий.

- Нет, не напишу, ребята, хотите - убивайте, - сказал я и отодвинул листок в сторону.

- Не напишешь - тебе же хуже.

Я им сказал, что жене вчерашним утром не смог оставить денег на сахар, так что прочитав это, она получит сердечный приступ. Что брат у меня есть, но он преподает астрономию в четвертой школе, из-за безденежья не может завести семью и по субботам-воскресеньям приходит обедать ко мне. Приходил бы и в другие дни, да совестится. А отцу моему письмо отнести я не могу вас пока обязать, потому что пятый год лежит он на Огаскурском кладбище.

- Вот везунчик я! - стукнул высокий кулаком по столу.

- Подумай хорошенько... Что это вы все такие вдруг такие убогие... - сгустил голос низенький.

- Да но... Моя ли в том вина? Чуток мозгов иметь не надо, чтобы понимать, кого похищаете? Я вас просил меня похищать? - перешел я «в наступление».

Они сидели будто иссушенные, с опущенными головами.

- Сейчас не время ныть. Не выложат деньги твои родственники, по-прощайся с этим миром.

- Пожалуйста! Вы же сами хлопот не оберетесь... - моя готовность совершенно выбила из колеи высокого.

- Да, а как же... Будем его здесь куницей в клетке держать, солнышко такое... Башкуотрежем - и в Риони.

Таким страдальческим голосом сказал он «башкуотрежем», что понял я, ни в Риони бросить, ни тем более башку отрезать они не смогут.

Долго мы так говорили, грустно и почти до конца искренне.

В чем-то они раскалывались, в чем-то я признавался.

В общем, они оказались неплохими парнями. Чтобы избавиться от безденежья, пристрастились к игре в зари. Как это обычно бывает, пару раз дали им поживиться, а на третий раз на такие деньги прокатали, что хоть всю жизнь собирай зарплату (для начала еще работу попробуй найди в этой свободной демократической стране) - долгов не покроешь.

А чем я мог помочь - только сочувствием, да и то словесно.

Этот день и предстоящая неделя для обеих сторон закончились одинаково безрезультатно.

Утром они уходят, в сумерках возвращаются, приносят мне хлеб с сыром (иногда консервы), спрашивают, как дела.

Двери закрывают снаружи, да и то как бы стесняясь, и в каждом движении проявлялось - таковы правила, а вообще тебя запирают бы не следовало.

Думал я, думал - и вот что придумал: и на свободу легко выйду, и еще тыщу долларов жене с детьми привезу. Решил я стать соучастником похитителей, а угрызения совести мучили меня не более шести месяцев.

И вот что я обмозговал, уважаемый Лаврентий, не догадываешься?

Ну, так слушай.

На восьмой день после моего похищения, во время очередных безрезультатных переговоров, я заявил ребятам:

- В Кутаиси, в конце улицы Чечелашвили, в 129 номере живет Васил Тепнадзе. Он работал в банке. Сейчас на пенсии. Но денег у него - завались. Похищайте его и привозите. Дело верное.

Они мне доверились. Давно бы так, мол.

Но маски все равно не сняли.

Все я им расчертил - когда выводит Тепнадзе выгуливать собачку, где они должны стоять незаметно для прохожих.

Одним словом, на завтра Тепнадзе поместили в смежную с моей комнату.

А знаете, почему я подставил Тепнадзе?

Был я еще школьником, когда мой отец одолжил у Тепнадзе деньги под проценты. Отец мой был одноруким инвалидом. В доме протекала крыша - как из ведра. Другого пути у отца не было, иначе разве брал бы он ссуду под проценты? Тех денег хватило нам лишь на половину необходимого крамита, а другую половину пришлось снова покрывать дранкой. Зато хоть не заливало нас, вздохнули с облегчением, а то ведь жили под дождем. А Тепнадзе каждый месяц присылал человека и требовал денег. Прятался мой несчастный отец, так поднимался шум-гам-тарарам. Мамин плач, просьбы-мольбы, хоть немного подождите, мой господин, что-нибудь придумаем и расплатимся. Помню, раз на стуле была перекинута школьная форма моей сестры, так он заграбастал ее и унес. С тех пор у меня нездоровый страх перед всякого рода ссудами, и тем более под проценты, и еще тем более потому, что все годы моего ученичества прошли на фоне процентных выплат Тепнадзе.

Вот почему позволил я себе это постыдное деяние.

Но не так-то легко было уговорить Тепнадзе отправить письмо в семью.

Уставшие от допросов и угроз, выходили от него ребята и с сомнениями спрашивали, уж не обманул ли я их. Он утверждал: «Ни копейки не могу я наварить, были бы у меня деньги, отдал бы кому-нибудь получше вас».

Я растолковываю похитителям: то-то и то-то говорите тогда-то и тогда-то. Напомните, что дом брата жены он продал в прошлом году. Каждый вечер такие деньги в нарды проигрываешь Пачулии Дангадзе, сообщите. Он трус, пригрозите похищением младшей дочери.

Сработали мои наставления.

Загнали Тепнадзе в угол.

Через три дня радостные похитители отрапортовали об успешном завершении «операции» и высыпали на стол двадцать тысяч долларов.

Тепнадзе в тот же вечер отвезли в Кутаиси и высадили близ Броце-

улы.

Меня задержали еще на три дня, чтобы дни нашего освобождения не совпадали.

Потом мне сунули в карман тысячу долларов и в полночь высадили точно в том месте, откуда похитили.

Жена и дети чуть не обезумели от радости, не знали, что делать. Жена моя то смеялась, то плакала.

Вот как, оказывается, меня любят.

А брат мой все больше молчал.

Знал я, говорит, что не убьют тебя.

Письма мы ждали, но хорошо ты сделал, что не написал его.

Понапрасну бы все переволновались, а денег все равно бы не собрали, знаешь ведь.

Это дело само по себе, а ты, уважаемый Лаврентий, запомни одну вещь:

если человека похищают и освобождают спустя много времени, на то могут быть две причины: либо родня собрала деньги на выкуп, либо сам он засветил кого-нибудь богатенького «на замену» и подбросил похитителям верняка.

Третьего варианта не бывает. Если полиция вдруг заявляет: проведена операция и захваченный освобожден без уплаты выкупа, не верь этому ля-ля-ля.

А если похищенный начнет треп - я, мол, сумел сбежать, скрыться, этому, что и говорить мне, ты и так не поверишь.

- Ты спишь, уважаемый Лаврентий?

- Нет, Шота.

Лаврентий посмотрел на часы.

- Уже девять.

- Я должен тебе что-то сказать, если не обидишься.

- Говори.

- Ты случайно не наседка, уважаемый Лаврентий?

Лаврентий засмеялся и присел на нары.

- С чего ты взял?

- Не знаю, я тебе все о себе рассказал, а ты о себе ничего не ведал.

- Ты человек умный и должен понимать, что именно потому, что я молчу, я не могу быть наседкой.

- Это верно. Но из твоих слов следует, что я больше похож на наседку?

- Меня по такому делу заловили, что я подумал - как бы не напугать его, вот и не сказал.

- За что сидишь, уважаемый Лаврентий?

- Прохожу по статье измена родине.

- Ой-ей-ей, погубил ты жену свою и детей.

- А как ты думал.

- И что ты такого натворил, уважаемый Лаврентий, я думаю, все мне тут ведомо, но насчет измены родине представления не имею, как продают родину?

- Только не на черном рынке, с подкрученными весами.

Шота рассмеялся.

- Ну хоть в двух словах скажи, заклинаю душой того самого, знаешь ведь, дедушки...

- Знать бы самому, разве не рассказал бы тебе?

- Ну все же как это, каким образом?

- Вот так, за милую душу, сказали - ты изменил родине, и арестовали.

- А конкретно что?

- Я фотожурналист. Работаю в государственной канцелярии.

- И что же?

- Ты, мол, передавал иностранной разведке компрометирующие (язык на этом слове ломаешь) и секретные данные о президенте Грузии и о Грузии в целом. Разоблачитель я, если сказать по-грузински.

- А ты и вправду передавал?

- Мною сделанные фото были размещены как на президентском сайте, так и на моем личном. Оттуда их и скачивали для иностранных газет.

- А ты-то причем?

- А я знаю?

- Ох, Лаврентий, насчет тебя не знаю, но я-то кое в чем кумекаю; тот, кто тебя сюда загнал, он сам распродал грузинские земли, поубивал молодых ребят среди бела дня в центре города, отдал приказ полиции гнать взашей профессоров из университета и отнял у писателей подаренное им Давидом Сараджишвили здание, вот все это разве не государственная измена?

- Шота!

Лаврентий понизил голос.

- Этот вопрос я пока не поднимал. Сейчас тот этап, когда вопросы задают мне.

- Я-то думал, тебя за что-то серьезное упекли. Мелкие сошки так бы тебя не огорчили. Кому-то наверху ты крепко насолил, вот и решили устроить тебе отдых.

А хочешь, расскажу, за что я сижу?

- А ну-ка.

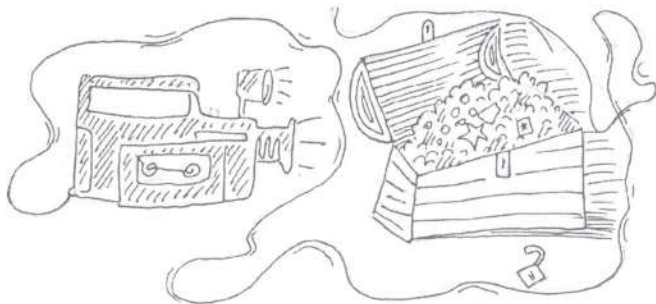
- Хотя, чтобы не утомлять тебя своей болтовней, здесь у меня показания одного из потерпевших, так что я прочитаю:

«В те годы о каких только способах ошипать и выпотрошить, последнюю рубашку содрать ни слышал я, но такого разбоя, как во время разорения нашей деревни, ни в сказке сказать, ни пером описать. Если что и называется, браток, культурным грабежом, то это и есть таковой. Ни в дома к нам не врывались, ни горячими утюгами, ни автоматами не угрожали. Нашими же руками собрали все ценное, что у нас было.

Как? Да очень просто. Вот как я смотрю тебе в глаза мирно и безмятежно, так и они шкуру с нас сняли без шума и пыли - и пошли своей дорогой.

Их было четверо, заглянувших в колхозную контору. Среди них одна женщина, высоченная, худощая, блондинка - нос крючком. В руках у нее было что-то вроде киноаппарата, не разбираюсь я в их бесовских названиях.

Подозвали ребятшек, трех-четыре пацанов, и говорят: пробегитесь по селу и всем скажите - с телевидения люди приехали. Все взрослые должны здесь собраться - будет новая передача «Запасливое село». Страна должна узнать о рачительных и достохвальных

женщинах, проживающих в деревнях. Пусть все принесут семейные реликвии, все дорогое, достойное внимания, оставшееся от бабушек-дедушек, кольца, ожерелья, антиквариат. А у кого нет, пусть одолжат у соседей. Отцы семейств ордена старинные пусть наденут, медали, и при таком параде приходят. Или николаевские золотые кресты, может, у кого есть, пусть на грудь навешивают, сойдут и сталинские ордена и медали. Мы все это снимем. Опишем все драгоценности и если найдут-

ся у вас подлинные редкости, для начала покажем их по телевидению, а затем обратимся к правительству, чтобы обеспечить ваше селение охраной от грабителей. Ни один бандит не сунет носа в вашу деревню.

Гурийцу только шепни про телевизор, только намекни на возможность покрасоваться, тут же сорвется с места. Тотчас у конторы собралась вся деревня. Один обскакивая другого, скорыми шажками семенили по сельским улочкам старики. С собой волокли оставшиеся в наследство шлемы-кинжалы, ордена-медали, а по карманам были рассованы (у тех, кто предусмотрительнее меня) драгоценные вещицы от предков, или самостоятельно приобретенные.

Больших церемоний в конторе не наблюдалось. Все собрали и разложили быстро и просто, как часы.

«Запасливых» завели в клуб и объявили: выкладывайте кинжалы, другое оружие... А также драгоценности, все, что есть, заверните вот в бумагу, надпишите свои фамилии, чтобы не запутаться. Потом выйдите на улицу, будем вас вызывать по отдельности, и каждого снимем персонально. Кто умеет красным словом блеснуть - блистайте, кто петь умеет - пойте, нам очень нравится, как старики поют гурийские песни.

Так мы и поступили, по сказанному. Стол заполнился. Мы вышли, встали в ожидании вызовов. Поначалу появился бритоголовый дядька, окинул нас взглядом и, садясь в машину, попросил: «Кто умеет петь, встаньте там вот, под липой и начинайте репетировать».

Потом вышли двое, тараторя без остановки. В руках у одного был съёмочный аппарат. Попросили нас немного отступить, чтобы сначала снять общий план села и здание конторы извне. Нас попросили разговаривать друг с другом, сказали, так получается естественнее.

Вот мы якобы разговариваем друг с другом, а они якобы снимают картинку. Когда же и четвертый вышел с чемоданом и побежал к машине, закрались сомнения, но кто бы голос подать осмелился... А эти двое главных все снимают, снимают. И все пятятся, пятятся к автомобилю.

Смейтесь, смейтесь, в конце концов вы, гурийцы, не любите сопли распускать. На фоне смеющихся лиц телевизионная картинка существенно выигрывает.

Вот и мы смеялись, вымученным смехом, как нищие артисты. А они забрались в машину и пулей умчались.

Смех наш мгновенно оборвался, стало ясно, что произошло, да что в том толку».

- Вот мастерски обчистили деревню, Шота. И не жалко вам было этих несчастных сельчан?

- Дело в том, уважаемый Лаврентий, что я в этом деле не участвовал.

- Ты думаешь, меня радует эта затея? Просто все настолько талантливо провернуто, что напоминает твой почерк.

Лаврентий смеется.

- Клянусь честью, я в это не вмешивался.

- А кто?

- Тот, кто давал эти показания, некий Штурм Цинцадзе, это его стиль, тот самый, бритоголовый.

- Других ограбленных не допрашивали?

- Все твердили одно и то же, как попугаи: не помним, от радости голову потеряли.

Миновало двадцать дней моего заключения.

Поскольку я не дал разрешения Гие Томадзе напрямую обратиться к президенту с вопросом - чего ждать по моему делу и зачем было объявлять меня изменником родины посредством медиа-средств. Гие пришлось очень нелегко, но все же кое-как, с грехом пополам, он встретился с помощником, и тот ему, совершенно секретно, передал слова президента.

Тот якобы сказал, что сам в ужасе от предательских действий Микава. И что за провокация - будто бы я раскаиваюсь в том, что арестовал его, и вообще как вы смееете даже ставить подобный вопрос.

Теперь-то мне все стало понятно.

Я ломал голову, где же совершил ошибку, когда он стал видеть во мне врага?

Ничего не мог вспомнить, кроме верной службы. И вообще, кроме официальных встреч, нас с ним ничего не связывало.

Одно-единственное смущало: примерно года два назад вызвал он меня.

- Пошли к маме моей, зафоткай нас.

Поехали на оперативной безномерной машине, без эскорта.

Поднялись на лифте, госпожа ждала нас в дверях.

С той самой минуты аппарат у меня был наготове, и я снимал почти все.

Президент сначала поцеловал мать, потом подступился к огурцу на блюде и открыл кран.

- Он вымыт, мальчик мой.

Президент шагнул в гостиную, опустился в кресло и захрустел огурцом.

- Воду не перекрывают?

- Нет.

- А как ты вообще поживаешь, мама?

- Как сказать. С этими скачками давления ничего поделать не могу.

- Тебе ведь Сандра прислала американские лекарства.

- Я принимала. Помогают, конечно. Когда их пью, чувствую себя

хорошо, но ведь не буду же я постоянно под воздействием препаратов.

- Пойди-ка ты в нашу клинику и пусть тебя обследуют раз и навсегда. Чтобы узнать причину, откуда это берется, в чем корень зла.

- Ты сам как поживаешь?

- Понемногу.

- Сон у тебя нормальный?

- Как всегда, засыпаю-просыпаюсь, засыпаю-просыпаюсь, будто дубинкой меня огрели. Вскикиваю, сижу минут 5-6 на постели, а потом снова погружаюсь в сон.

- И часто так?

- Раза три-четыре за ночь, как всегда. Аппетит при этом у меня хороший.

- Радость ты моя. Сколько ж ты носишься... Смотрю на тебя порой по телевизору - вроде пополнил, глаза даже заплыли, а иногда внезапно похудеешь. Звоню Сандре, говорю, что-то не нравится мне его цвет лица, она в ответ смеется, все, мол, у него в порядке.

Мать президента приблизилась к креслу и погрузила ладонь в мягкую, податливую шевелюру сына.

- Совсем ты поседел, сынок, на кого стал похож...

- На тебя... На тебя...

Президент рассмеялся отрывистым, стрекочущим смехом.

Мать взяла его за подбородок, поцеловала в ухо идохнула в волосы тепло, как только мать умеет.

Президент затаил дыхание.

- Да... Ну, хватит... Как ты иногда... Не забывай, что я президент.

- Ты президент для других... И вообще... Если бы я тебя не родила, жила бы сто лет. Ничего бы мне не сделалось.

- В чем дело, чего тебе не хватает, кто-нибудь с тобой непочтителен?

- Не знаю, куда мне деваться, сынок. Коллеги поедом едят. О чем ты думал, когда университет разворошил?

- При чем тут я... Это Кахи Ломая, министра образования, работа.

- И я так говорю, а они со смеху умирают, ну кто же в это поверит! Как у тебя язык повернулся сказать, что Грузии не нужны люди после сорока.

- Я этого не говорил, но вообще-то и вправду так.

- Что значит «вправду так», давай тогда, гони и меня с работы.

- Тебя никто пальцем не тронет.

- И что? Это и есть твоя реформа? Мать оставляешь, а всех остальных пинками под зад разгоняешь?

- Мама, ну почему ты не можешь понять? Психика нации должна измениться. Должна явиться другая Грузия. И этого легкими щипками не добьешься. Волна революции должна поглотить все старье.

- Какой революции? Бог с тобой, сынок. Я-то ведь знаю, какая это

революция. Покажи мне революцию, которая призывает заставить людей все распродать, истребить национальные ориентиры и голодать. Хотя объясни, почему ты набросился на эти памятники?

- Мама, надо избавляться от коммунистического менталитета!

- Убрать памятники Илье Чавчавадзе и Давиду Агмашенебели - это означает выкорчевать коммунистический менталитет, а называть площадь именем Зураба Жвания, а улицу именем Буша - это не коммунистический менталитет?

Когда это Илья Чавчавадзе и Давид Агмашенебели вступили в компартию?

- Да ладно, мама, когда бы я ни пришел, вечно ты со мной ругаешься.

- Зачем писателей выгнал из их особняка? Какой ответ держать будешь перед дедом своим, Григолом Абашидзе?

- Вели бы себя поумнее, никто бы их не трогал!

- Что значит поумнее? Что такое по-твоему, писатель, живущий «поумнее»?

- Все тебе выложить? Ты тоже прекрасно знаешь, что сегодня в Грузии из десяти известных писателей девять называют меня буйнопомешанным. Я - чоокнутый?! Нет, ты скажи, я сумасшедший?!

Мать рассмеялась.

- А ты не твори безумств, вот тебя и не будут называть сумасшедшим. Нормальный человек разве пойдет в атаку на памятники? А что ты натворил в Кутаиси, взорвал Мемориал Славы, и этот взрыв унес жизни матери с дочерью. Сколько проклятий на твою голову посыпалось после этого, а зачем ты у журналистов их здание отнял?

- А... Они тоже ни в чем не повинны? Ты знаешь, какие статьи эта братия публикует в газетах, хоть у нас, хоть за рубежом? Чуть не в туалет меня сопровождают, чуть не одеяло поднимают и рыскают, чем я под ним занимаюсь...

- А дальше что? Причем тут журналисты? Почему ты иногда забываешь, что ты президент, а не заштатный ловелас. Ты же видишь, какую травлю итальянскому премьеру устроили, как его фамилия?

- Берлускони. В суде его дело.

- Ты же видел, что сотворила с президентом валютного фонда уборщица. На тебя тоже кто-нибудь пожалуется, а потом берегись.

- Пусть носятся по этим погорелым судам, пока с ног не собьются. За мной женщины, чтоб ты знала, сами бегают, вот в чем разница.

Президент сопровождал эту шутку тем же смешком, похожим на ржание.

- Ты смейся, смейся... Вечно не будешь держать суд в кулаке зажатым. Вот возьмет какой-нибудь судья на себя смелость и...

- И что он мне сделает?

- Не подчинится.
- Не подчинится - получит пинок под зад и вылетит как пробка.
- Не пользуйся тем, что народ доведен до ручки и гол как сокол. Это не плод твоего удалства, это происходит потому, что оппозиция труслива. А вообще будь очень осторожен, вот мое тебе слово.
- Кого мне бояться? Шалико-лейбориста или Нино Бурджанадзе? Ты же видишь, их время ушло, они сами себе шею сломали.
- Мне телевизор страшно включать. Все думаю: вот сейчас он что-нибудь расколошматит, вот сейчас как треснет...
- Что это я расколошмачиваю?
- Можно ведь немного подумать, прежде чем что-то ляпнуть.
- А что я такого говорил?!
- Как тебе в голову пришло болтать, что Чингиз-хану не помогли лечебные ванны в Цкалтубо, или что Давид Агмашенебели молился в церквах, синагогах и мечетях.
- А то не молился.
- Что значит молился, мальчик мой, ты разве не понимаешь, что тем самым ставишь под сомнение православную веру Давида Агмашенебели? Если Давид оказывал уважение чужой вере, это ведь не означает, что он верил в трех богов? Ты мозгами хоть немного пошевели...
- Да ладно тебе, мама, это ты себе в голову вбила, а кому бы я ни говорил, никто не усомнился, что все тут верно.
- Ты хоть читаешь, что о тебе пишут?
- Так, с пятого на десятое... А ты читаешь?
- Читаю, и сердце кровью обливается. Вот только «Асавал-дасавали» почитать - мозги набекрень свернутся.
- Иногда скошусь на телевизор, мне и этого достаточно... а вообще-то этим Васико Одишвили и Шалве Рамишвили, как придет время, отрежу их болтливые языки.
- И что от этого изменится? На их место заступят другие Одишвили и Рамишвили. Все время хочу тебя спросить, ты какую Грузию строишь, Мишико?
- Нормальную. Тебе что, не нравится?
- Дороги и мосты как же могут не нравиться... Надо быть слепым, чтобы не радоваться новому облику Тбилиси, Батуми, Кутаиси, Сигнаги, Мestia... Но ты думаешь, что Грузия - это только гостиницы, дороги и туристы?
- А что же еще?
- Что еще? Это национальный феномен. Известно тебе, что такое национальный феномен?
- И дальше? Я что, разрушаю национальный феномен?
- Конечно, разрушаешь. Когда трехлетнего ребенка отлучаешь от грузинского языка и заставляешь чирикать по-английски, разве из него

вырастет грузин? Зачем ты сыпал сюда кучу заграничных учителей английского, когда мои бывшие студенты, специалисты английского, сидят без дела? Неуважение к народному искусству, традиционному жизненному укладу, грузинской классике - это ли не истребление национального феномена?

- Кто это тебе сказал?

- Кто надо, тот и сказал. Ты думаешь, я сама не вижу, что все патристические произведения изъяты из школьных учебников?

- Мама, ты во всем меня обвиняешь, нельзя же так...

- Ты президент, сынок, кого же мне еще обвинять? Ты же видишь, на каждом шагу попрекают - негрузин явился строить Грузию...

- «Попрекам» конца не будет. Все это ерунда. Но как мне другим толковать, если даже тебе не могу объяснить: Грузию спасет только евроатлантическая интеграция. Другого пути нет. Если мы окажемся в национальной изоляции, как в средние века, знай, что сваримся в собственном соку, вот тогда и полюбуешься, как угаснет Грузия. Если в страну не ступит американский сапог, ничто нас не спасет. Провинциальной Грузии должен прийти конец: вот чем я занимаюсь.

- Что ты называешь провинциальной?

- То, что ты называешь национальной.

- Значит, ты, мой сын, пускаешь по ветру Грузию Давида и Тамары?

- Грузия Давида и Тамары давно уж развеяна по ветру. Мы территории еле сохраняем, а грузинский менталитет скоро станет достоянием книг и музеев.

- Не приведи Господь, что за чушь ты несешь, совсем голову потерял!

Президент вскочил с кресла, поцеловал мать, забежал на кухню, схватил в руки два огурца и по выходе один протянул мне.

Может, он не простил, что я был невольным свидетелем этого разговора?

Надзиратель крикнул в окошко:

- Намчевадзе приготовился, в суд.

Выходя, Шота окинул взглядом «изменника родины» и сказал такие слова:

- Всего хорошего, уважаемый Лаврентий. Наша жизнь - вся как на качелях. Вот узнал о твоём деле, и мое перестало казаться чем-то необычным. Несправедливость больно бьет тебя, но надо выдержать. По тебе видать человека уравновешенного, степенного, а я по своему опыту знаю, такая чинная натура в тюрьме не согдится. Выговаривайся, выговаривайся, не держи в сердце желчь и злобу. Выбрось все, выбрось. Окажешься в камере один, говори сам с собой, человек двулик, за-

помни. Каким бы ты ни был чистосердечным, если покрепче задуматься да поглубже заглянуть в закоулки прожитого, найдешь какие-никакие, пусть и махонькие погрешности. А то и столько ошибок, а то и преступление обнаружишь в тебе отведенном мирке, и поймешь - арестовать меня надо было, стоило того. Эта вот мысль придаст тебе сил и закалит волю. Ничего тобою такого не свершено, чего с другими не случилось. Крепись, уважаемый Лаврентий. Уверен, ты выйдешь отсюда раньше меня и, если не затруднит, загляни к моей жене и детям вот по этому адресу. Скажи, вместе сидели, он держится хорошо. Больше ничего не прошу. Быть может, Всевышний дозволит нам еще раз свидеться.

Что касается моего дела, сегодня вот суд, и не думаю, что дадут мне больше трех лет. По объявлении приговора меня сюда не вернут, согласно протоколу мне светит Руставская колония. Тюрьма - мой дом, но многие боятся тюрьмы, это не дело. Выдюжить можно и в тюрьме, и не только сдюжить, но скажу тебе, если б не тоска по детям, может, жизнь на зоне я бы воле предпочел, с ее мозгодолбством, суматохой в поисках куска хлеба, и страхом перед завтрашним днем. В тюрьме ты от этого свободен.

Все, что я тебе рассказал - истинная правда. Кроме одного. В деле «запасливых» я был главным из главных. Пусть останется между нами, но старикам эти ценности-сокровища сто лет не нужны были (улыбается).

Это я говорю тебе, человеку порядочному. А там, в зале суда, я вернусь к первым показаниям: буду кричать да головой об стенку биться - за что невинному человеку чужой грех впаривает! Так того дело требует. Ну, пошел я уважаемый Лаврентий. Как исчезну из виду, жалеть меня не жалеи, не устраивай себе из-за меня головной боли: ой, человек был рожден честным, а жизнь его в бараний рог скрутила. Разве ж эта жизнь, уважаемый Лаврентий, не такая чертовщина, где все может на сто процентов измениться. Наверно, и во мне где-то поселился маленький бродяга. Счастливо, счастливо, уважаемый Лаврентий, поверь, я и в детстве, по-моему, не плакал, а теперь вот плачу, с тобою прощаясь...

Он вытер слезу ладонью. Пожал мне руку, обнял напоследок и вышел.

К часу дня меня подняли на встречу со следователем.

Гия Томадзе выглядел огорченным.

- Поперек горла костью мне, уважаемый Лаврентий, эти «взятые на контроль» и громкие дела. Они взяты на контроль, потому что прокурор покоя не дает: а ну быстрее, закругляй дело и выноси на процесс.

- А куда торопиться?

- В два месяца должен я обернуться, а где раздобыть доказательства, которых нет? День и ночь с ног сбивались ребята и наконец что-то

мертворожденное раздобыли.

- Например?

- Например, что ты этой кутаисской девушке, как ее имя?

- Назикия.

- Да, что ты принимал участие в отправке Назикии за границу и передал ей эти фото в конверте, для отправки в Германию.

- Я так и знал, что эта немецкая тетка - информатор. Которая насчет конверта намолочла.

- Назикия в сухом отказе, но тут ты должен попросить, ты должен помочь мне, уважаемый Лаврентий.

- В чем?

- Якобы ты действительно передал Назикии фото в Германию.

- Для кого?

- Адресата мы сами найдем.

- Но как, уважаемый Гия, как обвинить человека в том, чего не было?

- Ты должен мне помочь, уважаемый Лаврентий, иначе меня выгонят с этой работы. Это одно-единственное возьми на себя, а за мной дело не постоит.

- Нет... Не получится это дело, Гия.

- Ты и голландскому журналисту... Как его фамилия? Да, Датсруфф, сказал ведь ему перед отъездом, мы еще увидимся?

- Это я сказал, наверно. Но что вам из того? «Еще увидимся» мне кажется просто доброжелательной фразой, все так друг с другом прощаются.

- Да, так. Ты хоть немного склонись на нашу сторону. Мы ведь тоже люди.

- Гия, ты просматриваешь иностранные газеты?

- Так, иногда.

- И что? После того, как меня посадили, прекратили публиковать фото о жите-бытье президента?

- Представь себе, нет.

- Я был бы рад, если бы прекратили. Значит, компания по моему аресту результатов не возымела, другие не заботились.

- Я больше скажу. По ходу развития событий последних дней выясняется, во-первых, что в этом деле твоей вины нет, а во-вторых, что истинный виновник сидит сейчас у себя на веранде и умирает со смеху.

- А раз вы так много знаете, так отпустите меня домой.

- Не выйдет никак, уважаемый Лаврентий, тот, кто упек тебя сюда, так легко свою марку не уронит. Ты не знаешь, что творится в массмедиа.

- Что?

- Все газеты и телерадиокомпании в один голос твердят о твоей не-

виновности.

- И что, это плохо?

- Разумеется, ничего хорошего в этом нет, уважаемый Лаврентий. Чем громче кричат массмедиа, тем яростнее чувство протеста у власть имущих. Ты ведь дока в делах прессы и понимаешь, что власти все делают наперекор пожеланиям массмедиа.

- Не понимаю, почему я попал в безвыходную ситуацию.

- Безвыходную - твоим врагам. Но тебя засудят - это факт.

- Сколько вкатят?

- Немного. Возможно, статью об измене родине заменят на, скажем к примеру, злоупотребление служебным положением или халатность... От тебя все зависит.

- От меня вы признательных показаний не получите, уважаемый Гия. Имейте это в виду, мне шестьдесят девять лет, и в старости душу грехом я тяготить не намерен.

Долго еще они беседовали на тему «признание-непризнание», а потом заключенный был сопровожден в свою камеру.

В 4 часа утра его разбудила боль где-то под плечом, у правой лопатки.

Он сел на нарах.

Дышать было тяжело.

Свет в глазах постепенно тускнел.

Он попытался пошевелить руками и ногами.

Левая кисть онемела.

«Я часом не умираю?», - подумал он и снова прилег, может, полегчает, пройдет.

Бояться он не боялся.

На лбу выступил холодный пот.

Он попытался заснуть, но тщетно.

Около пяти часов подошел босиком к дверям камеры и постучал.

Никто не ответил.

На четвертой попытке издали донесся звук шагов, и он немного успокоился.

А когда откликнулись из других камер, это и вовсе подбодрило.

Стучали все одновременно.

- Ты что, оглох?!

- Открой, стучит человек!

- Обязательно умереть должен?!

- Откуда ты знаешь, что с ним, ты, бегемот!

- Укороти язык! Сам бегемот! - в окошке камеры сверкнули глаза надзирателя.

- Чего тебе?!
 - Мне плохо, позовите врача!
 - До утра не потерпишь?!
 - Нет, у меня сердечный приступ.
- ***

Исходя из возможностей тюремной клиники, ему оказали всемерную помощь.

Кардиограмма показывала ишемию и стенокардический приступ.

Сначала ему сбросили давление, потом сделали три разных укола для укрепления сердечной мышцы.

Лаврентию не сказали, что это были за уколы.

Врач спросил, болело ли у него сердце раньше.

Микава ответил, что ни в жизнь, даже валидол ни разу не понадобился.

Одним словом, вернули его врачи с дороги на тот свет.

На четвертый день ему стало полегче.

Будто бы и не было этих страшных трех дней.

В палате их было пятеро. Четверо больных заключенных: сам Микава, двухметровый чернобородый Хохобадзе, клювоносый Бухаидзе, веселорукий рыбак Чурадзе и светловолосый, с пальцами словно сухие обрезки лозы, пойманный при попытке изнасилования одиннадцатиклассницы Квеквескири.

Больные, ставшие на путь излечения, всегда пребывают в хорошем расположении духа.

Отобедав, Лаврентий выступил с предложением: «Давайте не травить друг другу души арестантскими злоключениями, пусть каждый расскажет по одной истории, кто что вспомнит, но только непременно о женщине, хотите, я начну. Сам я не женат, поэтому расскажу случай с журналистом Гагнидзе, с его слов».

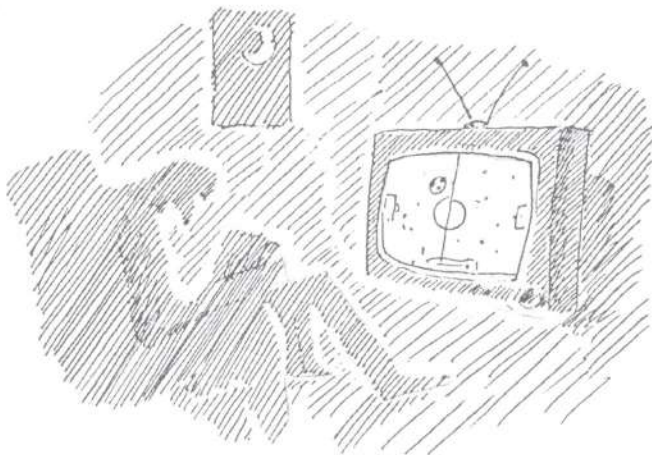
РАССКАЗ ЛАВРЕНТИЯ МИКАВА:

- В тот день журналист Юза Гагнидзе проснулся поздно.

«Ума-разуму так и не набрался. Что я нервы треплю, ночной сон пересиливаю. Мне что, своих забот не хватает? Ну какая мне разница, Уругвай выиграет или Парагвай, какое мое дело? Чтоб ни дна ни покрышки и тем, и другим».

Он включил телевизор и сосредоточился на новостном выпуске «Моамбе», это он взял за правило - первым долгом смотреть «Моамбе». Именно «Моамбе» служило ему обильным источником для забористых интервью и фельетонов.

Но в мире, кроме лесных пожаров, ничего интересного не происходило.

Журналист заскучал.

«Как видно, и сегодня придется писать о затопленных селах Самтрედиа. Неужели ни одного митинга даже нигде не проведут. И куда этот народ запропастился?».

Юза был журналистом-оппозиционером и, как говорится, победа оппозиции должна была его обрадовать, но это было не совсем так. В прошлом году он с опаской наблюдал за беготней лидеров оппозиции по маршруту между Тбилиси и Кутаиси.

«Скажем, они победят. И что мне делать дальше, о чем писать, кого ругать-корить? И кому такой журналист, и на кой черт сдался? Сегодня, когда я шкуру с властей сдираю, еще читают мою писанину чуть не на силу, а потом кому она будет нужна».

Нет, никак не желал Юза Гагнидзе свержения правительства, хотя и не знал он, что победа над властями не была желанной и для оппозиционных вождей.

Эти последние вполне смирились бы и с ролью «щипающей» оппозиции, без особых претензий.

Он побрился, позавтракал на ходу. Натянул на лоб некогда кепку с длинным козырьком, а теперь переделанный в берет букле головной убор, накрутил на кисть руки мини-сумку и, выходя, хлопнул дверью.

Стояла жара, но с вершины горы напозла туча, брюхом тяготея к земле, что было знаком: в полдень пойдет дождь.

- Ты ел что-нибудь? - сидевший перед гостиницей на табурете с под-

пиленными ножками, Урия Гершония каждый день обращался к нему с одним и тем же вопросом.

- Вроде бы... Перекусил что-то.

- Чтоб им землю грызть, кто нас до жизни такой довел.

- Я тебе диву даюсь, Гершония. Все бегут, бегут, бегут. А ты чего не сматываешь в Израиль?

- Что я потерял в Израиле, золотце мое? Войны и тридцать три несчастия не хватало мне на старости лет?

- А здесь тебе войны что, мало? Видал, как нас русские переехали?

- Здесь война другая, золотце мое. Здесь война в полтора дня выдыхается, а там уже пятьдесят лет жрут друг друга, не нажрут. Здесь вон Чолаия Эдзгверадзе зашел в ресторан с тбилисскими друзьями покутить, и не успели выпить за то, чтобы вернулись те, кто встал под ружье, как война уж проиграна была.

Юза не стал спорить с Урией Гершония. У чистильщика обуви на все был свой, раз и навсегда устоявшийся, взгляд.

Подходя к Белому мосту, он бросил взгляд на Риони, текущую потоком цвета грязи. Река выходила из берегов, плескаясь по перилам дворца царя Имеретии Соломона.

«Такого половодья Риони в конце октября я не запомню. Похоже на апрельское наводнение. Природа тоже взбесилась в последнее время. Вон там, наверху, видно, в горах Шови идут большие дожди».

Вдоль перил моста прохаживалась женщина в плаще медового цвета и все поглядывала на воду.

Юза успел увидеть, как она сунула ногу в решетку, вторую перекинула и...

- Не прыгай! - взревел Юза, тигриным прыжком подскочил к женщине, вцепился в нее и стащил с мостовых перил.

- Пусти! Умоляю, пусти меня! Все равно прыгну! Чего тебе надо? Чего ты здесь на мою голову нарисовался?! - всхлипывала женщина, вырываясь, стремясь соскользнуть вниз.

Ей не было и тридцати. Волнение и гнев очень украшали ее. В расширенных зрачках перепелиного цвета, казалось, вздрагивали глазные яблоки. По дождевику рассыпались кудри цвета спелой пшеницы. Она попеременно вырывала то одну, то другую руку, оказавшись сильнее, чем думал Юза.

- Пусти же, черт, пусти, не дави мне на плечи... Все равно прыгну... Кто тебя спрашивает... Что ты лезешь не в свое дело!

Он с трудом усадил ее на скамью в парке Цулукидзе. На всякий случай крепко держа за левую кисть.

- Ты в своем уме, женщина?!

Она уставилась на дорожку, посыпанную толченым кирпичом.

Юза повторил вопрос, и женщина оглянулась на него в гневе.

- Все равно прыгну...

- Это твой выбор, но зачем ты сводишь счеты с жизнью - объясни, а потом прыгай куда хочешь.

- Так и надо всем вам.

- Кому всем?

- Всей стране... Отпусти меня, прошу... Я от своего все равно не отступлюсь... Ну что ты лезешь не в свое дело... Иди куда шел...

- У каждого из нас свои беды. Тебя как зовут?

- Тасико.

- У каждого из нас свои беды, Тасико, пойду, конечно, что мне еще остается, но не могу так тебя оставить. Потом всю жизнь каяться буду.

- Аа, вот видишь, то, что я утону, тебя не так беспокоит, как муки собственной совести. Не помог, не спас... А таких, как мы, вы ни в грош не ставите, вот потому-то всем назло я и прыгну, всех накажу своей смертью...

- Ты причину скажи и прыгай, пожалуйста.

Юза решил, что состояние аффекта прошло и высвободил ее зажатую кисть.

- Какие еще причины могут быть... У женщины в моем возрасте ни отца, ни матери, ни мужа... Третий муж вчера выгнал взашей, из ревности, видишь ли... На улице осталась. Вот, смотри (она вывернула карманы плаща) за душой ни копейки. Работу искала, да нет для меня работы, а кто и соглашался принять, так только через постель. Разве не может быть рабочего места для порядочной женщины?!

В это время в парке Цулукидзе появились два молодых полицейских. Огляделись по сторонам и направились прямо по направлению к их скамейке.

Тасико вся изогнулась и прижалась к Юзе.

- Прошу тебя... не отдавай меня им. Скажи, что я твоя невеста. Что я живу у тебя... Прошу... Спаси меня...

Когда полицейские встали перед ними, Тасико вскочила и побежала к мосту.

Полицейские догнали ее, скрутили руки.

- Что вы себе позволяете... Эта женщина со мной... Вы не имеете права... Я журналист!

Юза вынул удостоверение личности.

- Пройдемте с нами, уважаемый, там вам все расскажут, а мы люди маленькие...

В полиции выяснилось следующее:

Дважды судимая за мошенничество Марина Чануквадзе (а вовсе не Тасико), более месяца как приехала в Кутаиси из Тбилиси. Она часто появлялась близ одного из четырех кутаисских мостов (Белого моста, Нового моста, Цепного моста, Красного моста). Стояла и смотрела на

воду. Завидев жертву - интеллигентного на вид, опрятно одетого мужчину, предпринимала попытку броситься с моста в реку. Так, путем жалоб-исповеди решившей свести счеты с жизнью, она устанавливала доверительные отношения со своим спасителем. Пойманный в силки гражданин считал своим долгом чем возможно поспособствовать беспомощной женщине. Бывало, отводил ее домой (Марина не гнушалась и постель разделить со своим спасителем), а когда наивный гражданин чуточку отвлекался, Марина скатывала в сумку какую-нибудь ценную вещьцу а под утро, хорошенько «отоваренная», со слезами на глазах прощалась со спасителем, заверяя, что теперь уж не наложит на себя руки.

Две недели ищем ее, наконец-то заполучили, поведал начальник райотдела полиции Какауридзе.

Юзе дали написать объяснительную, предупредили, что пригласят в суд в качестве свидетеля.

В крайнем изумлении направлялся к себе в редакцию Юза Гагнидзе.

Какая же очаровательная девушка, как она естественно держалась, думал он.

Теперь-то не было сомнений - о чем писать в завтрашний номер. Оставалось только придумать заголовок, и еще - как увязать все это с властями.

Юза ведь, как я уже говорил, был оппозиционным журналистом.

РАССКАЗ КВЕКВЕСКИРИ:

- Культурой меня превосходят, об этом и говорить излишне, было дело, прихожу домой в обеденный перерыв, жена, кушанье ставь на стол. У меня за правило - в первую очередь спрашивать, где Манана, восемнадцать лет ей всего, самое время глаз не спускать и пасти на полянке. Занимаются они, говорит, в гостиной. Открываю дверь. Присоседился к моей девочке сбоку ее ровесник, с виду - петушок молодой, и о чем-то болтают они без умолку (да, забыл сказать, что она в техникуме учится на менеджера). «Здравствуйте, дядя, я однокурсник Мананы, готовимся к экзамену». Грешить не буду, с виду парень хорошо воспитан. «Ну, вы свое дело знаете». Эту фразу я процедил сквозь зубы, дал круг и вышел в лоджию, к телевизору. Не успел я выйти - они двери прикрыли, я сижу как на иголках, а как иначе, дочь моя за дверями закрытыми, с каким-то чубатым сопляком. Ринулся я, настезь обе створки дверей открыл: «Почему двери закрываете, это что, обязательно во время занятий-подготовки?». «А нам телевизор мешает». «Вам не телевизор, вам знаю я, что мешает, а если вы готовитесь к экзаме-

ну, извольте так, при открытых дверях, и чтоб никаких разговоров». В общем, сделали они вид, что позанимались, а я от дверей открытых не отходил, попрощался этот чубчик тихо-мирно, вежливо, и ушел во-свояси. «У тебя что, подруг нет, ты чего сюда заниматься этого петушка прителепала?» - завращал я глазами на дочь. Пока он был в гостях, я не позволял себе никаких выговоров. «Папа, ну что в этом такого, это мой однокурсник, не было у него конспектов, жалко мне его стало». «Ты вот эту плетку на стене видишь? Пока ты маленькая была, я ее не трогал, а сейчас не заставляй меня пороть тебе задницу, как мой покойный отец умел мне всыпать. Смотри на нее, жалко ей стало однокурсника, тебя-то кто пожалеет, когда дело на дело пойдет, покажи мне такого добренького, и вообще, это первый и последний раз, когда ты сюда парня приводишь». Больше она и не приводила, русский разве поступил бы так? Нет, никогда. Не знаю, хорошее это было решение или скверное, но по-другому я в тот момент поступить не мог, это факт.

Теперь я расскажу историю с одним русским, и сравним эти два случая. Спорить не надо. Каждый пусть в сердце держит свое мнение. Теперь, в спокойном расположении духа, я думаю, что у русских больше культуры и понимания ситуации. От тебя я не жду понимания - просто так говорю - на всякий случай.

Я служил в армии, наша дивизия стояла под Москвой. В стройбат я попал. Строили свиноводческий комплекс. Зарплату положили мне тридцать один рубль. Обделенным себя не чувствовал, причин для недовольства жизнью не было, не хватало только того, чего и всем солдатам - девчонки.

Как-то студентов привели к нам на экскурсию, там мы и познакомились. Ее звали Марина. Как выглядела русская девушка-студентка, тебе объяснять не надо, брат, самые красивые женщины в мире - русские, это даже не женщины, с виду они - ангелы, с небес сошедшие, не из глины, не из ребра сотворенные, а слепленные из воска и молока, и не слюна с губ их стекает, а мед течет из уст.

На другой день она меня навестила. Комбат у меня в друзьях-по-братимах ходил. Половину чурчхел-чачи, что мне отец присылал, я отдавал ему. Не то что на ночь -на трое суток отпустит бы меня, попросил бы только.

Накупили хлеба, колбасы, водки (благо, в то время все это еще лежало на прилавках и, главное, стоило копейки), сели в такси, я спросил, куда едем. «Ты чего, грузин, испужался, я отсюда в пятнадцати километрах живу, ко мне и поедем» - Марина.

Да с ней хоть на край света!

Приехали в селение под Москвой, русские это называют поселком. Смотрю на часы - половина одиннадцатого, мороз лютый.

Пока мы поднимались на лифте на пятый этаж, Марина успела ска-

зять, что живет она здесь со старшим братом, а родители, вот уже десять лет, как погибли в авиакатастрофе. Но ты не волнуйся, брата дома нет. Он в Люблино, у своей невесты, у нее дети, он там ночует, обо мне вспоминает разве что в месяц раз, навещивается.

Пока Марина возилась с ключами, из-за дверей послышался басытый голос:

- Кто там?

- Вот тебе и раз, это мой брат, и какая нелегкая его в такой мороз приволокла? - Марина.

Я в лице переменялся. Думал деру дать. Да где в такую пургу такси разыщешь.

- Это я, Марина, гость у нас.

В открытых дверях стоял двухметровый русич, лет тридцати, в майке и трусах.

Зыркнул на меня, мягко говоря, разгневанно, буркнул «извиняюсь» и повернулся спиной.

Марина шла за ним следом. Брат присел на постель, заложил ногу за ногу и юркнул под одеяло.

- Это грузин, мой приятель, он из Свердловска летит транзитом, в нелетный день угодил, завтра улетает в Кутаиси, в гостиницу не смог пристроиться, позвонил, я его пожалела, привезла к нам, - стрекотала Марина.

Повела глазами - мол, пройди в другую комнату, у них двухкомнатная, проходная, между комнатами дверей нет.

Смущенный-насупленный, сиду я за столом, не успев даже шинели снять.

Наконец хозяин подсел, штаны надеты, перегнулся, протер глаза, протянул руку:

- Боря. Повесь шинель на дверной крючок, что ж ты это за грузин такой застенчивый...

У меня имелось две бутылки «Пшеничной», извлек я их и поставил на стол. Марина вынула из сумки хлеб и колбасу.

Сидим. Известное дело, русский если с тобой за стаканом горькой сойдется, так ты ему брат родной, не иначе.

Пьем. Одну бутылку уговорили, я немного встревожен - а ну как нажрется и прогонит меня из дому на мороз. Сейчас-то певчей птичкой разливаются, а мне откуда знать - каков он во хмелю. Но мало-помалу я успокоился и прибодрился. Этот друг любезный Боря хлестал водку - и как с гуся вода. Куда мне с ним тягаться? Я не опивало, к чему скрывать, а водяру с младых ногтей не любил. Да и в винопитии я вряд ли сравнюсь с Гулбатом Чавчавадзе.

К тому же нельзя было терять голову. А ну как поднимется Боря, как выпалит: «До свиданья, дорогой, заходите почаще!» - куда мне тогда

деваться, как быть?

Но... Бог его благослови... Довольный Боря - рот до ушей - накрыл вдруг мой стакан ладонью: «Больше не пей, ночью будет не в кайф, вы, грузины, с водкой не в дружбе». Налил себе, сказал «будем- не забудем», выпил, крикнул, извинился, дескать, спать пойду, завтра рано вставать.

Марина откуда-то вытащила шезлонг, подмигнула мне, занесла его в комнату Бориса, попросила разрешения устроить меня на ночлег в его комнате.

- Почему обязательно в моей? - спросил брат у своей гостеприимной сестры.

Она мнется, улыбается: «Ну, не знаю, он все-таки мужчина».

Он говорит: «Это твой гость, вот и укладывай его у себя».

Марина, мне показалось, такого ответа и ждала от своего добрейшего брата, раскрыла шезлонг в своей комнате, рядом со своей же постелью. Спросила, где я предпочитаю спать.

Я ответил, что мне все равно.

Выключили свет, улеглись, я - на шезлонге, Марина на своей постели. Не проходит и пяти минут, как Марина встает, выносит в ванную мои сапоги и портянки.

Лежу навзничь, для вида закрыв глаза.

Никакие силы не заставят меня заснуть.

Хоть бы борин храп услышать, хоть сердце бы успокоилось.

«Ты что, спишь?» - слышу шепот Марины у самого уха.

«Нет», - моментально, заговорщически отвечаю я.

Она протянула руку и пододвинула шезлонг поближе.

«Пододвинься немножко» - я не замедлил с этим, она мельком взглянула на дверной проем в комнату брата, молнией взметнула одеяло и прижалась ко мне, теплая, сладкая, пьяно пахнущая, вся дрожащая от страсти.

Я впился в ее красивые, пухлые губы.

- Чшш! Осторожно, сумасшедший!

Те, кто работал на шезлонге, знают, что это - не самое удобное ложе. На нем не устроишься, что называется, бок о бок, но вот как бы Боря не возревновал к этой взгорбаченной парочкой постели, подумал я, и предложил Марине... как-нибудь... сбоку...

- Если ты постарайся, все получится, только бы Боря не проснулся, а то бес ревности - тварь слепая.

- Да ты с ума сошел, - отвечает, - буду я голову себе морочить, делать мне больше нечего. Какое время тут пугаться да стесняться, еле добрались до постели. Да ты не знаешь, какой мой брат душка, не бери себе ничего в голову.

Ну, что будет будет, подумал я, и совершил рывок. Постановяваю я в

такие минуты, и Марина не отставала, поэтому мы друг другу поочередно прикладывали ладони к губам. Перебарщивать было нельзя.

Рассвет мы встретили на четвереньках, потом, опустошенные и изнеможенные, с искусанными губами, пьяные смешавшимся дыханием, заснули без задних ног.

Кто-то трясет меня. В комнате вовсю горят лампы, надо мной вышасяется Боря, Марина уткнулась носом в стену, я отодвигаюсь, как бы не съездил мне по мордасам пудовым своим кулаком, по телу проходит дрожь.

- До свиданья. Прости, что разбудил, уже восемь часов, скажи этой дуре, чтобы на лекции не опоздала.

Оставшуюся со вчерашнего водку вылил в стакан до капли, сказал «ну» и проглотил.

- Не вставайте, я сам закрою двери, - руку мне пожал.

Потом я долго еще катал по постели Марину. Вкусная она была потрясающе, но не такая, как ночью. Истомленная немного, полусонная, да и вообще утром женщина тускнее, да еще когда ее впервые распробуешь. У первой ягоды особый аромат... Так мне кажется, не знаю.

РАССКАЗ БУХАИДЗЕ:

- Я долго не женился, расскажу вам историю из холостяцкой жизни.

С работы уходил я или на полтора часа раньше, или на полтора часа позже. Если попадал в «час пик», дело пропащее. Нервы все вытреплю, это само собой, да еще и ни пуговички на рубашке не останется. Такая толкотня и давка, не отскочить, не отпрыгнуть. А в тот день делать была нечего, мы с Парткуной с утра до вечера «забывали козла», а часам к шести я смотал удочки.

Декабрь. Но если бы не ветер, было бы не так уж холодно. Свой день рождения проклянешь, когда к тебе под плащ заберется со свистом этот вихрь. Надел бы лучше свое старое пальто. Но у каждого свои заскоки, а я с детства почему-то терпеть не мог пальто.

Покрутило меня, повертело, дотащился кое-как пешком домой.

Работаю я на повороте к Цкалтубо. Дежурю на упраздненной водочке. Сорок два лари платят мне в месяц. Что мы сторожим, и сами не знаем, трое нас, дежурных. Сначала воду нам перекрыли, потом телефон унесли, а в конце концов и табличку со стены сняли (посетители чтобы не беспокоили). Сидим в холодной камере. Один-два винтовых крана, да и те ржавые-перекосившиеся. Какой там вор - если даже подарить кому, так он неделю их не открутит.

До площади я дошел пешком. Народ на остановку все прибывал и прибывал. «Маршрутки» упразднили, троллейбусы ходить перестали, и

пустили по огромному городу одни лишь списанные в какой-то стране желтые автобусы.

Более часа стоял я. С противоположной стороны трижды появлялись автобусы, в мою сторону - ни одного. Я подумал - перейду дорогу и доеду хоть до поворота Парцханаканеви. Оттуда на чем-нибудь поеду. Перехожу - и вот тебе везение! С покинутой моей стороны минут через десять подходит автобус. Перебежать обратно, конечно, не успеваю.

Короче, около девяти, весь ооченевший от холода и измученный, добрался я до дома.

Проклято Господом холостяцкое существование.

Если тебе некому в доме чаю вскипятить, разве можно такого назвать человеком?

Отломил я хлеба да сыру (чайник ставить поленился), включил телевизор и прилег. Думаю, просмотрю «Курьер» и засну себе.

Начался «Курьер», и тут же раздается звонок.

Обычно, перед тем как откликнуться, я заглядываю в «глазок». Бывает, заходят мои старые женщины. «Старыми» я зову их потому, что никого нет среди них моложе пятидесяти. А новых где взять... Русских женщин из Грузии устранили, а местные молодые бляди такие цены заламывают (особенно со стариков вроде меня) - не по моему облезлому карману.

Да и не до женщин было мне, и не хотел я, по правде говоря, двери открывать.

Ну-ка посмотрим... незнакомая девушка. Мой «глазок» замутился, и в последнее время подводит. Но должно быть, молодая.

- Вам кого, - спрашиваю.

Отвечает, дома ли Сосо Бухайдзе?

- Это я, а вы кто будете?

Двери не открываю.

- Я ваша соседка, из дома рядом, если можно, у меня к вам одна просьба.

Как услышал я «просьба», поморщился. Я живу на первом этаже, и часто в двери стучатся попрошайки «новой моды» - у меня ребенок больной, окажите вспомоществование, или у меня заключенный на попечении, помогите чем можете. А какой из меня благотворитель.

Но двери все-таки открыл.

Она вошла, выс-о-окая девушка, ножки стройненькие. Одета в джинсы и коричневую кожаную куртку. Сняла чуть не на нос натянутую вязаную шапочку и выпростала заплетенные косы. «Мир дому сему», - бесцеремонно придвинула табурет и села. Длинный разрез глаз и пухлые зовущие губы, не накрашена, значит, не уличная шлюха, а так вообще... Кто поймет женщин, все мы немножко бляди, как говорила моя покойная бабушка.

Я потянулся за брюками, был-то в длинных полу-шортах, полу-трусах.

- Не беспокойтесь, оставайтесь как есть.

Я все-таки натянул штаны. Присел на диван и молчу в ожидании.

- Я по ту сторону улицы живу, в пятиэтажке рядом с общежитием, в первом подъезде, на четвертом этаже. Удивились, наверное, моему приходу.

- А, в этом доме живет Тенгиз Цинцадзе.

- Чем занимается?

- Работает в лаборатории пищевых продуктов.

- На лицо знаю, наверное, а вообще я там только два месяца живу, в квартире мужа моего, Санеблидзе. Он сын адвоката Санеблидзе, знаете ведь адвоката Санеблидзе.

Я его не знал, но головой кивнул, так, из вежливости.

- А со мной вы знакомы?

- Лично нет, но из моего дома виден ваш балкон, и вас я часто вижу.

- Ну-ка, покажите, где ваше окно.

Она подошла к окну, ой, какая походка, какие ножки, женщина мечты, одним словом, к тому же без комплексов, сразу видно. Прижалась ко мне и показывает куда-то вверх: «Вон то, освещенное, нет, не справа, третье слева».

- Вижу, вижу, вон то, затемненное.

- Да нет же, освещенное. Ну куда же ты смотришь, я же показываю в другую сторону, - засмеялась и пододвинула свою изящную попку поближе.

Кладу руки ей на плечи, и меня пробивает дрожь.

- Ну-ка, ну-ка, разгулялся старичок, не слишком ли... - сердитых ноток не слышалось в ее словах, так, подслащенная укоризна. Сбросила мои руки и вернулась на свой табурет.

- Я с мужем переругалась, если можно, дай мне заночевать у тебя, завтра уеду в Глдани, к тетке.

- С чего вам ссориться, ты такая чудесная девушка, или у твоего мужа голова не варит? Как он ночью из дому выпустил такую лангджейрана? Какой повод нашли вы для скандала, слуханое ли дело?

Вроде как умиротворяю, утихомириваю, ни дать ни взять, дядюшка родной.

- Не возьмется за ум, я с ним жить не останусь. Сегодня в четвертый раз учуяла от него запах анаши. Как вошел - глаза мутные, запах волной, не выношу эту вонь, с ног сбивает, позывы рвотные начинаются.

- Вот так счастье на долю порой выпадает, надо же именно тебе с таким пересечься судьбами. Хотя что поймешь поначалу... Как зовут тебя?

- Лелой зовут.

- Ничего не заподозрила с самого начала, Лела?

- Не знаю, чтоб мне пусто было. Видно, долго он уже курит. Два месяца... медовых... терпел, а теперь как начал. Повидаюсь с его отцом и матерью, и если он не прекратит, пусть отдадут мне мою долю, что положено, и пойду своей дорогой.

Я спрашиваю, не беременна ли она, словно родственник близкий, заботливо.

- Нет, нет, это точно, Бог миловал, не хватало мне только ребенка от такого.

- Сама знаешь свое дело, но семью разрушать - негоже. Хотя не скажу, что много исправившихся наркоманов видел под этим небом. Они мастера водить за нос: сегодня бросил, завтра бросил, а послезавтра последнюю рубашку за дозу продал.

Одним словом, слушает она мои наставления да головой кивает согласо. В спор не вступает.

Спрашивает, где я работаю.

Когда ответил - дежурным на водокачке, она засмеялась, мол, все время при галстукке ходишь, я-то думала, ты как минимум лектор. У тебя что, одна только эта комната? Оглядела ее всю, я говорю, да, одна эта.

- А жена? - спрашивает.

- Не только жену, себя содержать еле удастся.

- Правильно поступаешь, что дороже свободы, хоть бы и я замуж не выскакивала.

Посмотрели немного телевизор, я зритель «Ворожбы», третий год

ни одной серии не пропускаю. А Лела ценительница «Ченто Ветрине», вот и настояла, чтобы я на этот сериал переключил.

Как выяснила, что у меня одна только тахта за спальное место, озадачилась:

- А меня куда уложишь, гостью, уважаемый Сосо, пораскинь-ка мозгами.

- Чем богаты, тем и рады, дорогая моя Лела, на этой единственной арабской тахте мы и вдвоем уместимся, я полагаю.

- Ты хоть и старенький, а все же мужчина, и как бы я ни была сердита, ты ведь не думаешь, что в первую же ночь после ссоры с мужем, с первым встречным дядечкой я пойду на супружескую измену?

Сказала как отрезала.

- О какой измене речь? Лела, милая моя, я ведь тебя не приглашал, а завтра в семь часов мне вставать. Если не выплыву - работа у меня такая - прикорну, и весь город без воды останется. Я не могу обещать, что уложу тебя на тахту, а сам перекантуюсь на скамейке. Положа руку на сердце, мы тут оба вполне уместимся, здесь две женщины твоего калибра со мной ночевали.

- Тогда дай слово, что не притронешься ко мне.

- Как ты повелишь.

- Зайди, прими душ, я за тобой. Стесняюсь я раздеваться перед чужим мужчиной.

Я обмылся и лег под одеяло.

- Уткнись в стену, сюда не оборачивайся, можешь заснуть, - распоряжается она.

Слышу шелест одежды - раздевается - но сдерживаюсь, не смотрю.

- Можно ведь твои шлепанцы надеть, грибка на ноге не имеешь?

- Не имею, - отвечаю я, - чистое полотенце там, в шкафу, возьми с верхней полки, синее в полоску, мыло в ванной.

Хорошо еще, шампунь не попросила.

Она выключила свет и мылась так долго, что меня охватила дремота, которую я чуть не зубами грыз, чтоб не провалиться в сон.

Легла наконец. Я по-прежнему носом к стене. Она поначалу спиной ко мне притерлась, попу к попе прислонила. Потом перевернулась навзничь. В конце концов устроилась лицом ко мне, спиной повернутому, перекинула ножку через меня и поцеловала чуть ниже затылка.

На мою попытку перевернуться последовал жесткий отказ.

- Нет, нет, ни в коем случае. Оставайся так, у стены. Как есть. Ты холостяк, где тебя только не носит, занесешь мне еще чего-нибудь. Заклиная всеми, кем ты клянешься, не поворачивайся. Я вот так погреемся немножко на спинке твоей, да и засну. А знаешь, как ты хорошо пахнешь, это запах мужчины отменного здоровья...

Полчаса выдерживал я ее горячее дыхание у самой мочки. Ну, а

потом повернулся, чему удивиться. То, что она лежала совершенно обнаженной, я и спиной чувствовал.

Она раздвинула ноги и раскинула руки по верху подушки.

Я сполз чуть ниже, к краюшку тахты, стал на четвереньки, изогнувшись, между кончиков пальцев ее ножек, уперся ступнями в стену, ухватился обеими руками за голени выше щиколотки и пододвинул ее к себе.

«Нет, нет... Не надо пока... Больно... Прошу, не надо пока... О-о... Ты меня раздавишь... Какой ты тяжелый, мне плохо сердцем... Приподнимись немного... Дай вздохнуть... Ты меня расплющил...» - я настолько проникся жалостью, что поднял ее за руки и не стал дожидать, всей тяжестью наперев на грудь - иного милосердия она и не просила, да и я уже выбился из сил.

А утром случилось то, что случилось:

Я разбудил ее, уснувшую на моем плече, в шесть утра.

- Не обижайся, Лела, я на работу опаздываю.

- Куда я ни свет, ни заря попрусь, иди себе на работу, а я выплую и сама двери закрою.

- Не обижайся, Лела, не могу я тебя оставить, к полудню тетка моя должна подъехать из Квители, старенькая она, как тебя увидит, застесняется.

Она встала, быстро привела себя в порядок.

Потом я пошел принимать душ, и когда вышел из ванной, вижу, Лела что-то ищет. Ищет на полу, на столе, перебрала книги, опрокинула сумочку, со всем ее содержимым, на стул.

- Хватит, брось эти шутки, отдавай мое колицоу, - и смотрит мне в глаза, не мигая.

- Какое еще колицоу, что, крыша поехала? - спрашиваю.

- Я же на твоих глазах вчера сняла обручальное кольцо, ты хоршенько вспомни. Массивное колицоу, старинное червонное золото, я еще тебе его показывала.

Явно лукавит.

- Никакого кольца я не помню и не видывал, - отвечаю.

Она сначала ныла-хныкала, муж меня задушит, как узнает, что я свадебное кольцо потеряла. Потом перешла на угрозы, доверилась, мол, ведь пожилой человек, а оказался кем. Вот вы все такие, грузинские мужчины, русский бы такого себе не позволил. Откуда хочешь роди мне сейчас же мое обручальное кольцо, а то я вызову патруль и на тебя откроют два дела - и за кражу кольца и за изнасилование.

Ого-го, Лела не шутит.

Мне только кляуз не хватало, мне только патруля с полицией впридачу не хватало.

А она все наращивает децибелы, скоро на крик сорвется.

- Сколько стоит твое кольцо? - спрашиваю я после того, как мы все углы обрыскали и ничего не обнаружили.

- Минимум 250 лари, но зачем мне деньги, мне нужно мое кольцо.

У меня на черный день 200 лари было припрятано. Я их достал из гардероба и протянул ей.

- Больше у меня нет, хоть головой вниз тряси. И как это у меня рука не отсохла, когда двери ей открывал.

- Я и за двести пятьдесят чистыми кольца все равно не найду. Пусть уж лучше патруль приходит, пусть разберется, что тут между нами произошло.

- Слушай, девочка, бери пока что дают, а вечером приходи к семи часам, я одолжу еще пятьдесят лари и отдам тебе. Опоздал я уже на работу, умоляю тебя, креста, что ли, на тебе нет?

Взяла она в конце концов эти деньги и скрылась за дверью.

Целый день на работе я скрипел зубами - то от злости, то от стыда.

Ну нет, не похожа она была на вконец бесстыжую.

Такая страстная, ласковая...

Затасканные мошенницы ласковыми не бывают.

Одолжил я у нашего бухгалтера пятьдесят лари, сижу и жду Лелу.

Она пришла ровно в семь.

Казалась немного пристыженной, но вошла с каким-то горделиво-ироничным выражением лица. Села там же, где и вчера. У меня всего два стула. Один стоит в изголовье постели, а на другом - телефонный аппарат. Она открыла кожаную сумочку на коротком ремешке, вынула деньги и говорит:

- Уважаемый Сосо, ты не тот человек, которого можно нагревать на деньги. У меня целый день мурашки по коже бегали и шум в ушах донимал. Такие дела я не впервые проворачиваю, но ты какой-то не такой, как другие, а вчерашняя ночь и сегодняшний день убедили меня в том, что остатков совести и я не лишена.

Вот твои двести лари и, если позволишь, я останусь у тебя этой ночью. Только этой, один и последний раз. Больше я тебя не побеспокою.

Действительно, больше она не приходила.

Даже на улице ни разу не встретилась.

РАССКАЗ ХОХОБАДЗЕ:

- Передам рассказ моей племянницы, слово в слово, как слышал от нее:

«Вечно я в истории вляпываюсь, вечно в такие передрыги впутываюсь, что даже простой кран открываю и удивляюсь, если вода потечет, о! - думаю, надо же, вода, однако, и радуюсь, как ребенок. А кой еще

черт должен из этого крана пойти, но говорю же тебе, странная у меня судьба. Думаю, что кто-то со дня рождения меня преследует и все в моей жизни с ног на голову переставляет. Будто бы разыгрывает меня по своему настроению. Как ему в голову взбредет - то на волосок от беды подвесит, то в тупик загонит, но не погубит, в конце концов помилует, вот почему я так спокойна. Знаю, как ни всполошится этот мир, какая сумятица его ни охватит - все в конце концов устаканится, и конец будет счастливым. Мне кажется, сидит на плечах у меня какой-то ангел - шутник-озорник, то выдумает какое-нибудь страшное приключение, я рот разину, оторопею, а потом сам же и выручит из беды, да будет имя его благословенно.

Среди семи братьев и сестер я была младшей, последышем, как таких называют. Было мне года три с половиной, как повели меня три сестры, старшие, разумеется, по грибы. Старшие-то старшие, да вот ненамного, и умом не блистали. По ту сторону Надиквари, в лес пошли мы грибы собирать. А я сызмальства была без царя в голове и как заводная - не удержать на месте. Крутилась-вертелась, как ртуть. Туда-сюда, туда-сюда. И мои домашние тоже мне подстать, и отец у нас не слишком степенно-чинный. Тоже живчик заводной.

Да вот, рассказывала я, что в поисках грибов отвлеклись мои выскокочимые сестрички. И я улучила минутку. Ринулась в кусты беспризорной курочкой, далеко не уйти было, но из поля их зрения я исчезла. Смутно помню я эту историю, знаю ее с чужих слов и поэтому врать не стану: слышала, как сестры меня звали, но не подала голоса. То ли от испуга ничего не видела и не слышала, оказавшись в лесу, то ли просто решила не отвечать. Возвратились сестры мои домой, то воя, то всхлипывая. Так и так, мол, Чутаи (в детстве меня Чутаи называли) пропала. В поисках мы все ноги ободрали по зарослям, нигде не нашли. Мама моя подняла такой рев - всю деревню на ноги подняла, от мала до велика. Взялся народ за дело. Всю ночь меня искали с факелами-светильниками, но - то ли в небеса я вознеслась, то ли сквозь землю провалилась - и на след даже не напали. На другой день спустились к реке Алазани, где стоит военная база, и там плача и стеноя, помощи просили - в лесу пропал ребенок трехлетний, может, вы найдете...

Чего там долго распылаться, на рассвете четвертого дня нашла меня солдатская собака, полуживую-полумертвую, три дня не евшую, в кустах у родника лежащую, без чувств, как оказалось. На второй день в больнице я пришла в сознание (какое сознание может быть у ребенка в три с половиной года!). Все вокруг причитали: и как ее гиена не загрызла, и как на нее волки-шакалы не набросились. Она ведь плакала-надрывалась, пока сил хватало, и где она спала ночью, и как там никакая тварь пресмыкающаяся не проползла, и как она не простудилась. Ну, в общем, это позже мне рассказывали, сама ничего не помню.

Вот так-то, в скоморошничанье, в сальтокручении странных происшествий и проходила моя жизнь. А вы что же не спрашиваете, как я вышла замуж? Расскажу и эту историю. Двадцать восьмого числа желтого месяца (сентября), не забуду, мне как раз девятнадцать лет исполнилось, двадцать пятого родилась я на свет. Привела я все в порядок и решила подарить себе прогулку по Телави. Всегда любила я выходить в город в одиночестве. От нашего селения Икалто до Телави - рукой подать. И пяти километров не будет. В начале Ниагврийской улицы, возле духана фотографа Шахро какой-то долговязый хевсур забавлялся с медвежонок. Я встала и принялась глазеть вместе с дру-

гими зеваками. Удовольствия получила - выше крыши, я его и сейчас помню - милейший пушистый медвежонок.

Вдруг чувствую - кто-то меня касается и прикрывает сзади глаза ладонями. Интересно, кто это может быть, кто меня может знать здесь, в центре города? А это мой одноклассник, наш, деревенский парень, верный солдат-Сандалик, из армии вернулся. Сдал документы в педагогический институт и на обратном пути вдруг заметил меня, глаз положил. Он в армии стал еще чернее. Сказать по правде, Сандала мне никогда не был по сердцу. Может, потому, что я тоже смугляночка. В школе я была влюблена в светловолосого мальчика с голубыми глазами, и для него тоже со мною вместе всходили солнце и луна. Он учился теперь в Тбилиси, и мы беспрестанно переписывались.

- Дело у меня к тебе, - говорит Сандала.

- Знаю, какое у тебя дело, - отвечаю. - Да только приподзнился ты. Замужем уже «молочный поросенок».

Ему нравилась моя двоюродная сестра. До армии он все ходил за мной, как заговоренный: ты мне должна помочь, уладь мне дело с «молочным поросенком». А эта девочка, Кети ее звали, уперлась - хоть режь меня, не нравится он мне, не трогает душу. А вернется из армии, как бы чего не выкинул - и не дожидаясь Сандала, пошла за парня из Руиспири. Услышав это, сник мой бедный одноклассник.

- Эх, а я так надеялся, а я так ее любил... И твоя в том вина, плохой из тебя посредник.

- Да если бы я сваховские хитрости ведала, себя бы просватала, - отвечаю.

- А у тебя как с тем, твоим?

- Как-как, он в Тбилиси, а я здесь кукую, таю свечкой в ожидании.

Ну, вы понимаете, чего мне рассказывать, по девятнадцать лет молкососам, какие там у них мозги.

Он говорит, на кофе с мороженым тебя приглашаю. Отвечаю - это дорого, не нужно, Сандо, тот Телави, который ты помнишь, его больше нет. Все вздорожало.

- Сандал Шотаевич отвечай, - он хлопнул себя по карману.

Смеркалось. На спуске у старого дуба мы зашли в кафе. Истосковавшуюся по посетителям Мальвину (в одном лице заведующую, буфетчицу и официантку) мы попросили взвесить по двести граммов мороженого, а кофе у нее не было, так что взяли по стаканчику сока шиповника и сели в уголке. Сандал предусмотрительно оплатил заказ заранее. Теперь-то я понимаю, красовался парень: вот я каков - девушку на мороженое приглашаю.

Обменялись мы новостями - я о нашей сельской жизни рассказала, он армейские истории выкладывал, посмеялись от души (торопиться было некуда), а когда собрались уходить, обоих как холодным душем окатило: на дверях висел замок размером со спелую айву. Гадать тут было нечего: Мальвина просто-напросто забыла о приютившихся на отшибе, за столбом, клиентах, даже и не заметила нас, навесила на дверь замок запломбировала и ушла. Кафе тогда только открылось, и по этой ли причине или ввиду дороговизны, посетителей было мало.

Потолкали мы двери, как запертые в клетке птички, да куда там. Как назло, стемнело так, что ни одного прохожего и близко не появилось - если вы бывали в кафе у Мальвины, то знаете, что оно стоит поодаль от путей-дорог, и скрыто от глаз людских. «Дома у меня с ума сойдут», - говорю я и начинаю колошматить в витрину кулаками. А Сандала еще смеется: «Угомонись, меня, что ли, дома не ждут, не разрушай заведение, если соберутся сейчас люди, мало нам не покажется, мы ведь не чужаки, как-нибудь перетерпим до утра, а утром нас освободят с «гаупвахты».

«Ты что, помешался, бродяга окаянный, меня мать растила-воспи-

тывала для того, чтобы я с тобой всю ночь до утра в кафе проводила? Ты случайно не спугал наши места с Россией, привык, что ли, в армии к таким ночным подругам?». «Ну, перестань уже лягаться, как осленок, все в этом мире по воле провидения происходит. Значит, Богу было так угодно. А то я мечтал застрять с тобой в этом кафе. Ты девушка, должна быть трезвее, повнимательнее. Почему не обратила внимание, что Мальвина уходит?»

Ну, я завтра им покажу, где раки зимуют, поймали нас, как сторож полевой козочек в загон».

Не переставая, балагурил-лицедействовал Сандала и в конце концов рассмешил девочку, дрожавшую, как лань при виде охотника.

В жизни столько мороженого с шоколадом мы с Сандалом не ели и в жизни столько сока шиповника не пили.

А потом нас сморил сон. Вижу - он как-то по-другому на меня уставился.

- Ты гляди у меня, шалости не затевай, а то по башке огрею вот этим подносом алюминиевым, - говорю.

- Чего ты огрызаешься. Чем это я хуже тебя, что с того, что черненький, ау, у твоего избранника Тамаза в Тбилиси таких, как ты, много водится. Разве я свое имя не запятнаю, когда утром отсюда буду на глазах всего Телави вышагивать, я, присягу дававший, в армии отслуживший парень?»

Судьбу не обманешь. Оглядела я его еще разок, и надо заметить, не показался мне Сандала таким уж черным-пречерным. Может, это и вправду судьба, может, Бог его мне послал, и теперь, если дотронусь до него, может, Бог соединит наши руки...

Расстелили мы на полу квадратный брезент и улеглись, надеясь еще на самообман. Оба решили не поддаваться на зов плоти, но когда это огонь и бензин мирно сосуществовали?

- Что ты делаешь, тебе говорю, Сандал! (это когда дело на дело пошло), не вводи меня во грех, знай, руки на себя наложу! - бормотала я, вся им стиснутая.

- Не бойся, жизнь моя, я ведь мужчина, не зверь какой-нибудь лесной. Ты теперь моя, конечно-заметано, и до гробовой доски мне никого больше не надобно.

Мог бы даже и не говорить, и у меня не было больше стремлений, и у него. Чему быть, того не миновать.

Крестной первого нашего ребенка стала Мальвина.

РАССКАЗ ЛАВРЕНТИЯ МИКАВА:

- Вспоминаю старую историю. Она произошла с одним из моих предков в конце девятнадцатого века. Значит, за сто лет перевалило этому происшествию. Дядя дедушки моего дедушки Котэ Микава в нашем родовом генеалогическом древе увенчивает довольно крупную ветвь - жил он в Поти, справил уж сорокалетие, человек был семейный, не юноша, понятно, когда это произошло (а ошибку, если это была ошибка, можно было объяснить только юностью).

В Поти была развернута городская избирательная компания. Срок полномочий городского головы - некоего Зумбадзе - истекал со дня на день. Дело идет к тому, что Зумбадзе не переизберут. Он человек грубый и неотзывчивый. Разумеется, приспешник России и проводник колониальной политики. Поэтому народом не любим. Единственный реальный кандидат на пост градоначальника - Котэ Микава. Обученный в Петербурге морской инженер, красноречивый и мягкосердечный, он пользовался, как говорится, всеобщей симпатией. Зумбадзе, который, как смерти, боится потери своего кресла, обо всем этом знает и исходит бешенством. Какие только средства не использовал он, чтобы устранить опасного соперника, да все напрасно. Котэ в то же время был председателем портового акционерного общества, а также возглавлял Потийское рыболовство. То подбрасывали ему контрабанду, то однажды заслали греческого миссионера, чтобы взятку влихнул, да ничего не вышло - кремнево крепок был Микава и в расставленные сети не попадался.

Дни летят, в отчаянии Зумбадзе с утра до вечера ломает голову, ища путей-дорог компрометации Котэ Микава, и вот наконец придумывает.

Городской голова подсылает к Микава собственную жену. Сидит Котэ в один прекрасный день в собственной конторе. Ему сообщают - вас спрашивает приехавшая в экипаже красивая дама из высшего света, с веером в руках, в пенсне. Котэ видел этот экипаж, разумеется, узнал жену городского головы, вышел, подал ей руку, гостыя нежно протянула для поцелуя свои белые пухлые пальчики, осторожно прыгнула на землю. Она была полурусской-полугрузинкой, дочерью какого-то самурзаканского купца, знал я ее фамилию, да позабыл.

Женщина с заговорщическим видом заглянула в кабинет Котэ, никто, мол, не подслушивает нас, и зачирикала: я уже больше года с ума схожу от любви к тебе: мой бука-муж осточертел мне давно. Я не могу более терпеть. Дела складываются так, что скоро мы можем навсегда отсюда уехать, но знай: если ты меня отвергнешь, жить я не останусь.

Кто из нас равнодушен к женщинам, но Котэ Микава, как оказалось, и в этом деле проявлял выдержку.

- Ты умерь-ка свой пыл, госпожа моя, ты не забыла, что оба мы свя-

заны клятвой перед Богом хранить святость семейных уз, не сработает твой замысел...

Женщина, знаешь сам, на две недели раньше сатаны на свет появилась, об отказе даже и слушать не желает. Говорит: «Если хоть раз не удостоюсь я счастья затаить дыхание в твоих объятиях, меня найдут повешенной вот на этой магнолии, в саду. Я все рассчитала. Завтра из Тбилиси приезжает первый помощник царского наместника, осматривать деревообрабатывающий промысел, мужа моего целый день не будет дома, так что я жду тебя в таком-то часу».

Женщина слеза камень точит, господи мои, сломался и Котэ, хоть и был молодцом, не устоял под напором женских чар.

Прибыл он на другой день в назначенное время. Двери открыла ему сама супруга градоначальника. «Тише! - приложила ему к губам ладонь. - В соседней комнате служанка гладит белье, как бы не заметила нас. На цыпочках завела его в спальню. Давай же, разденемся и ляжем, мой сокол, я не могу больше терпеть, я хочу тебя!»

Котэ разделся (с ее помощью), долой азиатские сапоги и брюки-галифе. Внезапно она измерила взглядом расстеленную постель. «Нет, с постелью мужа меня связывают неприятные воспоминания, перейдем в другую спальню». Котэ Микава в одной руке держит сапоги и брюки-галифе, а другой рукой обнимает возлюбленную и нежно-бережно ведет «в другую спальню».

- Темно. Ты подожди здесь, я принесу свечу. Мгновение - и гостиная озарилась светом.

Как вы думаете, что там произошло? А вот что. В креслах расположились помощник царского наместника, городской голова Зумбадзе, полицмейстер Потти, шеф тайной полиции и еще два-три высокого ранга чиновника.

Стоит Котэ Микава, босой, в одних трусах, держит в руках сапоги да брюки-галифе. Женщина наигранно вскрикнула: «Ах!» - нежно так, закрепила свечу в подсвечнике и вышла.

- Чем обязаны мы, господин Котэ, этому вашему ночному костюмированному маскараду? - вкрадчиво спросил Зумбадзе.

...На другой день Котэ Микава продал свой дом за бесценок, перекинул через бурку кожаную суму - и больше никогда не появлялся в Потти.

РАССКАЗ БУХАИДЗЕ:

- Особо волнительного, что ни говори, со мной ничего не случилось. Водолечение прописали, а иначе какого беса я потерял в этом Саирме. Желчный пузырь у меня камнями забит.

А эта Земфира - грех мой тяжкий - в соседнем номере, на четвертом этаже, проживала.

Вывешивая на балконе носки, как-то раз положил я глаз на нее. Она тоже, в халатике, развешивала белье на веревке.

Говорю: «Здравствуй, соседка, она не отвечает».

И огорчилось это немного, но и порадовало.

Огорчило потому, что, как ни крути, а это невежливо, подумаешь, какая цаца, я же всей душой тебя приветствовал, что стоило ответить, напустила мне досады в сердце, прямо с утра.

А порадовало потому, что по-видимому, девочка хороших правил, шуры-муры с соседями не затевает.

Знает, что все шашни с незнакомцами начинаются с обмена приветствиями. Потом - шаг через порог, вошла, лести наслушалась, чмоки-обниманцы и всякая еще чертовщина.

Отдохнуть приехала женщина, хочет побыть в одиночестве, думаю.

Да и я, сказать по правде, эти двенадцать дней собирался полознуть, холить да лелеять свой желчный пузырь, и ничего другого.

Эти реформы так по моим нервам ударили, что если не улепетнуть на отдых, размышлял я, священник не успеет ко мне на исповедь, вот и оказался в Саирме.

Земфира, насколько я успел заметить с первого взгляда на балконе, девушка высокая, ножки стройные.

Ей лет двадцать шесть-двадцать семь было, не больше.

По крайней мере, на вид я так определил, а в метрику к ней не заглядывал.

С того дня, хочешь верь, хочешь нет, я не видел ее вплоть до того случая.

И в столовой даже мельком не замечал, и по лестницам она не сновала.

Божиться не буду, но пару раз замечал я на ее балконе длинноносого мужчину в шляпе да при галстук.

Сидел себе этот черноусый - руки на коленях, оглядывал ельник на плоскогорье.

И сколько раз ни выходил я на балкон, он приподнимался и приветствовал меня:

- Здравствуйте, уважаемый!

Я молча кивал головой и думал, пора бы гостю Земфиры немного поостыть, а то куда это годится - по три раза в день здороваться с одним и тем же человеком.

В аргентинско-бразильских 635-серийных фильмах появляются ведь сельские учителя и страховые агенты - именно на них и был похож знакомый Земфиры.

И вот еще что я заметил: они никогда не выходили на балкон вдво-

ем. Или сначала появлялся Карло (имя его мне уже после того случая назвала Земфира), долго сидел неподвижно, прислонившись к сложенному зонту. А как только выходила Земфира, Карло тут же вскакивал и уходил в комнату.

11 августа 2005 года, ровно на пятый день после моего приезда, в восемь часов утра, когда я только закончил гладить брюки и собирался пойти пить целебные воды, кто-то постучал.

Открываю. В дверях стоит Земфира.

- Пожалуйста, присаживайтесь, - стул подвигаю, как положено.

- Время ли мне сейчас расслаживаться? - то ли спросила, то ли отчеканила она, бросила на стол ридикюль, потом нервно сдернула с рук кожаные перчатки и тоже швырнула на стол.

- Что случилось, надеюсь, ничего страшного? - что еще мне было спрашивать... Перчатки, надо признаться, меня удивили.

- Что, да изнасиловали меня накануне.

Не знаю, от неожиданности или от потрясения, я засмеялся.

- Что тут смешного, ты умом тронулся? - разгневалась Земфира, села на стул, закрыла глаза ладонями и завопила так истошно, что я уверовался - ее действительно изнасиловали, причем убедительно, в пух и прах поимели.

- Кто... Да, но... Изнасиловать - это ж не по плечу потрепать? - изо всех сил стараюсь сохранить серьезный вид, но как представляю Земфиру в трагический момент изнасилования, губы сами растягиваются в улыбке.

- Кто, да этот дебил Карло.

Я спросил, а кто такой Карло.

- А тот, что сидел у меня на балконе как заговоренный и не двигался, который с тобой почему зря здоровался, вот тот самый.

Я сказал ей, что Карло - не Карлсон, чтобы на балкон к ней с крыши слететь, сама, небось, двери открывала.

- Я-то думала, парень-ягненок. Он со мной на ингаляции ходил. Я в одиночестве чуть не оглохла, а тут вздохнула - будет хоть с кем поговорить, чей-то голос услышать, вот и впустила. Разве ж могла себе представить... Он хоть зла в сердце держать не будет, уверена была. Ну, могла я себе... - и Земфира зарыдала уже по четвертому кругу.

- О чем и чем ты думала, Земфира?! - получилось у меня чуть громче, чем надо бы. Видимо, нервы подвели. К тому же было очень удивительно, почему вдруг Земфира решила вовлечь меня в бурлящее течение собственной жизни.

Мне что, своих мытарств не хватает?

Не скрою, не мог себе представить, чтобы хоть на что-то был способен этот червь земляной, этот крот; и так искренне, так праведно страдает Земфира, что сердце жжет от жалости к ней.

- Ладно, Земфира, не балдей, - говорю. - Если ты заметила, что он способен на дело, почему сразу не отшила его. Говорю как с близкой, хотя кто мне поручал опекунство над Земфирой.

- Да поздно уже было, когда я это заметила.

В такой ситуации надо охать-ахать в унисон с пострадавшей, что еще остается делать.

К тому же, во-первых, ни Карло я не знаю, ни соседка по дому отдыха Земфира не настолько мне близка, чтобы голову из-за нее терять, рвать на себе одежды, отвести Карло в лес под пистолетом и пытаться почему ты Земфиру изнасиловал.

- Да, нехорошее дело вышло, Земфира, - сказал я как бы про себя. Приложил палец правой руки к виску (как на портрете Акакия Церетели в школьных учебниках) и оперся рукой о стол - что-то мне не кажется, что Карло пошел бы на такую жертву, помнишь хоть, как это было?

- Конечно, помню, не пьяна была, - всхлипывает Земфира.

- И что, все по полной программе прошло?

- По полной, наверно, не знаю, я внутрь не заглядывала.

- Ты до того была с мужчиной, Земфира? - какое мне дело, но какой-то спортивный интерес побуждал меня задавать эти вопросы. Мне было интересно выяснить все до конца. Может, не совсем пропащее дело, можно выход найти.

- Ты думаешь, с кем имеешь дело?! - засверкала глазами Земфира.

- Если б у меня был уже мужчина, зашла бы я к тебе этим утром?!

Она встала, сгребла со стола сумку и перчатки, и, грозя пальцем, вещала: «Не будь я женщиной, если этого Карло дегенерата, этого Карло кобеля, этого Карло осла неотесанного, этого Карло бычка бодливого (к этому сравнению я прислушался особенно внимательно). Если я его в тюрьме не сгною, увидит он у меня, пень глухонемой, этот жеребец квадратный! Таким место за решеткой, что им на воле делать!».

Этот монолог она произнесла в центре комнаты, в стиле Астасии Панасиу, повернулась и пошла к дверям. Я следовал за ней, не умолкая:

- Пораскинешь мозгами, может, не стоит предавать это огласке, катать твое имя по улицам, что бы там ни было, ты молода. Может, к врачу обратиться! Бывает, и до плевых не добираются, когда все так внезапно происходит, как мужчина тебе говорю, может, и с самим Карло поговоришь...

- Нечего мне делать у врача, и с Карло-кротом не о чем разговаривать. Я свое дело знаю, - отрезала Земфила и, не заходя в свою комнату, сбежала по лестнице.

Позавтракавшего, стоявшего в очереди в душ, меня попросил о встрече следователь Чхобадзе.

- Пожалуйста, зайдем в кабинет директора, я хочу вас допросить по

поводу вчерашнего изнасилования.

- Да, но я потеряю очередь, куда торопиться, приму «ванну», а потом и поговорим.

- Какое время ванну принимать, уважаемый, речь идет об уголовном деле.

- А что, разве я совершил преступление? Кто совершил, того и ищите.

- Пройдемте, пройдемте и извольте выполнить ваш гражданский долг, - следователь взял меня под локоть и сопроводил в директорский кабинет.

Допрос происходил в присутствии директора. Чхобадзе спрашивал и записывал вопросы и ответы на зеленых листках в линию, на всякий случай у него был включен карманный магнитофон «Сони».

Спрашивал, сколько времени я знаком с Карло.

- Вообще не знаком.

- Как? Вы с ним не виделись?

- Видеться виделся. Три дня подряд сидел он на балконе у Земфиры, как черепаха в кукольном театре.

- Но он ведь здоровался с вами.

- Сколько раз я выглядывал из окна, столько раз и здоровался. В день в среднем по семь раз говорил «здравствуйте».

- А это и есть знакомство, как же иначе? Вы не заметили ничего подозрительного?

- Заметил. Хоть в дождь, хоть в ясную погоду - он всегда держал в руках зонтик.

- А что-нибудь еще? Может, он смеялся без причины? Может гладил Земфиру пониже спины. Или зубами скрежетал...

- Я их вместе на балконе не видел. Насчет скрежещущих зубов ничего сказать не могу.

- В ночь, когда это случилось, в котором часу погас свет в комнате Земфиры?

- Не знаю, я засыпаю рано.

- И вы заснули в ту ночь как убитый, и не слышали ни пыхтения какого-то необычного, ни вскрикиваний приглушенных...

- Мертвым сном пусть враг мой спит, просыпался я раза два-три, вставал, прошу прощения, по своим мужским делам, простатит, понимаете ли, но кроме журчания воды и пения дроздов ничего не слышал. Ничего подозрительного, тем более, сексуальные вздохи-стоны, до меня не доносились.

Второй день прошел спокойно, третий тоже. На четвертый ко мне явилась Земфира, вся на нервах, но на этот раз правая скула у нее не подергивалась.

- Хоть до Саакашвили доберусь, а от своего не отступлю. Не со-

ломой крыта эта страна, мою правду не скроешь. Два дня уже то в райцентр меня возят, то в Кутаиси на экспертизу. Врач нарушение девственной плевы-то записал, а следов насилия на теле не обнаружил. А какое еще должно быть насилие, если девственная плева нарушена, обязательно надо укусить в плечо или руки мне вывихнуть, спрашивается? Следователь говорит, что нам делать, на основании этих документов прокурор не выдал санкцию на арест. Сутки держали в полиции этого крота и выпустили вот прошлым вечером. Может, вы как-нибудь между собой договоритесь, следователь мне говорит. Твои показания больше всего мне навредили. Что бы тебе написать - слышал я звуки перебранки, глухой звук, будто кого-то колотят. Тут же его и взяли бы под следствие, - говорит мне Земфира.

- Ничего не поделаешь, дорогая Земфира, сказал я следователю то, что видел и слышал. Обманывать не стану и никого в грех вводить - тоже. Я ведь человек семейный, а кроме того, мужчина. Со всяким может случиться такое.

Об изнасиловании уже до прихода следователя наслышан был весь Дом отдыха. Сплетни лавиной накатывали на мшистые стены, на персонал лечебного источника №1, на ванные, столовую, клуб и избучитальню, где лежали газеты за прошлый месяц и почти съеденные червями, невостребованные никем книги.

Черноусо-зонтиковый Карло с того дня исчез из поля нашего зрения. Ну, а я, не скажи о том Земфира, так бы и не узнал о временных затруднениях Карло.

Что касается Земфиры, то она с тех пор ходила, окутанная серой мглой слухов-сплетен.

Сплетни делились надвое: большинство осуждало Земфиру, меньшинство обвиняло Карло, но, как я убедился, равнодушным эта история никого не оставила.

И вообще, если бы не этот случай с Земфирой, думаю, неизменно скучной, даже невыносимой, была бы жизнь на «Перевале».

Это происшествие придало смысл будничному бдению отдыхающих (или, если угодно, больных), добавило жизни, исполнило драматизмом и перевело тему бесед с однообразных политических дебатов в сферу сексуальных хитросплетений.

Сама же изнасилованная ходила с каменным выражением лица и гордо поднятой головой.

Где бы она ни появилась, отдыхающие прерывали разговор, вытягивались в струнку (у кого как получалось), почтительно приветствовали и провожали сочувственными взглядами.

К минеральным водам ее допускали вне очереди, не утруждали и приёма у врача дожидаться, да и очередь в ванну уступали без колебаний.

Официантки, и те в мгновение ока подносили блюда к столику Земфи-

ры и, (помилуй Господи, может, я ошибаюсь, голову на отсечение не даю), но порции были поболее обычных.

А меня, меня лично, как частное лицо, весьма измотала эта печальная история с изнасилованием.

Таскали меня как «главного свидетеля» по следовательским, судебским и прокурорским кабинетам.

Ставили вопрос прямо или косвенно (или насквозь), вплоть до того - ты случайно сам не приложил руку к изнасилованию Земфиры, знаком ли был с Карло раньше, почему потерпевшая Земфира перво-наперво явилась к тебе, почему ни к кому другому, и вообще, случилось ли тебе изменять жене.

Кто вспоминал о моем набитом камнями желчном пузыре, на воды еле успевал по утрам сбегать, насчет ванн и говорить было излишне. После завтрака за мной являлся «патруль» и вплоть до вечера все мое время занимало «дело Земфиры».

Я потерял покой. Вместо отдыха и лечения я просто зачах, и если после долгих мучений и засыпал, мне не снилось ничего, кроме кошмарных кадров сношений Карло с Земфирой.

Колесить между Кутаиси и Багдади - еще куда ни шло, но в дрожь меня приводила мысль о том, что потерпевшая легко может перевести дело в Тбилиси и тогда, само собою, мне, как «главному свидетелю», придется приезжать и торчать в столице.

На одиннадцатый день после изнасилования Земфиры у меня, вернувшегося из полиции Багдади, от изумления чуть сердце из груди не выскочило.

На балконе Земфиры сидел Карло.

Сидел, как и тогда, с застывшим лицом, на голове вылинявшая шляпа, одет в длинный сероватый плащ, а под зеленой сорочкой виднелся старомодный узкий галстук в красный горошек.

Дом отдыха «Перевал» погрузился в таинственное молчание.

Отдыхающие, привычно отводя глаза, проходили мимо балкона Земфиры и, ускоряя шаг, устремлялись к источнику, чтобы сообщить новости истосковавшимся по сплетням отдыхающим.

Не успел я взяться за перила, как мастер-насильник Карлоя, чему дивиться, встал и почтительно меня приветствовал: «Здравствуйте, уважаемый!».

Не помню, кивнул ли я в ответ человеку, чей поступок, волей-неволей, всю кровь мне отравил и испортил отдых, с таким трудом выбитый у начальства.

Утром я заприметил его, крадущегося в трусах по балкону и прислоняющего к балясине зонтик.

По сердцу разлилось тепло.

Это означало, что дело Земфиры в тбилисский суд передано не будет.

РАССКАЗ ЧУРАДЗЕ:

- Не охоч будь до нашей доли, парень. На то, что ты вчера ночью рассказал, у нас, тбилисцев, вопрос есть, кто тут на невзгоды жалуется, вы же год - двенадцать месяцев - на курорте прохладжаетесь, - смеюсь.

- Кобулети - это для вас курорт. А для нас - ноль без палочки, ничего кроме болот и этого голого взбалмошного моря. Вот поживи тут с нами, и увидишь, каково это - подышать со скуки.

А море на два месяца оживает - в июле и августе.

Потом - соленые ветра, грязь на улицах и полуголодное существование.

На пляже там-сям тенты стоят, так эти тенты мы мастерим. В надежде туриста подманить и пару грошей заработать.

В сентябре сжигаем их на берегу, а пепел морем уносит.

И конец твоей гульбе-пальбе.

А на руках остается - сплошное мучение, унижения и много-много - денег на существование месяца на три.

Да и те тучные два месяца могут дожди уничтожить.

Как зарядит дней на двадцать беспрерывно, так и считай - сезон провален.

Дождь, само собой, нам враг, но ведь и море не особо благорасположено.

В последнее время даже хамсу нам не дарит без мук тяжких.

Где рыба, где наши полные сети, громадные сейнеры простаивают в море.

Рыболовецкие суда ловят мелюзгу и ничем больше не заняты.

Ни одна болезнь не разрушает человека так, как его старит и умертвляет море.

Морская сырость и соль гложет конечности тамошним жителям. Посмотри на любого из местных - и сам в этом убедишься.

Пятидесятилетние мужчины еле тащатся.

Ты думаешь, море выгрызает только кости да суставы?

Мой дом - ода, десять лет назад как отстроен. А в каком виде рамы оконные, опоры, дощатый потолок? Если древесина не из бука, каштана или лиственницы (сибирской сосны), раз в десять лет все подлежит замене.

Морская соль настолько коварна, что и железо втихомолку изжует. Посмотри на перила, как они изъедены, все в щербинах.

Соль солью, но что и когда морю в голову придет, кто угадает?

В прошлом году штормом вылизало-выголило всю набережную.

Столетние деревья подкашивало-валило, половину унесло волнами.

Еще не соорудил человек такую дамбу, чтобы противостоять разь-

яренному морю.

Отдыхающие - единственная надежда и доход кобулетцев, но и тут без удачи не обойтись.

Вот, живет по соседству со мной Зоидзе. Обычный хозяин дома, аробщик по роду занятий. Лет десять назад у него остановилась на отдых московская семья. Жена, муж, двое ребятишек. Оказалось, этот русский - большая шишка. Внимание к гостям наши люди проявить умеют. То на рыбалку приглашал, то лодочные прогулки устраивал. С тех пор не покидают его эти люди. Каждое лето у Зоидзе останавливаются. Трех его детей устроили в московские институты, одного, кажется, при аспирантуре оставили. Какие подарки, какой почет, ходил Зоидзе, в общем, гоголем.

Везение нужно, говорю же. Теперь мою историю послушайте.

Эх, жизнь моя - жестянка, ну-ка, навести уши.

Раньше не гонялся я за отдыхающими, комнату сдавать, - работал в Морской школе, свой кусок хлеба имел. А как жизнь пошла наперекосяк, раскапризничалось мое семейство - мы что, рыжие, потеснимся летом и сдадим комнаты.

Ну, я согласился. Накупил лежанок и в первый же сезон принял десять отдыхающих.

И у всех свои ку-ку, развлечения им подавай, прогулки им подавай, воды им согреть надо, и обслужи их, будь любезен, а иначе ноги в руки - и ищи ветра в поле.

Взялся за гуж - не говори, что не дюж. Самые удобные отдыхающие - это семейные пары или курортники с любовницами под видом жен.

Если и вправду жена - за версту видать, на третий день уже начинают пилить-ругаться.

А любовницы - они как голубицы, ласковые, в обнимку с возлюбленными ходят.

Но у меня этого опыта не было, и принял я всех, кто обратился.

Русские приезжают чаще всего по два или три плюс три, они это «компанией» называют. Насчет питья - пьют все и, мягко говоря, «гуляют» тоже все, но если приезжает нечетное число - дело плохо, туда затесалась или шлюха подзаборная, или пьяница беспробудный.

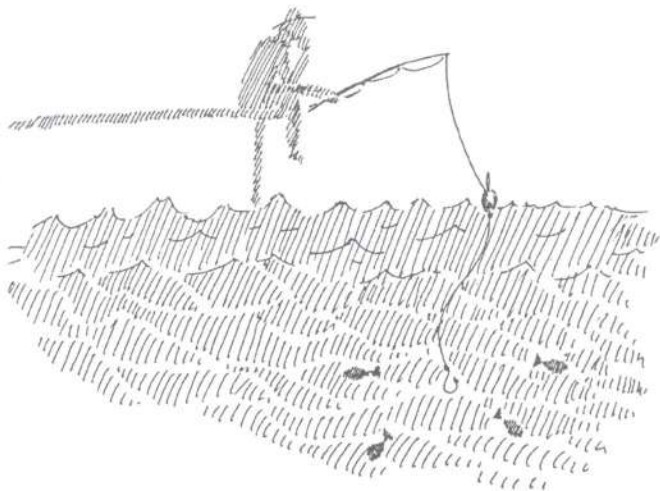
«Одиночек», сказать по правде, «компании» недолюбливают.

С самого утра начинаются между ними перепалки с командировками друг друга на три буквы.

И чуть что, так бегут ко мне - этого такого-сякого сейчас же гони отсюда взашей.

Говорю же, не было у меня опыта общения с курортниками, пожадничал я, перебрал с клиентами, на чем и погорел.

Как-то встретился на моем пути странный (по моему разумению, понятно) курортник.

Он был «одиночка», Бог тебя храни, примерно твоего возраста, около пятидесяти, при галстуке.

Хочешь-не хочешь, подавай мне отдельную комнату! Спросил, почему это так обязательно, он прикладывает руку ко лбу - я, мол, человек умственного труда, одиночество для меня - непереносимое условие.

Галстук взял меня в заблуждение (с тех пор я у него на шее галстука не видел), освободили мы с женой одну комнату под лестницей и впустили туда нового жильца.

Ваней его звали, а по фамилии Коростылев.

Я русские фамилии вообще-то с трудом запоминаю, но «Коростылев» никакая сила меня забыть не заставит. Из Сибири он был, из Иркутска.

Утром спрашивает, где тут базар, хочу помидоры купить.

Далековато базар, говорю, на повороте к Батуми, в конце города (ведь Кобулет, в отличие от других, не круглый, а, помните же, длинный город).

- Если хочешь фруктов или овощей, и ничего другого, тут же можешь купить. Перед нашим домом, у входа в санаторий «Иверия».

- Спасибо огромное, больше вопросов не имею, - улыбнулся Ваня и вышел за ворота.

С того утра трезвым я его больше не видел.

Носил он с собой тряпичную сумку (пьяницы почему-то не любят

целлофановые пакеты, причина мне неизвестна). Сумку подмышку - и вперед, через 15 минут возвращается; в сумке две бутылки вина и эдак с полкило помидоров.

Все это стало мне известно спервоначалу, когда он заявился, выложил на стол вино-помидоры и налил мне - пей.

Я пожелал ему здоровья, счастливо отдохнуть, пригубил вино и поставил на стол стакан.

- Ты чего? - спрашивает.

- Не пью я, здоровье не позволяет, - отвечаю.

Кто б меня заставил пить это зловонное вино, разлитое в гараже Кемоклидзе.

Между прочим, он и сам сменил вино на водку дня через два-три.

В общем, опуская подробности, скажу, что Ваня нажирался трижды в день.

Впрочем, «нажирался» неточно сказано, потому что он просто не просыхал.

Не успевало в голове чуть проясниться, как тут же добавлял.

Утром - водка и помидоры, днем - водка и помидоры, вечером - водка и помидоры.

В море, разумеется, он и ногой не ступил.

Из чулана своего выползал только по нужде или за водкой с помидорами.

Он почти ни с кем не разговаривал и никого не беспокоил. А через две недели унес наши беды.

Что это было - самоубийство, белая горячка, как они выражаются, или еще какая напасть - понятия не имею.

Если он хотел умереть, зачем тогда приютился именно у меня.

Когда он не вышел к полудню, я открыл дверь и увидел его мертвым.

Подобного случая ни тогда, ни после в Кобулету я не припомню.

Болезни бывали, один, то ли двое утонули в море, но чтобы мирный отдыхающий отдал концы в собственной постели - такого еще не было.

А ну как сейчас полиция нагрянет, а ну соседи сбегутся, мне ли неизвестно мое счастье проклятое? Хорошо еще, по горячим следам эксперт констатировал в заключении смерть от алкоголя.

И зачем был нужен эксперт, от него и мертвого шел крепкий дух алкоголя.

Вот как было дело.

Оставили справку у меня на столе и ушли.

А на что еще способно правительство? Телефон у него дома был, в Иркутске, но номера я нигде не нашел, я же не ясновидец чтобы он мне нарисовался.

Позвонил в Иркутск по адресу в паспорте.

Дежурный по почте сказал, что завтра вечером позовут на почту кого-нибудь из членов семьи, просил позвонить.

- Несчастный случай, может быть, сегодня же поставите их в известность, - прошу я.

- Я вам все понятно сказал, - дежурный повесил трубку.

Либо решил, что я голову ему морочу, либо привык выслушивать сообщения о несчастных случаях этот дежурный по почте.

Звоню на другой день вечером.

- Я жена Вани, Люба.

Выражаю соболезнование, говорю, Ваня скончался.

- А вы кто? - спрашивает.

- Хозяин дома, у меня он снимал комнату.

Она не спросила, отчего умер Ваня, что меня удивило, но подумалось - наверное, оторопь нашла при известии о смерти мужа.

- Деньги были у него? Не нашли в карманах?

- Рублишко-другой, не больше.

- А вам он заплатил за съем квартиры?

- Нет, не заплатил, но это сейчас не имеет значения, уважаемая Люба. Как нам быть, когда вас ожидать в батумском аэропорту?

Она недолго раздумывала. Думаю, ответ был у нее заготовлен.

- У меня нет возможности похоронить его. Похороны - большие расходы, а мы люди неимущие. К тому же сейчас мне на службе отпуск не положен. Как-нибудь похороните его там, а я приеду позже, разок приеду...

- Но хоть на похороны приезжайте, деньги на дорогу я вам как-нибудь разыщу, отправлю, - говорю ей как ближайший родственник (если б не мсья глупая доброта, какое вообще отношение я к этому имел).

- Нет, сейчас я все равно не смогу приехать, а потом посмотрим.

Ваня умер во вторник, а 5 августа, в субботу, мы его похоронили на кобулетском кладбище.

Четыре дня он у меня пролежал.

Христианина негоже хоронить без панихиды.

Надо сказать, на панихиду пришли мои соседи, но ни одного отдыхающего не появилось.

Похоронил я его и маленькие поминки - келех устроил, как у нас положено.

Сентября, третьего числа, Люба сама позвонила.

Сказала, что хочет навестить могилу мужа и чтобы я выслал ей деньги на иркутскую почту «до востребования».

Горькая слеза проступила на глазах - такая травма (смерть постельца), такие траты, а тут еще высылай деньги на дорогу Любе. Но что поделаешь, раздобыл я с великим трудом пятьсот рублей, выслал.

Через две недели получаю телеграмму.

«Прилетаю таким-то рейсом, встречай».

Ринулся я в батумский аэропорт.

Люба прилетела с каким-то рыжим русским.

Представила как друга семьи, Петю.

Петя равнодушно пожал мне руку. Я уступил Любе комнату Вани.

Она сказала, что друг семьи будет с ней, что ей нужно утешение время от времени, и одна она не заснет в комнате Вани. Вечером поужинали, а утром отправились на кладбище.

Не скажу, чтоб она исцарапала себе щеки, но плакать плакала Люба, что правда, то правда.

На месяц остались у меня, до конца сентября, Люба с Петей.

Ну, не так, как Ваня, конечно, но пили Люба с Петей тоже за милую душу.

Порой среди ночи из их комнаты доносились хиханьки да хаханьки.

Песен не распевали, грешить не буду.

К концу сентября стали чаще заботливо справляться о моем здоровье, время от времени покряхтывая.

В конце концов Петя с извинениями - мы уезжать должны и, может быть, достанешь нам денег на дорогу.

- Откуда мне их взять, последние копейки потратил я на все это дело, - говорю с холодным выражением лица.

- Знаем, и ты в затруднениях, но у нас положение безвыходное и не мог бы ты по соседям поднабрать нам грошиков на дорогу? - подсказали они мне выход.

Что было делать? Ты что сделал бы на моем месте? Пошел я попросить по соседям и наскреб им на билеты - где десять рублей стрельну, где двадцать. До Иркутска долететь двоим - дорогое же удовольствие...

Улетели они, наконец.

Короче, врать не буду, семь лет после того приезжали ко мне на лето Люба с Петей.

С наступлением июля телеграфировали: «Приезжаем навестить могилу Вани, приготовь комнату».

В Кобулету задерживались на месяц, не более.

На проезд денег не просили, но на отъезд я им собирал.

Может, они и припасали деньги на обратные билеты, но в месяц на водку растрчивали столько, что, когда приближалось время отъезда, смотрели мне в руки.

Пару раз я пытался поднять тему.

- Здесь, говорю, в кобулетской земле, Ваня мирно спит, но надо ли говорить, что уроженец иркутской земли должен лежать на родном кладбище. Не думаете ли вы о его перезахоронении?

Но Люба с Петей тут же, как говорится, крыли карту.
О перезахоронении и слышать не хотели.
А недавно получил я телеграмму и едва не съехал с катушек:
«Люба скончалась и оставила завещание: похороните меня рядом с
моим супругом. Прошу незамедлительно выслать деньги. Петя».

И ВНОВЬ РАССКАЗ БУХАИДЗЕ:

- Да, уважаемый, я согласен, изумительный дар - любовь, но любовь - не совсем то, что писатели называют любовью.

С ума свели страну этими выдуманнными любовями - прыжками с мостов, играми в «ромеоджультету».

Возьмут на прицел пару-тройку невзрастеничек и давай писать бессмертные стихи и романы о любви людей с поврежденной психикой. Да здравствует отшельство и да здравствует пенелопство...

Вот и растерялся народ.

Вот эти потерянные, с неуправляемыми мозгами и неустоявшейся психикой девочки и мальчики смотрят фильмы о любви, заламывая пальцы и проливая потоки слез.

«Я того полюбила... Эту я не полюбил... Меня тот бросил... Я должен эту бросить... Я больше никого не полюблю... Я ей в лицо серной кислотой плесну... Я не хочу жить... Я должна себе вены перерезать...».

Довольно же, ради Бога, оставьте в покое этих несчастных людей, что вы им нервы трепете, жизнь отравляете.

Вы как думаете?

К чему вам мои толкования, и так все знаете лучше меня.

Все рассказы их похожи друг на друга, все загадки любви решают они по одному шаблону.

Будто бы где-то, в миг прыжка с парашютом, или в скором поезде озарила любовь сердце единственной дочери или единственного сына.

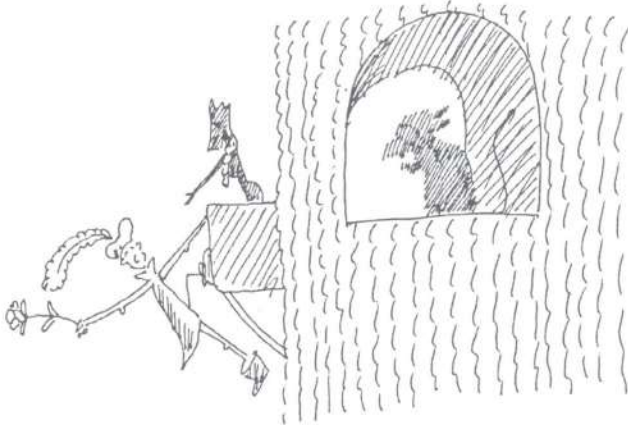
Прилетела любовь, и рухнула страна, покачнулась земля; девушки отказываются от еды, юноши ночами не спят.

Если все закончится хорошо, и этот юноша, и эта девушка соединят судьбы, очень хорошо, но если нет, то и другие развязки существуют: бегство в пустыню, похищение чужой жены и Троянская война, любовь со знаком минус, прыжок под колеса поезда...

Да, это действительно так.

Все благополучно заканчивается только у Руставели.

Другие проливают реки крови, заставляют людей убивать друг друга, таинство любви превращают в загадку сфинкса... А потом затаятся в тепленьких обителях, укроются в мавзолеях бессмертия и живут себе как сыр в масле.

А нам-то что делать, нам, разнесчастным, ломающим головы над запутанными ребусами, понапрасну бродя-шатаюсь по закоулкам выдуманных ими любовью.

Надоел я вам, как видно, но уделите мне еще пять минут, и сами сделайте потом выводы.

Что я хочу сказать, знаете, любовь в большинстве случаев - это не то, что называют любовью.

До тридцати пяти проваландался я неженатым.

Подумывал я, как же не подумывать, о том, чтобы семью завести, но как-то по инерции ждал этой самой влюбленности, не знаю сам, чего, вы это настоящей любовью называете.

Отдельно и мать с отцом меня донимали, дай нам увидеть внуков (я у них был единственный), отдельно и родственники с друзьями - чего ты ждешь-ждишься, уж не обделен ли чем нужным?

И всем я одинаково отвечал: «Никто не полюбился мне, что ж поделаю... как же без любви мне семью создавать?».

Кто-то принимал мой ответ, мол, если так, что ж мы пристаем к этому человеку, а кто-то считал, что это - самообман.

Так шел год за годом, и говорю же, стукнуло мне тридцать пять. Мои одноклассники-одноклассницы уже кое-кто вторыми женами-мужьями обзавелись. А я так и ходил бобылем.

Как-то пошли мы с мамой на помолвку нашего родственника Максима Кухианидзе.

Сидим за столом, едим, пьем, все чин-чинарем.

Я не люблю по сторонам на женщин глаза пялить.

Отец все время со мной из-за этого ругается - оглянись-перегля-

нись, ты, бестолочь, смотри, какие девочки по улицам порхают, хотя сзади поглазей, хоть спереди, кто тебе мешает на ножки-талию полюбоваться.

А я, сказать по правде, и не хотел жениться, потому и тянул kota за хвост.

Какая-то женобязнь меня одолела. Казалось, что женщина отнимет у меня свободу, семейную петлю на шее затынет, платком бабьим накроет.

Там, на помолвке, одна красивая девушка все бегала-суетилась.

За столом прислуживала.

С первого же взгляда улыбнулась мне, то ли показалось мне это, не знаю. Что еще за улыбочки, подумал я и тут же потерял к ней всякий интерес.

Застолье подходило к концу, когда мой отец позвал эту девушку.

- Можно тебя на минутку, деточка?

Подбегает.

- Как тебя зовут?

- Талико, уважаемый.

- Ты кем приходишься этой семье?

- Я - внучатая племянница Аграфены (будущей тещи Максима), уважаемый. Чегонибудь желаете, принести вам что-нибудь?

- Ничего не нужно, детка, спасибо тебе за внимание, - говорит отец.

- Можешь не отвечать, но замужем ли ты?

Я хмуро посмотрел на отца - что за вопросы, мол?

- Нет, уважаемый, я еще не замужем, - скороговоркой выпалила девушка.

Девушка словно бы ждала еще вопроса, приостановилась рядом с моим отцом, взглянула на меня - и пошла хлопотать дальше.

На обратном пути мой отец так, между прочим, проронил:

- Прекрасная девушка эта Талико.

Я, разумеется, ничего не ответил.

С тех пор прошло две недели.

Забыл я напрочь и о помолвке Максима, и тем более, о Талико.

Возвращаясь с работы, вижу kota у ворот, что-то мурлычет мне на своем языке. Забежит на шагок вперед - и на спинку опрокидывается - чего, мол, ждешь, погладь по животику.

По этому белому пушистому животику - и не погладить? Какое сердце выдержит?

Поднимаюсь по лестнице - и вот тебе раз! - на веранде сидит Талико! А слева и справа - мои родители, и все трое сладко так воркуют.

- О, видишь, какая у нас гостья, - улыбается отец.

Я пожал Талико руку - весьма прохладно.

Выпили чаю, поболтали о том, о сем, а потом я извинился и уселся

за компьютер.

Мать с отцом проводили Талико, у ворот еще немного побеседовали.

Вернулись; я спросил - как она нас нашла в такой дали, спросил равнодушно-безразлично.

- Большое дело, в гости пришла, а ты, мужлан неотесанный, спиной к ней уселся и прилип к своему компьютеру, чтоб ему гореть синим пламенем - сердится мама, - где это видано, человеку тридцать пять, а он день и ночь в компьютере торчит.

В общем, чтоб долго резину не тянуть, скажу сразу - зачастила к нам в гости Талико.

Бывало, оставляли мы ее и одну в доме, когда уходили куда-то по делам.

А когда возвращались, в доме все сверкало-блестело.

И если сначала меня злило вторжение Талико в нашу семейную идиллию, со временем я так к ней привык, что, не появившись она пару дней, места себе не находил.

В итоге, теперь Талико - моя супруга.

Двадцать лет мы с ней живем.

Трех сыновей она мне родила и воспитала. Образцовая супруга, каких по пальцам перечесть - вот это она и есть, про таких говорят.

Даже не знаю, зачем я рассказал вам эту свою историю. Может, затем, чтобы решили вы для себя головоломку - что же это такое, любовь.

А ТЕПЕРЬ - КАК РАССКАЗЫВАЕТ ЭТУ ИСТОРИЮ МОЯ ЖЕНА:

- Нет, уважаемый, история моего замужества недостойна внимания человека вашего уровня мастерства, обычная это, незатейливая история, но раз вы так настойчиво просите рассказать ее, как могу я отказать вам в этом.

Зовут меня Талико Леквинадзе. Было мне двадцать пять лет, когда на помолвке Максима Кухианидзе встретилась я с моим будущим свекром

Почему я говорю - встретилась с будущим свекром, знаете? Потому что его сын (мой будущий муж) сидел рядом, но на меня и внимания не обратил. Наверно, я ему не понравилась. Потом я только поняла - такой у него нрав - девушки его не интересовали, поскольку семьей обзаводиться он не собирался.

Да и я взгляда на нем не остановила, признаться.

И вообще, если на девушку на выданье парень не обращает внимания, нельзя на него глаза тарачить. Слышали ведь: навязанный хлеба кусок даже собаке не впрок.

Господин Климентий (это имя моего свекра) пальцем меня поманил - подойдите, мол, сюда, если не затруднит.

Как же не подойти, не проявить уважение, человек в годах.

Спросил, что меня с этой семьей связывает, замужем я или, может, помолвлена?

Тогда я не придавала значения этим вопросам. Через неделю он зашел ко мне на работу.

Я работала в третьей библиотеке, там же, на улице Ниношвили, на спуске к стадиону.

Я вся обомлела. Что вас привело ко мне сюда, уважаемый? - спрашиваю.

Присели мы где-то в уголке, он - маленький разговор, мол, имею.

Девушки хитрючие, где-то на доньшке сердца понимаю же, в чем тут дело, ну не думала, что он все уже решил окончательно.

Он говорит: «Я так поспрашивал о тебе в кругу наших новых родственников-свойственников и, если ты не против, чтоб антимонию не разводите, невесткой тебя в своем доме видеть хочу - прямо так и рубанул».

Замуж я, конечно, хотела, но была немного, как говорится, «не легка на подъем».

- Да, но как же так, не зная за кого, мы же толком и не знакомы, - говорю.

- Сына моего ты же видела, вот за него тебя и хочу выдать, другого у меня нет.

- Ну, не знаю... Можно ли такие дела решать в один присест, а тетя моя что скажет (знал господин Климентий, что родители мои рано погибли и вырастила меня сестра покойного отца).

- И с тетей твоей, и со всей родней я договорюсь, главное, чтобы ты была согласна. Есть одно «но» во всей этой затее, мой сын - неплохой парень, но, как и все холостяки, своенравный гуляка, тебе надо его обуздать. Заклинаю душами твоих замечательных родителей, поддержи меня, мы вдвоем должны его вразумить. Не дай мне обмануться в надеждах.

- Да, но что мне делать, дядя Климентий, шутка ли, если он не хочет жениться, не похищать ведь жениха.

- Все это у меня продумано и спланировано. Ты просто должна почаще приходить к нам, вот моя просьба, и ничего более. Если не каждый день, то через день приходи в гости, и, даю тебе слово, не пройдет и двух месяцев, как вы пойдете под венец. Я своего сына знаю, эту икону я чеканил. Ошибка исключается.

В глубине души и я была равнодушна к сыну Климентия, поэтому согласилась.

В первый раз, когда я пришла, он даже выйти поздороваться не соизволил. Возвращалась я домой, вся дрожа от унижения.

Что мне, упрашивать его о встрече, с какой стати спиной ко мне обратился этот невежа, почему предпочел мне компьютер, думала я, но

день ото дня, придя во второй, третий раз, я почувствовала, что успокоилась и, представь себе, в сердце страсть прокралась, я пораскинула умом, и все мои надежды на будущего свекра и свекровь оправдались.

Все, что предвидел и сказал мне при первой встрече господин Климентий, в точности сбылось.

Мы с отцом (Климентия я называю отцом) все рассказали мужу только на застолье после рождения третьего сына.

Он долго смеялся.

Я, говорит, что-то подобное подозревал, но не думал, что буду продан собственными родителями.

Двадцать лет уж, уважаемый, этой истории сровнялось.

Теперь-то и луна, и солнце для нас обоих всходят. Дай-то Бог, чтобы всем кутаисцам жить такой дружной, спаянной семьей.

И ВНОВЬ РАССКАЗ КВЕКВЕСКИРИ:

- Эту историю рассказал мне один менеджер из Чикаго, в самолете. Передам, как запомнил.

Страшным ударом вырвало кресло вместе с пристяжным ремнем, подбросило вверх.

Гвалт-визг мгновенно разбудили меня. Самолет со свистом пикировал на водную поверхность.

В иллюминаторе, на выступе крыла, светлячком мерцала красная лампочка.

Первое, что я успел вспомнить, это то, что, войдя в самолет, обратил внимание на запасный выход и подумал: хорошо, что я сижу прямо перед ним. Вообще-то я никогда не обращаю внимание на подобные мелочи.

Сорвал я пломбу с задраенного люка, схватил за руку женщину в соседнем кресле и выпрыгнул.

Каялся. Не поспешил ли?

Но действительность убедила: я поступил правильно.

Самолет взорвался вдалеке от нас, на самом горизонте.

И этот страшный взрыв сослужил нам службу, молнией озарив крошечную тьму и обозначив справа вершину горы.

Некоторое время слышался шум воды, а потом вокруг вновь установилась тишина.

Слышу рядом бульканье воды и стон.

- Вы умеете плавать?

- Да.

- Вы не ранены?

- Нет, но во время прыжка обо что-то ударилась головой.
- Видели, как взорвался самолет?
- Видела. Боже, какой кошмар. Как вы думаете, мы выкарабкаем-
ся?

- Во всяком случае, должны постараться.
- А берег тут далеко? - слышен молодой голос.
Ого, да нас тут трое.
Я остановился и прислушался к незнакомому голосу.
Совсем рядом послышалось журчание воды.
- Вы? Как вы здесь очутились?
- Я за вами последовала. Сидела сзади, с краю.
- Вы просто молодчина.
- Если можно, я останусь с вами. Прошу вас, не бросайте меня. Я не хочу умирать.

В голосе женщины слышалось отчаяние.
- О чем речь, конечно не бросим. Между прочим, смерти и мы не хотим.

Двадцать первое августа.
Вода теплая. Океан словно бы замер.
Смотрю на часы. Два часа ночи.
В 5 утра мы должны были приземлиться на Сейшельских островах. Так что, по моим расчетам, мы должны были находиться где-то поблизости от африканского континента, на берегу океана, но где?

И, самое главное, правильно ли мы плывем к берегу?
Через час мы все трое порядком устали.
- Как у нас обстоят дела с мобильными? Я свой оставил в самолете.
- Я тоже.
- Я вообще не пользуюсь мобильным, - если судить по голосу, нашей новой спутнице не более двадцати пяти лет.
- Это плохо... Теперь послушайте внимательно, обе. Раз берега не видать, и мы плывем по лунной дорожке, надо избавиться от лишнего груза. Мы должны все трое раздеться догола, иначе не сможем плыть дальше.

Через пять минут мы уже плыли, в чем мать родила. По ходу я научил их плыть на спине и отдыхать на воде.

«Не напрягайтесь. С водой бороться нельзя. Спокойно, последовательно, дышите глубоко. Главное, я с вами, а это означает, что у вас нет оснований для страха. Море спокойно, оно нам помогает...».

Говоря это, я чувствовал, как участливо, с какой надеждой вслушиваются они в мои слова.

Наконец наступил рассвет.

Сначала вода стала сероватой, потом по океанской глади пошли серебристые полосы. Но берега, вожделенного берега, нигде не было

видно.

Тут и я чуть не поддался испугу, но виду не подал, ведь достаточно женщинам заметить во мне признаки страха, как отчаяние погубит всех троих.

- Самое главное, рассвело. Свет на нашей стороне. Теперь нас ничто не должно беспокоить, девочки! И, чтоб вы знали, плывем мы верным путем.

- С чего вы взяли? - со стоном спросила та, что моложе.

- А вы посмотрите, чайки летят на запад. Это значит, что берег в той стороне.

- Откуда вы знаете, где тут запад?

- Проще простого, посмотрите назад, видите, небо теряет багрянец.

Еще час проплыли, и показались вдалеке сначала вершины гор, потом высокий, в иссиня-зеленых кудряшках лес, а следом - скалистый берег.

Завидев берег, мы словно обрели второе дыхание. Собрав последние силы, выбрались на белый прибрежный песок и лежали среди скал, все трое, ничком, пока знойное солнце не поджарило нам лопатки.

Я поворочался и присел. Вот они, красиво лежат. Увы, купальники их не украшают, но какие прекрасные попки, как мило они задраны кверху, и так им подходят нарядные белые бикини, что я почти забыл все предшествующие свои мучения.

О, какое величие, какое очарование в этом потомстве Евы...

Кое-как все очухались и уселись на песке.

Солнечные лучи по вертикали ложились на коричневые скалы.

- Пора бы нам познакомиться, - начал я. - Живу я в Чикаго. Ничего

значительного из себя не представляю, работаю бухгалтер-менеджером «Секонд-групп». На Сейшельские острова направился впервые, на десятидневный отдых, а зовут меня Джонни.

- Для нас нет никого в мире значительнее тебя. Ты нас спас. Когда ты взялся за руку мою, я безотчетно последовала за тобой. Ты с такой силой повлек меня, что я тут же поняла - если кто и может мне помочь, так это только он. Зовите меня Кристи. Я работаю медсестрой в «Фонде матери Терезы», я из Нью-Йорка.

У Кристи были золотистые волосы и синие миндалевидные глаза. Завитки кос спадают на плечи правильной формы - так рисуют русалок.

- А меня зовут Кетрин, - вставая, выпрямилась Кетрин, погружая в песок ненаманикюренные пальцы ног. - Большое вам спасибо. Если бы не вы, я бы неизбежно погибла. Я тоже из Нью-Йорка. Закончила Колумбийский университет. Три года работала в колледже Стивенсона, по договору. Сейчас без работы. Я тоже направлялась на Сейшелы, только на пять дней.

У Кетрин волосы отливают свинцом, нос - американский, правильный, ножки длинные. Вижу, что если встанет на ноги, окажется выше меня.

- Теперь главное - идти в восточном направлении и добраться до места взрыва самолета. О катастрофе уже известно всему миру. Мы, вероятно, в списке без вести пропавших. Этот титул намного лучше по сравнению с опознанными трупами, и принесет нашим семьям больше утешения. Пошли за мной, главная опасность позади, но впереди нас ждет не меньшее испытание, - я сказал это так деловито и спокойно, будто всю жизнь обслуживал жертв авиакатастроф.

Я встал и направился к скальной расщелине. Они следовали за мной.

Мы ухватились за корни каких-то вьющихся растений. Ноги соскакивали со скользких камней, но мы разрезали мох острыми камнями, образуя опору для ног, и с грехом пополам взобравшись на вершину скалы, углубились в джунгли.

Вдоль побережья мы не пошли по трем причинам: во-первых, палящий зной, во-вторых, скалы иногда на таком расстоянии друг от друга, что обойти их невозможно, а в-третьих, срезать дорогу удобнее, идя лесом.

Как красиво показывают джунгли в кино: не успеешь приблизиться к болотцу, как подплывает, разевая красную пасть, огромный крокодил - этаким человеком проглотит единым духом.

По деревьям прыгают обезьяны, цепляясь за хвосты друг друга и встречая чужаков любопытствующим завыванием, меж кустов папайи скользят семиметровые не очковые змеи. Подберется к тебе такая, вытянется в человеческий рост, остановит на тебе свой гипнотизирующий взгляд, потом вроде как передумает нападать, медленно опустится в

траву и пропадет из виду. А главное, всегда поблизости страж джунглей, для всех и всегда одинаково опасный тигр...

Ничего подобного в джунглях мы не видели, а то бы не сносить нам голов. Чтоб не соврать, слышали мы издали визг да вопли обезьян и птичий клекот-стрекот.

Поначалу мы продвигались более-менее свободно. Но чем дальше, тем затруднительнее давался каждый шаг. Бечевками свисающие с тысячелетних деревьев лианы хлестали нас по лицам, путь преграждали колючие заросли. Мы вооружились тонкими бамбуковыми палками. Палками мы беспощадно лупили заросли куги, но порой они ломались в руках, а колючие силки оставались целыми-невредимыми.

В какой-то момент мы решили возвратиться, но передумали по одной простой причине - от побережья мы отошли уже достаточно далеко, и как бы теперь не заблудиться на обратном пути.

К вечеру в джунглях стало чуть прохладнее.

Как только мы добрались до вьющихся растений, где нашли хоть с ладонь лужайку, там же решили заночевать.

Но до того надо было решить вопрос с ужином.

Мы внезапно почувствовали такой голод, что обо всем на свете забыли.

Если не угодить в какую-нибудь переделку, в джунглях с голоду не умрешь.

Мы еще немного продвинулись вглубь и там же, недалеко от нашей лужайки, обнаружили родник.

Прямо в сердцевине небольшой лужицы, булькая, вырывалась струя; мы от радости захлопали в ладоши и едва не вычерпали лужу пригоршнями.

Это означало спасение.

Мы легко позавтракали дикими бананами. Этот дикий банан оказался вкуснее, чем его окультуренно-генмодифицированная разновидность, которую продают на Бродвее на каждом шагу.

Потом мы смастерили одежду из банановых листьев.

Сначала мы разрезали острыми «ножами» длинные, неуступчивые листья тонкого бамбука, расплющив их камнями. По одной полоске я накрутил поверх грудей моих «нимф» и по одной - на их пышущие здоровьем бедра. Потом я эти полоски перевязал-закрепил нитями из того же бамбука. Зачем я взял на себя функции главного дизайнера-портного, и сам не знаю. Надо было видеть, как смиренно и покорно стояли они передо мной. Одно лишь желание мучило их: хоть бы в зеркало разок взглянуть, как мы там выглядим...

- Ночью во сне можете вы неловко повернуться, и полоски порвутся, но не огорчайтесь, вокруг полно бананов, - успокаивал я их время от времени.

Пора было подумать о палатке.

Заостренными камнями мы срезали несколько бамбуков и глубоко воткнули их в землю. Сверху крепко обмотали канатами джунглей (я где-то прочитал, что называются они тэшами). Там же поблизости нашли мы водное растение, похожее на лотос, листья у него были шире и толще банановых. Мы подтянули лотосы к себе бамбуковыми палками и, в конце концов (они были очень тяжелыми), дотащили до палатки.

Главным было соединить между собой эти листья. Мы соединили мелко наломанный зеленый бамбук с банановыми палочками и листьями лотоса и не только покрыли хижину, но и стены нагородили, во всяком случае, обшили вокруг и сверху этими самыми тэшами.

На чем же нам лежать? Земля вся мшистая-сырая. Собрали побольше хвороста, каких-то похожих на шишки ложных плодов, пружинистых веток с засохшими листьями. А сверху покрыли нами уже проверенными банановыми листьями, и получилась «чудесная постель».

Я извинился перед дамами, что двухкомнатную палатку соорудить не удалось, и спать нам придется бок о бок, на что со стороны моих спутниц протеста не последовало. Перед сном мои очаровательные спутницы, как это свойственно хорошо воспитанным женщинам, прополоскали лифчики-бикини и повесили сушится на кустиках.

Вскоре над нашей палаткой взошла луна.

В полночь к огромным деревьям подкралась и воцарилась вокруг нервно-шумливая темень.

Такая темень напоминает оставленный включенным телевизор, с его жужжаньем-галденьем, мешком надвинутым на твой сон.

Рядом со мной лежит Кристи, рядом с Кристи - Кетрин.

Смотрю на часы. Скоро два.

Не спит и Кристи. Чувствую по дыханию.

- А?

- Чшш, это я, - шепчу.

- Напугал.

- Кроме меня тут кто к тебе притронется.

- Откуда я знаю, чего только не подумала.

- Тебя кто-то должен был встречать в аэропорту?

- Нет.

- И меня никто.

Кладу руку на шелковистую кожу ее мягкого живота и исходящий страстью лобок.

- Как хорошо, что ты его не брешь.

- И никогда не брила.

- Ты очень милая.

- А по тебе виден ловкий соблазнитель.
- Я обыкновенный мужчина. Сказать тебе правду?
- Да.
- Еще немного, и я просуну туда руку.
- Я не решалась... Но все думала - чего это он медлит...
- Ну, вот видишь.
- Э-эй, ты что вытворяешь... Уж не думаешь, что я деревянная?
- И, словно бы случайно, раздвинула ножки, чтобы мне вольней было шарить правой рукой в ее промежностях.
- Кетрин спит?
- Без задних ног. Как голову уронила - спит как мертвая.
- Сюда подвинься. Дай мне влезть на тебя, больше нет сил терпеть.
- Ты что творишь, с ума сошел? Проснется она...
- Пусть просыпается, не маленькая уже.
- Ну нет, нет, так не получится ничего у нас. Давай выйдем на воздух.
- Это хорошая идея.
- Осторожно, осторожно. Прямо медведь какой.
- Мы вышли наружу и там же улеглись на траве.
- Ну повремени... Осторожнее, руку мне сломаешь... Погоди же.
- Она раскинула ножки на мшистом валуне. Скинула свою банановую одежду и подвесила снизу, на выступе.
- Потихе... Помедленнее... Больно же... Чуть выше, да... Вот так.
- Тебе хорошо? Не спеши, прошу тебя, не торопись...
- Спустя пять минут.
- Ты сладкая женщина.
- А ты не врешь?
- Нет.
- Боже мой, кто бы мог подумать...
- Слава Богу, что мы спаслись.
- И не только спаслись. Жизнь подарила мне счастливейшую ночь.
- Ну, пора подниматься.
- Нет, замолчи, прошу тебя, еще немного...
- Что, подряд?
- Да.
- Я люблю тебя.
- Чшш, не говори этих слов. Два с половиной часа сидела ты со мной рядом в самолете, и голоса не подала.
- Не люблю разговаривать с незнакомыми.
- Я тоже. Подложи ладони под голову.
- Так?
- Да, хорошо.
- Во второй раз у нас получилось дольше и немного шумнее.

Не успели мы отдышаться, как откуда-то сверху послышалось

- Кристи!

- Да! - откликнулась Кристи и высвободила голову из-под моих рук.

- Где вы, я вас не вижу?!

Кристи стоит у палатки и потирает ладонями голые плечи.

- Только что вышли, ты что, по-маленькому не хочешь?

- Заходите, очень вас прошу.

Мы вошли.

- Как я испугалась, еще чуть-чуть и завопила бы, - дрожащим голосом говорит Кетрин.

- Завопила бы, а то здесь бы сразу охрана отеля нарисовалась и администратор, - говорю я.

А потом мы улеглись и все трое погрузились в глубокий сон.

Такой глубокий, что казалось - ни самолет не взрывался, ни мы не остались в этих джунглях беспризорными, заблудившимися и, что называется, подвешенными между небом и землей.

На другой день мы продолжили путь. Какая величественная фраза, но действительности абсолютно не соответствующая.

Продолжить путь можно, если путь этот существует, мы же продирались сквозь колючий кустарник, сквозь доисторические деревья, сквозь шипы зарослей, в одеянии Пятницы, пропарывали джунгли.

Привязав конопляными нитями острые камни к бамбуковым ручкам, мы пытались прорубить дорогу, но приходилось очень туго. Чуть не каждую третью попытку конопляная нить рвется, и вылетевший камень, чего доброго, может и в лоб угодить.

По дороге перекусываем то плодом папайи, то ягодой кислой, то бананом. Вокруг полно мошкар, гигантских жуков и улиток. Я часто видел по «Дискавери», как, оказавшись в джунглях, поддерживают силы всякими кузнечиками, жуками, раками и улитками, но мы пока предпочитаем «фруктовую диету».

- Если дикая жизнь наша продлится, и мы изнеможем без мяса, не смущайтесь, девочки, я смастерю лук и стрелы, и хоть какую-нибудь дичь добуду, - полушутя говорю я.

- В добрый час, - улыбается Кристи и отирает мне ладонью пот со лба.

Кетрин вообще оказалась побойчее нас.

Подчас она уходит вперед, и так мощно орудует каменным тесаком, - не налюбуйешься.

- Чшш! Тише!

Кристи вскинула руку.

Где-то в отдалении слышится глухой рокот вертолета, но вскоре за-

тихает.

К вечеру мы очень устали, и тут нас подстерегла непредвиденная опасность.

Кристи поскользнулась на каком-то гнилом замшелом бревне, завопила, падая:

- Погибаю!

Мы с Кетрин подбежали. С трудом высвободили ее правую ногу и уложили на траву.

Слезы градом катились у нее из глаз.

Я начал ощупывать ее с пальцев ног и то и дело спрашивал:

- Больно?

- Очень.

- А так?

- Очень.

- А так?

- Чуть-чуть.

Сустав ступни у нее был или сломан, или сильно поврежден.

Вот-вот стемнеет.

Ясное дело, дальше нам дороги нет. Мы перевязали ей лодыжку листьями и бамбуковыми свивальниками и уложили там же.

От палатки нашей ушли мы недалеко, но возвратиться туда не сумели бы.

- О, как я вас подвела, простите, что так со мной получилось, - сокрушалась Кристи.

- Ничего, до завтра все пройдет, потерпи немного, постарайся заснуть.

Мы с Кетрин трудимся, не покладая рук.

Из тех же подручных средств, что и подвернулись нам накануне (но

теперь у нас было больше опыта), соорудили мы палатку и бережно уложили в ней Кристи.

Всю ночь Кристи металась.

Поминутно извинялась и просила болеутоляющее.

Под утро немного успокоилась и погрузилась в дрему.

На наше счастье, нога у нее не распухла. Покраснела - да, но, поскольку пальцами двигает свободно, это означает, что перелома нет. Когда взшло солнце, мы вновь облачились в наряд джунглей и соорудили для Кристи бамбуковые костыли, но она и шагу ступить не смогла. Потом Кетрин придумала: понесем ее на носилках. Но Кристи отказалась.

- На носилках вам меня не унести, и вы измучаетесь, и я, повисну на вас лишним грузом. Может, вы продолжите путь, и если мне не суждено умереть, выйдете куда-нибудь в безопасное место, а оттуда вернетесь за мной с отрядом спасателей.

Это последнее предложение мы, конечно же, сочли проявлением «героизма» со стороны Кристи, но ее слезная «патетика» совсем не показалась нам смешной.

- Поклянемся друг другу, что будем вместе до самой смерти, - говорит Кетрин.

- И клятв не нужно, это само собой разумеется, - говорю я, глядя Кристи по больной ноге.

- Как мне приятно касание твоей руки, - Кристи глотает слезы.

- Между прочим, поговаривают, что я - обладатель биотоков, - говорю и продолжаю «массаж».

Мы решили остаться здесь до завтра и, если боль в ноге угмонится, отправиться дальше.

В полдень мы с Кетрин покидаем насиженное место.

Наша «прогулка» связана с рядом обязательных причин: в первую очередь это поиск питьевой воды и порожних кокосовых орехов, которые нам нужны в виде «кувшинов». Второе: необходимо хорошо обследовать близлежащую территорию, может, выясним, где мы оказались и в каком направлении следует двигаться, и третье, может, повезет найти для Кристи что-нибудь вроде подорожника или солодки на перевязку, а заодно и едой какой-никакой запастись.

Вот по этим четырем причинам нам и пришлось на время покинуть Кристи. На всякий случай, рядом с ней мы положили каменный тесак, если придется отгонять «непрошенных гостей».

- Тебе ведь не страшно, Кристи? - я положил ладонь ей на лоб. - Если хочешь, я оставлю Кетрин и пойду один.

- Нет, нет, идите, только дорогу помечайте и до вечера возвращайтесь.

- Какое там, до вечера, через два часа будем здесь.

- Ну, целую, обо мне не беспокойтесь.

- Будь молодцом, Кристи.

Вооружившись бамбуковыми палками, мы углубились в лес.

Воды нигде не было и следа.

Стрясли на теплую траву множество плодов манго.

Спелые манго рассыпались под ногами, на дереве не осталось ни одного.

Манго, как вам известно, необычайно сладкий и сочный плод. Одновременно утоляет и голод, и жажду.

На обратном пути соберем оставшиеся манго. Соорудим воронку из бананов, сложим и отнесем Кристи.

Чем глубже, тем непроходимее становились джунгли.

Длинные белые ноги Кетрин покрылись порезами-царапинами.

А тут еще шип ей в подошву вонзился. Я поставил на колено ее ступню - мечту скульптора. Отыскал в конце концов и вынул этот шип из-под пальцев ног.

Теперь главное, как бы инфекция не попала - думаю. Надавил сначала на проколотое место, потом вонзил зубы и попытался высосать ранку.

Кетрин смотрела на меня своими большими водянистыми глазами.

Когда я завершил лечение и провел рукой от ее колена до ступни, она обрела ясность мысли, поблагодарила и вмиг вскочила на ноги.

Мы отправились дальше.

- Хоть бы знать - как там Кристи, не струхнула ли?

И всю дорогу она почему-то говорила только о Кристи.

Я взобрался на громадное, вкось выросшее дерево.

- Что-нибудь видно? - крикнула Кетрин.

- Лес, и больше ничего.

- А море?

- Не вижу. Наверное, мы слишком глубоко забрались в джунгли и миновали побережье.

Слез я с дерева, сникший и унылый. Подумал - как бы моего отчаяния не заметила Кетрин, и принялся насвистывать.

- Мы ошиблись, надо было идти вдоль берега, - говорит Кетрин.

- Как есть, так есть. Не может быть, чтобы конца этому лесу не нашлось.

- И чаек не видно?

- Чайки бывают только на море.

Мы шли еще примерно два часа. Если наши черепашьи шаги можно было назвать пешим ходом.

В джунглях замелькали длинные пестрящиеся тени.

А вот и родник.

Там же, на наше счастье, стояло чаноподобное (похожее на дикую

тыкву) дерево. Его плоды разбросаны вокруг, как игральные кости.

Ну вот, немного отдохнем, вспорем тыквам животы заостренными камнями, вычистим, зальем и отнесем воду Кристи.

Послышался приглушенный стрекот вертолета.

Никогда шум мотора не вызывал во мне такого ликования.

Разумеется, не то что вертолета, над головой своей и клочок неба разглядеть едва удается, и звук мотора доносится издалека, но ведь доносится, а это значит, мы не совсем уж у черта на куличках.

- Ну-ка, поспешим, Кетрин! Может, нас заметят!

Мы оба сорвали с себя банановую одежду.

Я размахиваю своими черными трусами. Кетрин держит банановые листья и бешено рассекает ими воздух.

- Ты что вытворяешь? Кто же зеленъ заметит оттуда, раздевайся быстро! Стань на камень тот и маши!

Кетрин стремглав стянула с себя лифчик, вмиг сбросила бикини и развевает ими изо всех сил.

Глухой рокот вертолета вскоре затих.

- Не увидели нас, - с горечью говорит Кетрин и облачает свое тело Венеры Милосской в трусики-флажки.

Еще мгновение, и она падает мне на руки.

- Заметят нас, Кетрин, вот увидишь, заметят! Не плачь!

Кетрин кладет мне голову на плечо.

- Я устала... Отпусти, прошу.

Но убрать с нее руку уже, как видно, выше моих сил.

- Ты - девушка из сказки...

- Знаешь, как мне было стыдно стоять перед тобой раздетой?

- Стыд люди придумали для третьих лиц. А нас тут двое. Выбрось из головы этот лишний груз.

- Какой, стыдливость?

- Да.

- Но ведь нас трое, а Кристи?

- Кристи сейчас очень далеко.

- Знаешь, в ту ночь я все видела. Как вы шептались, как вышли, и я пошла за вами. Так что о твоих гениталиях у меня достаточное представление.

- Часом, я тебя не напугал?

- Совершенно не напугал, - улыбнулась Кетрин. - И все же, очень прошу тебя, воздержись.

Она попыталась высвободить руку.

- О каком воздержании ты говоришь, Кетрин? Знаешь ли, что сегодня же ночью всех нас троих может сожрать тигр?

- А если не сожрет?

- И что?

- У меня есть жених и еще тысяча причин, чтобы не решаться на этот шаг.

- Эти твои причины могли быть приняты во внимание, если бы мы находились в отеле на Сейшелах. А теперь все это - чушь. Мы - дети джунглей, и с какой стати вообще тут расфилософствовались...

Я стал целовать ее щеки, губы, грудь, соски...

- Да, но, - пришептывала Кетрин, - как можно так, ни презерватива, никаких защитных средств...

- Какой еще тебе презерватив, Кетрин, - мы вышли из лона природы, мы оба стерильно здоровы!

- А Кристи?

- И Кристи, разумеется.

И она сдалась. Каким же совершенным существом была она, с какою страстью сотрясалась, трепеща подо мной, и как гармонировало с окружающим пейзажем наше взаимодействие и стоны-подвывания...

Диву давался я тому, что не мог насытить лаской эту высокую изящную девушку.

На обратном пути, не успевал я обнять ее и приголубить, как Кетрин пробивала дрожь, и она принималась искать подходящее место, где бы нам улечься.

Что же это было? Безбрежная страсть или последствия душевного и физического стресса - не знаю. Что сотворила с нами авиакатастрофа - взорвала человеческие инстинкты, выплеснула наружу внутреннюю свободу и вернула в пещеры предков?

Нашли нас спустя неделю.

Сейчас мы находимся в «Боинге».

Позади уже остались назойливые журналисты с их нескончаемыми вопросами. Копошение в наших душах... Со всей ответственностью могу сказать, что нигде, ни один респондент ни одному журналисту не сказал всей правды до конца.

На вопрос, счастливы ли мы, что были обнаружены, скромно, грустно, с какой-то затаенной застенчивостью и, изрядной долей фальши, ответили:

- Конечно!

И все трое мы при этом пред собою были правы.

Да, разумеется, вернуться к своему привычному образу жизни всегда в радость.

С завтрашнего дня - вновь этот гнусный компьютер, бесконечные «мессиджи» по мобильному, рутинная работа в наскучивших нам фондах и на всю жизнь - непривычное состояние людей, носящих «титул» выживших в катастрофе.

А самое главное, жизнь друг без друга.

Через некоторое время самолет приземлится в нью-йоркском аэропорту «Кеннеди».

И СНОВА РАССКАЗ БУХАИДЗЕ:

- Раз уж о родственниках речь пошла, передам вам рассказ моей однофамилицы Нанули Бухаидзе:

- Ну, что мне вам сказать; не все воры одинаковы. Есть воры и воры. Смотря какой вор.

Бывают такие окаянные - ну ни капельки человечности Создатель им не уделил. Креста на них нет, про таких говорят. А иные на руку нечисты, но все же людьми на свет родились.

Лет двадцать тому назад это случилось. Я еще незамужней была. Училась на фельдшерских курсах и вот-вот должна была их закончить в тот год.

Комнату я снимала, на улице Ниношвили. Там, где библиотека была, если помнишь, вот напротив нее, в седьмом тупике.

Мать высылала мне в конце каждого месяца деньги на квартплату. В «камере хранения» работала одна знакомая из Хони, вот ей-то и передавала с проводником деньги.

Было 14 января 1992 года. Никогда этого дня не забуду.

В училище устроили празднование Старого Нового года, и я осталась там допоздна.

Снег не выпадал, но приморозило. Кутаисская погода непостоянная, знаете ведь.

Была экзаменационная пора, из-за этого на вокзал за деньгами я опоздала, и «хозяйка» поглядывала на меня разгневанно.

Я и подумала, сбегая на вокзал, заодно и деньги в «камере хранения» возьму, и к ночному автобусу, если повезет, успею.

Денег на такси у меня не было, а в попутную в здравом уме кто бы сел тогда. Помнишь ведь, какое время было - на каждом шагу грабеж-разбой, похищения-изнасилования.

Деньги я на вокзале взяла, да вот как домой вернуться?

Больше часа простояла в ожидании автобуса, да где там.

Между тем, пошел уже первый час ночи.

Думаю, вернусь-ка я на вокзал и проведу ночь в зале ожидания, да ведь «хозяйка» поедом заест.

Не говоря уж о ночевке в чужом доме, за опоздания тарарам мне устраивала.

В общем, рискнула я пойти пешком.

Надо было спуститься по привокзальной лестнице и выйти на глав-

ную улицу.

У верхних ступенек тускло светила единственная лампочка. Дальше лестница проваливалась в такую темень - хоть глаз выколи.

Я шла посередине лестницы, если пройду ее, думаю, то и по улице возьму курс на середину, но как было мост перейти? Этого я боялась больше всего. Помнила я, что мосты - любимые места карманников, как бы деньги «хозяйкины» не отняли.

Оставалось всего-то с десяток ступенек, как передо мной вырос высокий парень в кепке, натянутой на нос.

Ножа у него в руках не было, но какое значение это имело для меня. Попробовала побежать. Коленки трясутся.

- Молчи, а то перережу глотку, как барашку.

Хватает меня за руку и толкает куда-то вправо.

- Кричать не буду, но туда, хоть убей, не пойду.

- Выворачивай карманы.

Вывернула.

Платок и деньги зажала в кулак - может, денег под платком не заметит.

Сначала он пошарил у меня в карманах. Под пальто у меня был вязаный жакет; не обнаружив ничего, он перевел взгляд на руки.

- Вот ты какая чертовка маленькая оказалась. Да и я ведь не промах.

Из зажатых пальцев извлек он платок и деньги. Платок вернул, а деньги оставил.

Протянул руку к моей шее и дернул крестик.

- погоди, не снеси мне голову, я сама отдам. Сняла золотой крестик на серебряной цепочке и протянула ему.

- Эй, и брошку снимай, если по отдельности не скажу, сама не врубаешься? - отработанным голосом, похожим на выговоры нашего учителя математики, говорит он.

Эта «брошка» была стариннейшей камеей. Говорю, что бабушка мне ее подарила, я ею жакет закрепляла на горле. Сердце кровью обливалось, да что оставалось делать - сняла и отдала ему. Жизнь любой брошки дороже.

Велел вытянуть руки и все десять пальцев ощупал.

Со среднего пальца левой руки сорвал кольцо с такой силой, что от боли я чуть не вскрикнула.

- Давай, давай, быстрее стаскивай это кольцо, мне некогда.

Еще попрекает, что много времени на меня потратил.

Отдала и кольцо - был ли другой выбор?

- Ты замужем, или помолвлена? - спрашивает.

Отвечаю:

- Была бы я замужем или помолвлена, так кольцо бы носила на бе-

зымянном пальце правой руки. Второе - это не обручальное «калицо», а обычное золотое кольцо, и третье - будь я замужем или помолвлена, кто меня в эту темень выпустил бы из дома, - слегка набравшись смелости, огрызнулась я.

- Теперь иди не оборачиваясь. А домой придешь - чтоб никому ни слова. В милицию не заявляй, иначе сама себя вини во всем, что будет. Не пройдя и трех шагов, я остановилась.

- Я кому сказал - иди не оборачиваясь! - осердился он.

- Да, но мне до дому километра полтора, и если встретится кто вроде тебя, пропала ведь я...

- Думаю, у тебя больше отнимать нечего, - скалится он.

- Ты смеешься, а мне не до смеха. С другим вором отношения выяснять сил моих нет. Как хочешь, но отведи меня на вокзал и усади в «зале», - говорю категорически.

- Что ты забыла надо на вокзале?

- Ночь там проведу, а утром пойду своей дорогой.

- Нет, подвалит там милиция, ты и меня погубишь, и себя. Ты ведь где-то живешь? Туда и иди.

Я ему говорю - кто мне жилье подарит, я тут на съемной квартире, на улице Ниношвили.

- Сама-то откуда?

- Из Хони.

- Ладно, пойдём, я тебя провожу до дому.

Провожает он меня, как галантный кавалер. Пару раз даже за плечо пытался обнять, да я руку сбросила.

Не иди же немыми всю эту дорогу, я и стала подробно вору сообщать - кто я, где учусь, да сколько мне лет, да что отец у меня утонул в реке Цхенисцкали, да что мама работает уборщицей на водопроводе.

Поначалу немножко побаивалась, но потом чуточку расхрабрилась. Как вышли на Ниношвили, сердце заколотилось. Чувствую - становимся излишне откровенны. Приручилась к вору, каково это, а?

Время от времени окидываю его взглядом. Вроде не похож на негодяя.

- Между прочим, - говорю, - те деньги, что ты у меня отнял, мне мама из Хони послала - это квартплата. И если сегодня же не принесу денег, «хозяйка», та еще злючка, устроит мне веселую жизнь, говорю так, в порядке бреда.

- А ты возьми да скажи, что потеряла.

Умный какой нашелся, выход подсказывает.

- Да кто в эти сказки о посеянных деньгах поверит? - говорю я, выказывая жизненную опытность.

Он остановился. Вынул деньги и протянул мне.

- А ты? - спрашиваю с преувеличенной наивностью, как дурочка.

- Я уж как-нибудь, переживу, - обнадежил он.

Тем временем мы миновали дом Ветойи Годуадзе.

Я так благодарна этому парню, будто он подарил мне эти деньги, как-то близок он мне стал вдруг, настолько близок, что я и «подручку» позволила ему идти.

- А крест, -он в глаза мне не смотрит, - крест и вправду золотой? - спрашивает.

- Крестильный крестик. В пять лет меня крестили. Мой крестный - поэт Автандил Курашвили, это он мне подарил.

Он и слыхом о поэте, понятно, не слыхивал, но так или иначе, мои слова принял близко к сердцу.

Остановил меня. Положил обе руки мне на плечи.

- Не смей целоваться лезть - закричу! - пугаю я его.

- Кто с тобой целуется? - он достал из кармана брюк крестик и повесил мне на шею. Дрожащими руками обвивал меня цепочкой.

С поникшими головами, спокойно, с насколько возможно серьезными лицами, продолжили мы путь. По уличным плитам раздавался только стук наших шагов.

Там и сям собаки кидаются на ворота, гавкают - кто это ходит-бродит среди ночи, не угомонится?

- Бабушка твоя жива? - спрашивает вор.

- Да, а почему ты спрашиваешь?

- Так... Просто... Ты у лестниц сказала ведь, «брошка» - бабушкин подарок.

- Бабушкин подарок, но бабушка и не помнит об этом. Оставь ее себе. Это очень старинная камешка, правильно я ее назвала? Не потеряй, смотри, она больших денег стоит, мама пару раз обмолвилась, но я скажу - в троллейбусе стащили. Что мне сделается, не убьет же за одну «брошку».

Он вынул «брошку» и передал мне.

- Я не возьму ее, не зли меня, а то схлопочешь, - сказал он с ласковой укоризной и, развернув меня к себе, сам прикрепил брошку к воротничку жакета.

Тут мы подошли к моему тупику.

- Ступай теперь, своей дорогой, я пришла... Дальше не ходи, а то тебя заметят, - говорю.

А сама переживаю - уж слишком мы быстро пришли.

Поблагодарила я его, руку протянула.

- За что спасибо? - смеется он. - Подожди, по-моему, у меня еще что-то твое осталось.

- Кольцо у тебя, но это ничего, я его не любила, да и большое было, болталось, - говорю.

Он обшарил карманы - все четыре плаща и все три брюк... ничего-

шеньки не обнаружил.

- Когда грабил, в нервотрепке, может, обронил, - он изменился в лице.

- Да не волнуйся ты, нашел о чем горевать, чтоб последней потерей было это, - утешаю.

- Но почему, как? А может, и выпало... Бывает, но как, почему?

Он еще раз покопался в карманах.

- Точно выпало, - в голосе его просквозило отчаяние. - Руки у меня закованы в эту стужу, а ну-ка, ты пошарь, может, найдется, женская рука - иное дело.

Он стоит послушно.

Я роюсь прилежно.

Кто бы увидел - в ступор впал бы - обыск, не иначе!

- Или в карман клал - выскользнуло, или по дороге выпало. Пусть все кольца мира сгинут, был бы ты жив. Иди-ка ты домой и засни спокойно. Не стоит это кольцо твоих терзаний, - говорю.

Вот рассказываю и сама себе удивляюсь. Какая искра сверкнула между нами, что могло случиться, чтобы в этом худощавом пареньке я увидела не вора, а ближайшего человека.

Он еще раз порылся в карманах и радостно крикнул:

- Вот оно! Нашел наконец-то! Под подкладку плаща провалилось. Никогда в жизни так не радовался, поверишь ли?! А если бы не нашел, что бы ты обо мне подумала...

Я взяла кольцо и повернулась к дому.

Он стоял и смотрел на меня.

Я подбежала и обняла его.

Я искала его на второй, на третий день, всю неделю, год напролет искала, но после той ночи никогда больше не встретила.

И ВНОВЬ РАССКАЗ КВЕКВИСКИРИ:

- Это международный вагон, уважаемая?

- Да, господин, ваше место?

- Седьмое.

Толстая короткопалая кондукторша, которой никак не надеть форменный пиджак без посторонней помощи, бросила на меня доброжелательный взгляд, осветила карманным фонариком стиснутый в левой руке картонный лист, подчеркнула карандашом семерку и, не заглянув в мой билет, сказала:

- Четвертое купе, прошу подняться.

Покачивая и размахивая сумками, я «завагонился».

В нос ударил запах прелой духоты. Я раздвинул двери купе, снял

пиджак, расстегнул галстук. Сначала поставил сумку в «багажник» под полкой, потом бережно настелил на нее пиджак и растянулся на своем спальном месте.

Скоро и поезд лягнул и тронулся. Так медленно и незаметно, как отплывают от пристани большие корабли. И если ты не стоишь на палубе или не смотришь в иллюминатор, так и не поймешь, отвалил он от причала или нет.

Заглянула кондукторша. Проверила билет и заприщнула его в карманчик кожаной папки.

- Оставить дверь открытой?

- Да, оставьте, очень жарко. Я сам потом закрою, мне предстоит путешествие в одиночку, так что сам себе буду барин-хозяин.

- В районе обязательно кто-нибудь присоединится к вам.

- Откуда вы знаете?

- Три билета обычно уходят в районную кассу.

- Вечно мне не везет.

- Иди пойми этих людей. Другие одиночества в купе не переносят, она заложила под берет выбившуюся на лоб светлую прядь волос.

Жара и мерный перестук колес навеяли на меня сон.

- Уважаемый! - кондукторша будит меня.

Поднимаюсь и протираю глаза.

- Прибыли в район? - спрашиваю.

- Да. Простите, что беспокою. Вы бы не согласились перебраться в шестое купе, на десятое место?

- ?!

- На место в вашем купе билет у женщины, знаете ведь, некоторые стесняются.

- Пожалуйста, - я надел штаны и вышел в коридор прямо в майке.

Навстречу нам продвигалась высокая грациозная женщина, лет под тридцать, в черных одеждах и с черной траурной повязкой на лбу.

- Вот, этот пассажир перейдет, - обрадовала ее кондукторша.

- Оставьте, оставьте... Здесь столько знакомых-проводящих...

Если это не обязательно... Может, обойдемся без переходов...

Обернулась к кондукторше.

- Вам большое спасибо.

- Да, уважаемая, как вам будет угодно.

Кондукторша разок оглянулась и отправилась в служебную конурку, дабы погрузиться в свои, кондукторские, раздумья.

- Прошу прощения, - женщина в черном протиснулась вперед, задвинула чемодан под полку и посмотрела на меня.

- Ну что вы, что вы... Отдыхайте, - я сам задвинул двери, но тут же раздвинул их.

- Если можно, я возьму пиджак. В коридоре продувает.

Она промолчала в ответ.

Минут через двадцать я осторожно постучался и открыл двери.

Она лежала. Синий свет у изголовья падал на ангелоподобный лик. Открытые глаза устремлены на подвесные койки, Белая, словно бы хрустальная, правая кисть подложена под голову. Левая рука во всю длину покоится на простыне, как бы не давая ей съехать.

Я, точно вор ночной, стянул штаны, сбросил к ногам. Накрылся одеялом и затаил дыхание.

Разок, на всякий случай, кашлянул, и стараюсь, придать лицу такое выражение, будто какое мне дело; будто ежедневно в моей жизни подобное случается: на соседней койке, в каком-то полуметре, лежит очаровательная женщина.

- Вы до Тбилиси следуете, уважаемая?

- Да.

- И часто приходится путешествовать?

- Редко. Я не люблю поездов.

- И я не люблю, но только в этом месяце мне уж третий раз приходится ездить в Кутаиси.

Поезд, поскрипывая, следовал своим путем. Стоит ему замедлить ход, как по лицу и телу моей спутницы перекачивается желтый отсвет фонарей.

- А это черное одеяние, уважаемая...

- Муж мой скончался, года еще не прошло, - она сразу догадалась, какой вопрос последует за этими словами, и сама скороговоркой утлила мое любопытство.

- В феврале, на цкалтубской дороге, «Джип» врезался в дерево,

четверо погибли, трое мужчин и одна женщина, слышали эту историю. «Джип» принадлежал моему мужу. Мой муж сидел за рулем. Так он погубил меня и разорил. Оставил на руках двоих детей и недостроенный дом, там, у въезда в Сакулию.

- Что поделаешь, уважаемая. Значит, так на роду было написано этому бедолаге. А дети?

- Десять уже. В пятом теперь. Рано в первый класс отвели.

- Мальчик или девочка?

- Старшая девочка. Мальчик пухленький, как булочка. А за нее тревожусь. Как былинка на ветру, чуть не прозрачная. Но на месте не удержишь. И красивый ребенок, не знаю, что мне поможет.

- Ваша дочь будет красивой, о чем тут речь.

- Хотя бы и мне поменьше этой красоты было отпущено. Ну ее в болото. Кроме горя-кручины ничего эта красота не приносит. Жила бы для себя, никто бы меня не похищал, вышла бы замуж, как время настало бы, уж как-нибудь...

- А вас похитили?

- Ох, горе мое. Не хотела я, ни за что. Знала, какой он невеняемый. Может человек двадцать четыре часа только о том и думать, где ему покутить, где время провести? Ладно, жги свою жизнь, твое дело, но за что за собой тащишь еще трех человек?

- Несчастный случай, что поделаешь...

- Почему это со мной должно было произойти, уважаемый? Почему это именно меня подстерегают все напасти? Что ему жить как все, тихо-мирно. Жив был бы, и меня не оставил в тревоге-злочиствии. Все время что-то затевал, все время куда-то спешил, будто и вправду неотложные дела ему предстояли.

- Вы должны смириться... Это трудно, да. Какой может быть разговор.

- С чем тут смиряться, уважаемый. Когда болезнь тебя убивает, ладно, это еще можно понять, выше головы не прыгнешь. А когда, здоров как бык, и сам себя губишь.. Он что, раз или два попадал в аварии? Все, что имел, потратил на починку чужих машин. Ума не мог набрать-ся? Никаких уроков ни из чего не мог извлечь?

- Умереть мне на месте! С каким ожесточением вы о нем говорите.

- Как же мне не ожесточиться... Каково это - в наши дни растить двух детей. Что обо мне говорить, волки-мужья во главе семейств, и те нуждаются. Кому печаль свою повеять, кто посочувствует, руку протянет в нужде? В Турцию ездить, передком работать не стану ведь, и руки на себя не наложу. Не говоря уже о памяти мужа, в первую очередь, как мой род я осрамлю подобным стыдобщищем? Вы, наверное, спать хотите, утомила я вас?

- Нет, уважаемая, какое время спать, - чуть не вырвалось «какое

время спать, лежа рядом с вами».

- И я не могу заснуть в поезде. Да что там в поезде, в собственной постели с трудом засыпаю. Да и дети у меня непоседливые - то и дело убирать их приходится, иначе сбрасывают одеяло на пол.

- Вы в семье мужа живете?

- А куда мне деваться? У отца моего семеро детей, двое мальчиков и пять девочек. Три девочки до сих пор на выданье, сидят сиднем дома. Еще меня там не хватало, совсем свихнутся. А так вообще, постыла мне жизнь. Года еще не прошло, а уж задушила меня свекровь всюду нос сует со своими придирками - да где ты была, да почему ты опоздала - и так без конца. Говорю ей, оставь меня в покое, кому ж я нужна, в вороньи перья одетая, бездомная вдова? Но нет - как об стенку горох. Сама небось нагулялась в молодости, и всех по своей мерке мерит.

- Но... ты ведь молодая женщина... Будь у тебя муж, дело другое.

- Нет, нет... Я из другого теста. Не каждая может, уважаемый. Не все рождены одинаковыми. И потом... наша деревня такая маленькая, а во-вторых... Нет, нет, храни меня Бог...

- К слову... Вот, к примеру... Пусть никто не бахвалится... Человек - дитя греха, сказано.

- Это сказано о грешниках.

- Но вот... Возьмем наш случай, если хочешь. Не в обиду говорю. Так, к примеру...

- Ну!

- Все - дело случая. Хочешь - назови это провидением. Со мною рядом, в этом закрытом купе... Ложишься ты, прекрасная, как Венера. И тебе не страшно?

- С чего бы это? Мне кажется, ты - человек... А дурную породу сразу видно - по взгляду, по разговору.

- Мало ли, кем я могу оказаться, вдруг больной на голову... Или садист...

- Да ладно тебе, пугать меня... Мне только пугаться не хватало. Я хотела местами поменяться, но в седьмом купе такая тетка сидела, кобыла в натуре. Что-то ее рассмешило, так жутко оскалила зубы... Я подумала - лучше останусь с тем мужчиной, по крайней мере, он похож на воспитанного в семье, а не где еще.

- Откуда ты знаешь, что я тебя не съем?

- Если женщина сама не захочет, уважаемый, никто и волосок ей не вырвет.

- Это... Да, верно. Но страсть - ее ведь не уймешь... Плоть своего требует.

- Оставь, я тебя умоляю. О чем-нибудь другом поговорим... Так замечательно беседа текла, и тут какой чертенок в нее затесался? Не

заставляй меня сожалеть об этом ночном путешествии. Какие вы, мужчины, все одинаковые... Чтоб вы сдохли, такое мое проклятие.

- Нет силы в проклятиях красавиц - приходилось мне такое слышать.

- Оставайся при своем мнении... Ладно, хватит, давай-ка спать. Ой, я имени твоего не спросила даже.

- Викентий.

- Давай спать, Викентий. Меня Мзией зовут.

- А ты ведь не можешь спать в поезде?

- Так ты засни... У тебя завтра миллион дел. А я так полежу, на тебя глядя...

- Ну, давай затихнем.

- Затихнем, затихнем... Чем тише мы будем, тем меньше глупостей наговорим... А чем меньше глупостей наговорим, тем меньше глупостей наделаем... Ты ведь понимаешь, Викентий...

Последние слова она произнесла нежным шепотом. Таким, какой называют «постельным воркованьем».

А поезд все бежит-качается... Останавливается на каких-то станциях только по обязанности. Стоит понапрасну пару минут. Никто не входит, никто не выходит. Время от времени замедляет ход, и когда кажется, что вот-вот остановится, гремя-грохоча, пробегает вдруг по вагонам ураганная сила, и поезд вновь набирает скорость.

На остановках в окно купе заглядывает луна. И то из-за вершин деревьев, по долькам, по кусочкам.

Я сжал в кулак ее ниспадающую мягкую, теплую, нежнее нежного кисть.

Она не высвободила, оставила пальцы в моей руке.

Это означает, что дело не так-то плохо.

А потом? Что происходит между нормальными мужчиной и женщиной, рассказывать не имеет смысла, потому что потом все (или почти все) происходит одинаково.

А ненормальные... Все равно ничего не поймут.

Две недели провел Лаврентий Микава в тюремной клинике, и его вновь возвратили в знакомую камеру.

На узкой, обнесенной четырехметровыми стенами, утыканными вбетонированными бутылочными осколками, «прогулочной» улочке, куда заключенных выводили раз в день, с часу до двух, длинной шеренгой, под строгим надзором, чтобы доставить удовольствие сорокаминутной прогулкой, Лаврентий Микава узнал, что Шота Намчевадзе присудили пять лет.

Во время проводившегося раз в десять дней планового обыска надзиратели обнаружили у Намчевадзе адрес, прочли и подложили в

карман.

Лаврентий снова один.

И опять потекли тоскливые, одинаковые, как зебры, ничем не отличающиеся друг от друга, дни.

Адвокат Кита Гецадзе навестил его всего три раза, между тем как следователь вызывал каждый день.

Гия день ото дня все больше поддавался нервному напряжению.

Чем глубже ковырялся он в биографии Лаврентия, тем больше убеждался, что желанные для него «доказательства» отдаляются, как миражи.

Подчас берет верх запальчивость, и он переходит к угрозам, срывается на крик, но посмотрев на спокойное лицо Микава, уверяется, что стращать этого человека - превышение его юридических полномочий, и вновь переходит к увещаниям.

Лаврентий и с самого начала не доверял следователю, а сейчас - тем более. Он был глубоко убежден, что если кто-нибудь и не желает ему добра в этой тюрьме, то первый из них - это Гия.

Старый фотожурналист лично даже сочувствовал угодившему между двух огней следователю, который, как говорится, и желал бы ему помочь, но реализация этих добрых намерений путем, предлагаемым Томадзе, его никак не устраивала.

Он и так допустил однажды роковую ошибку, и теперь, сидя за решеткой, да и всю оставшуюся жизнь, будет пытаться эту ошибку исправить.

В понедельник, в одиннадцать утра, когда Лаврентий Микава не отводил глаз от окошка, чтобы во вращении поддуваемых облаков уловить намеки на дождь, в двери постучали и ввели нового сокамерника.

Лаврентий сразу же его узнал. Израненное лицо, глаза медвяного цвета, плотные черные волосы зачесаны направо, выше среднего роста. Обычно он ходил, опираясь на палку, но здесь, как видно, «посох» отняли, и к своим нарам он прошел, припадая на одну ногу. Одет он был в бязевый халат с четырех карманах и синие шерстяные штаны.

- Вы знакомы? - задал вопрос обоим следователь.

Лаврентий встал и протянул новопривышему руку.

- Лаврентий Микава.

- Уча Маглакелидзе, - гость пожал руку Лаврентию, хотел еще что-то сказать, но передумал.

Надзиратель вышел из камеры.

- Не узнали меня, уважаемый Лаврентий?

- Как же не узнал, уважаемый Уча, но, думаю, не стоило это выказывать.

- Вы правы.

- Где угодно ожидал вас увидеть, но только не здесь.

- Как видно, одной веревкой мы связаны.

- И что вам предъявляют?

- Мною же избранная власть меня сюда засадила.

Уча Маглакелидзе долго и часто появлялся на телеэкранах и на страницах газет. Был активным сторонником действующей власти. Но со временем, когда наци чересчур распоясались, он все раскусил и сначала ушел в тень, а потом - и вовсе в оппозицию.

«Измены» ему не простили и, как видим, выписали путевку в «каменный мешок».

- Я-то сам себя сюда загнал, а ты в чем так провинился перед ними, человек тишейшей профессии, праведник перед Богом и людьми!

- Как оказалось, не такое уж и тишейшее мое ремесло, да и я перед Богом и людьми не так уж неповинен. Тебя когда забрали?

- Четыре дня назад.

- А я уж полтора месяца тут кукую.

- Знаю, уважаемый Лаврентий, все про тебя знаю.

- Откуда?

- А чем еще газеты занимаются? Недели не проходит, чтобы о твоей «вредительской деятельности» не показали развернутого телесюжета...

- Что делать? Где старость, там и плешь, слышал ведь.

- Хотя, уважаемый Лаврентий, ума не наберешься ни через внушения, ни через учения-дидактики. Из собственного опыта знаю.

- Да, так оно и есть.

- Да, теперь у нас времени много, и я тебе всю мою историю разложу по полочкам. Так нам будет легче время убить в этом застенке:

Уча Маглакелидзе, что ни говори, а совершенно случайно оказался в автобусе, следовавшем в Тбилиси.

Субботним утром он должен был встретиться с ребятами и пойти к Киртибая, дом перекрывать.

Но они опоздали, а Уча решил, что его опередили, и собирался возвращаться, когда вдруг там же, на краю дороги, остановился автобус, и высунувшаяся из окна старшая сестра Шалвы Каросанидзе - Шорена, позвала его: «Уча, поднимайся, поднимайся!».

Уча безотчетно запрыгнул в автобус.

С мужем Шорена развелась, была общественной активисткой. Сплошь и рядом выступала на митингах. Поскольку женская рука в ее хозяйстве требовалась нечасто, она избрала путь борьбы то с одним правительством, то с другим. В последнее время она работала в штабе «националов».

Уча оглядел салон автобуса. Большинство пассажиров составляла

молодежь. Некоторых он узнал, некоторых - нет.

Рядом с водителем стоял молодой парень в кожанке, с мегафоном в руке.

- Куда едем? - спросил он Шорену, когда автобус описал круг и поехал по еловой аллее.

- Прогуляемся по Тбилиси, если у вас нет никаких срочных дел.

- Когда вернемся?

- Завтра.

- Останови на минутку! - крикнул прямо в ухо шоферу Уча. Тот затормозил.

- Кетино! - позвал он из открытой автобусной двери стоявшую за прилавком ларька продавщицу, - на перерыве сходи ко мне домой, маме передай, что в Тбилиси еду, вернусь завтра. Продавщица в платке дымчатого цвета кивнула в знак согласия.

- А зачем мы едем в Тбилиси? - обернулся он к Шорене.

- Шеварднадзе свергать, - засмеялась Шорена.

- Да ладно тебе придуриваться, - вернул ей Уча улыбку.

- Нет, я серьезно. Вот приедешь, сам увидишь, - Шорена повела глазами в сторону парня с мегафоном.

Когда выехали из Зестафони, Уча заметил, что на тбилисской дороге их автобус слился с огромной колонной из автобусов, маршруток, легковушек, битком набитых пассажирами. Они размахивали пятикестными бело-красными флагами, а лица пылали энергией штурма.

«Насчет свержения Шеварднадзе не знаю, но пару дней развлечься тут можно», - подумал Уча. перебрался в заднюю часть автобуса и занял место среди молодежи.

Там было сравнительно теплее, зато рев мотора ушам покоя не давал.

На пути в Тбилиси колонна останавливалась в Гори, Игоети и Мцхета.

В Игоети Уча подбежал к ларьку, купил две булки и вернулся в автобус. Одну булку сунул в руки сидевшему по соседству рыловороту, вторую съел сам.

В трогавшиеся с мест автобусы взбегали «революционеры» с дешевой колбасой, консервами и нарезанным хлебом в руках.

- Нас что, совсем кормить не будут? - спросил Уча у соседа «квазимодо».

- Как ты знаешь, так и я, - получил в ответ.

В Тбилиси приехали в глубоких сумерках. Было холодно.

Автомобили пригнали к набережной, и людской поток устремился к Площади Свободы.

- Сюда, сюда обернитесь! - кричала Шорена. - Все запомните наш автобус! Если потеряетесь, идите прямо к нему!

- Мы куда теперь, Шорена? - подравнявшись, спросил Уча, пытаясь попасть в ритм ее быстрых шагов.

- Все должны собраться на площади, - не сбавляя прыти, ответила активистка.

- И что мы там должны делать? - любопытству Учи не было границ.

- Не беги впереди паровоза. Придем, все скажут на месте, - успокоила его Шорена.

На Площади Свободы яблоку негде было упасть.

На высеченный прожектором узкий балкон друг за другом выходили «проповедники» и призывали народ ниспровергнуть старый режим.

Уча и раньше слышал, как Шеварднадзе хают и бранят, но полагал, что на чем свет стоит кроют президента только в райцентрах и деревнях. Он и не представлял себе, что президент даст людям право устраивать ему публичный разнос прямо в сердце Тбилиси.

Он чувствовал, что приезд в Тбилиси такого количества людей и их скопление на площади даром не пройдет, но что может за этим последовать, представления не имел.

«Только бы в стрельбу не угодить, и больше не буду искать себе приключений», - думал он, грея руки в карманах, и с опозданием на октаву, но все же успевая влиться в рев толпы, когда кто-либо из ораторов завершал свое ухарское слово.

В полночь изнуренным воплями и ожиданием людям объявили, что на сегодня расходимся, а собираемся завтра в полдень.

Уча не знал, куда ему податься, он проголодался, жажда тоже мучила.

Вокруг сновали незнакомые люди. Он крепко жалел, что послушался Шорену, да поздно было уже.

В людском потоке он миновал спуск и, в конце концов, обнаружил свой автобус.

Пассажиры понемногу собирались. Притормозил белый «рафик». Парни в кепках с длинными козырьками забросили в автобус три больших нейлоновых мешка и уехали. Оголодавшие пассажиры набросились на мешки.

Пожинали, кто как изловчился, парой сосисок в разрезанной булке и «кока-колой».

- Назавтра оставим чуть-чуть, мальчики, - взывала Шорена, но к ее распоряжениям никто не прислушался.

Город постепенно успокаивался.

Прохожих на улицах не было видно. Перед храмом Метехи виднелся памятник Вахтангу Горгасали, верхом на коне.

Царь застыл с поднятой рукой, будто просил внимания у неба и земли.

- А теперь чего делать? - спросил стоявший справа, у четвертого

ряда кресел, лопухий парнишка.

- А теперь садитесь по своим местам и спите. Завтра нас ждут великие дела, - объявила Шорена и отправилась с обладателем мегафона куда-то вверх по улице Леселидзе.

«Автобус», разумеется, и не думал спать.

Кто-то водку принес, пили за милую душу, и молодежного галдежа тоже хватало с избытком.

На рассвете кое-кому хмель ударил в голову, так что крышу сносить начало.

В половине восьмого вернулась Шорена, с ней - и парень с мегафоном.

Утро разлилось солнечное. Как бывает обычно в день Гиоргоба. Заглянуло солнышко и в автобус, приласкало лучами изнемогших от холода-бессонницы путников.

Поочередно спускавшимся из автобуса выдавали завтраки Шорена с двумя длиннокозырниками. Кормежка, сказать по правде, по сравнению с вчерашним днем, была отлажена организованной. Приезжим на автобусах выдавали сухие пайки и «кока-колу».

На площади перед парламентом собралось море людей.

Такого столпотворения Уча и в кино не видывал. Отыскав у Кашуэтской церкви Шорену, он встал рядом с ней.

Там же затесался бородатый худощавый старик, пребывавший в шутилом расположении духа.

- Не счесть, сколько митингов навидался я, скажу, на этом месте за последние пятнадцать лет. Здесь я живу, в двух шагах, на улице Пурцеладзе. Посмотрим, какие вы свергатели-низвергатели. Шеварднадзе вам не Гамсахурдия. Шеварднадзе и Россия, и Америка поддерживают. Этот митинг - только лясы поточить, окромя болтовни ни на что не способны грузины, - без устали красноречивствовал старичок.

Бородач, понизив голос, обернулся к Шорене:

- Отец мой, блаженной памяти, говорил, будь у царя Ираклия столько воинов в Крданисской битве, он бы шапками закидал Ага-Магомедхана, не пришлось бы бежать с позором».

- Ты, дядечка, почему так бесприсветно настроен, может, и не так все глухо, - улыбнулась ему Шорена.

- Эх, родненькая, ты вчера еще ребенком была, не знаешь, каков он, наш народ. Прошлым вечером телевизор смотрел - так всю душу замутило. Чуть сердце не лопнуло, как увидел - вся Грузия двинулась в столицу. Ну-ка, брось им клич - идем освобождать Абхазию! И сотой доли не соберешь! Так мы строим и сбежали в 1993-м из Абхазии. Мы сильны друг друга поедом есть в собственном доме. Брось ты, ради Бога. «Свобо-ода!» - вопили вон вчера с балкона. А от чего освобождаются, знаешь? Между собой кресла не поделили начальственные, а

этот обманутый народ-то причем?

Шорена взяла Учю под руку и повела в сторону Дворца учащихся.

У тротуара было сравнительно просторно, и наспех сколоченная трибуна просматривалась хорошо.

Там же, сбоку, прислонившись к ели и опираясь на палку, стояла женщина и рассказывала десятку-другому окруживших ее слушателей о событиях 9 апреля 1989 года.

В два часа дня начался митинг. Все говорюны завершали свои выступления одинаково: «В отставку! В отставку!». Но, как собравшейся толпе, так и самим «златоустам», слабо верилось, что свергаемый уйдет в отставку под эти призывы.

Было без четверти три, когда митингующим бросили клич - смещаться к зданию госканцелярии. Людская волна хлынула к универмагу и замерла у лестниц метро.

Уче показалось, что обе стороны остерегаются друг друга: солдаты - митингующих, а митингующие - солдат.

- В от-став-ку, в от-став-ку! - скандировали задние ряды, а стоявшие в авангарде безмолвствовали; пытались спинами остановить задних и примирительно смотрели на правоохранителей, выстроившихся со щитами, мол, вы же видите, мы не кричим, не бунтуем, ничьей отставки не требуем, случайно здесь оказались.

Со своей стороны, и солдаты время от времени сдергивали вязаные шапки итирали покрытые потом лбы.

Но при этом они то и дело вглядывались поверх голов, словно пытались выяснить - где истоки этого призыва: «В от-став-ку! В от-став-ку!».

В три часа из центра по управлению революцией пришел новый приказ - занять двор канцелярии.

Людская волна захлестнула узкий проход сбоку от метро.

Военные со щитами и полицейские без щитов, соблюдая завидный порядок и согласованность, шаг за шагом отступали.

«Вот теперь точно стрельба пойдет», - подумал Уча и горько пожалел, что оказался в самой сердцевине этой суматохи.

«Оставался бы у Кашуэти, кой черт меня сюда принес, какой из меня низвергатель правительства и главарь мятежа», - чуть не локти кусал он с досады.

Чем больше пытался он уклониться в сторону, тем выше влекло его рядами митингующих, к железным воротам. Такого многолюдья не могла вместить площадь у канцелярии.

У железной ограды там и сям раздавались крики: «Щас задавят! Дышать нечем!».

Одно удивляло Учю: приближаясь к народу, силовики в шлемах и со щитами, будто на киносьемках, ряд за рядом разбивались надвое. Уступали дорожке демонстрантам, двигавшимся к зданию парламента с

гулом-гиканьем. Одни улыбались родительской улыбкой, другие робко прятали пластиковые прикрытия за спины, словно бы стыдясь, что этим утром были построены со щитами в руках с целью запугать этих смиреннейших митингующих.

Но то, что произошло в четыре часа пополудни, Уче Маглакелидзе никогда не забыть.

По воле рока или по инерции, в половине пятого он оказался в зале, который до сих пор видел только по телевизору.

Уча стал свидетелем исторического события.

Какой еще исторический факт поспорит по значимости со сценой падения правительства! Уча воочию видел спины несущихся к выходу парламентариев, прыжки через спинки кресел храбрых народных избранников, и с бульканьем, коллективно выпитый победителями их подогретый чай или там «кока-кола».

К половине десятого вечера все было кончено.

Уча, потерявший надежду повстречать Шорену и своих автобусных попутчиков, снова стоял перед Кашуэти и слушал уже последнего оратора.

- Приношу вам благодарность, дорогие соратники, вы можете гордиться, с сегодняшнего дня вы свободны! То, за что мы боролись, уже сбылось, и вашего мужественного дерзновения история не забудет! А теперь прошу вас, также организованно, как вы сюда прибыли, возвращайтесь все к своим рабочим местам. Вы свою миссию уже выполнили, и прошу вас мирно разойтись. Еще раз приношу вам благодарность и желаю счастливого пути.

- Было бы у меня рабочее место да кусок хлеба, видели б меня здесь, - промолвил паренек с мышинным носом, чем вызвал гневные вспышки взглядов все еще пребывающих в эйфории демонстрантов.

- Вот так, внезапно, но с какой стати... Нас так быстро списали со счетов? Мы уже не нужны? Расходитесь по домам, дальше мы свое дело знаем, говорят. И это все, что было?

Сердце Учи щемило оттого, что революция так быстро закончилась.

Он хотел победных восклицаний, проявлений народной силы и воли, хотел, чтобы эти прекрасные мгновения не кончались, хотя бы неделю.

Было уже за полночь, когда автобус участников похода съехал по склону Сурамского перевала и остановился на обочине.

Соратники клевали носом, но никто не спал.

Длинноволосого парня в джинсах и с мегафоном нигде не было видно.

- А вот придет новое правительство, а вот и оно нам не понравится, и что будем делать тогда? - спросил рыловорот у Учи, но, не получив ответа, решил, что сосед спит, сам натянул кепку поглубже на глаза и попытался погрузиться в забытие.

- Шорена! - позвал из третьего ряда пьяный участник похода. - Свергли же мы это чудище! Шорена! Когда ж теперь из кранов потечет вода с сиропом?!

- Жди у моря погоды, - не оборачиваясь, ответила Шорена.

Кто приложил ухо к этому разговору, рассмеялись, а кто его не услышал, стали спрашивать соседей - что это они так со смаком веселятся?

- Бензин хотя бы залили, - ныл водитель.

- Ты же говорил, до Кутаиси хватит, - теребила его Шорена, со страхом глядя на показатель содержимого бензобака, где давно зияла красная лампочка.

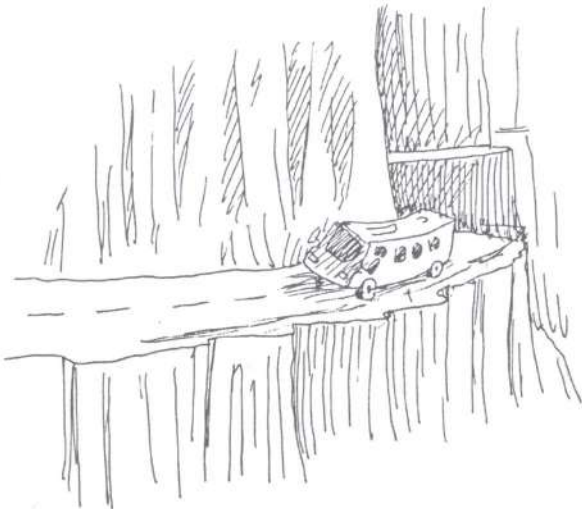
Уча не подавал голоса.

Как выехали из Тбилиси, в голове у него вертелась лишь одна фраза: «Оказывается, как легко свергнуть президента».

6 августа 2008 года Россия без объявления войны напала на Грузию.

- Мама!

На балконе появилась худенькая женщина с повязкой на голове. На

сына и не посмотрела, остановила взгляд на груди, сложенной у ворот.

- Аванс дали, купил вот кое-что. Мешок муки, мешок картошки, полмешка сахара и пять литров масла, кукурузного масла, португальского, из Нокармы, не знаю, это в Португалии?

- И зачем столько всего? На картошку, опять же, чего деньги выбрасывал? Через неделю поспеет, не умнем же столько, прорастет.

Женщина взвалила полмешка сахара на бедро.

- Погоди, погоди. Я возьму с другой стороны... Голод будет.

- А как не будет?

- А как будет? Иди верь этим сказочникам... Когда дома есть мука и картошка, на сердце спокойнее.

- Какая еще война, Уча, ты это войной называешь?

- Ты, мама, когда уставишься в этот бесовский телевизор, неужели ничему не учишься? Не видишь? Разлетаются в разные стороны самолеты и вороньим пометом бомбы скидывают.

- Скидывают, но многие не взрываются, это пугательные бомбы, Маруся рассказывала Талико.

- Ну да, да, в игрушки играют, бабайкой пугают русские. Не пугательные, а зажигательные - в Гори все дома спалили этими бомбами.

Утром он спустился за хлебом.

На полках лежали буханки серого, но легко одетые женщины стояли в стороне и занимали себя полу-серьезной (чуть с языка не сорвалось полу - умной) беседой.

Уча вопросов не задавал. Понял, что свежего хлеба еще не привозили. Встал у окошка.

- А мой муж, дорогая... Мой муж в таких делах дока, его не проведешь... У меня еще спрашивает иногда...

Урывками доносились до него слова высокой напомаженной женщины, и Уча подумал, что она ставит целью донести свой рассказ до его сведения.

«Если женщина начинает хвалить-превозносить мужа во всеуслышание, тут два варианта: либо она ему уже изменила, либо вот-вот собирается изменить», - думал Уча.

Продул мундштук и пошел пылить по улице.

У ворот Синауридзе сидели соседи и обсуждали вчерашние теле-новости.

- Ничего мы не знаем, ничего... Ничего нам не говорят. И не думаю, что там воюют всерьез. Цхинвали пал, а кто видел? Вот кто из вас видел, пусть скажет...

- Ну как так можно, что ты говоришь, русские полстраны оттяпали, а тебе бомбу в свой огород обязательно нужно, чтобы поверить?

- А что накануне было, а? Как наш президент ползал между коленями охранников, видел?

Рыжебородый Иобидзе зашелся смехом.

- Не думал я, что в нем такая прыть, вот бы мне так суметь, как бежал-то шустро.

- Душа в пятки, перец в зад...

- Вообще... Меня спросить, так это - вина охраны, - продолжая смеяться, еле выговорил Иобидзе, - что им стоило уложить этого долговязого да навалить на него что ни попадя под руку: лоханку или котел, хоть фанерой закрыть или бронежилет набросить, хорошо еще подобру-поздорову смылся оттуда.

- Я, например, по-другому на это дело смотрю, - повел речь не прошедший служебный конкурс, безвременный пенсионер-лектор Маглаперидзе, - если удрал, значит, не совсем в голове пусто. Дурак страха не знает. Наше дело совсем пропащим было б, уйди президент медленно, как жираф, с высоко поднятой головой. Ты сам из этой мясорубки не дал бы деру? Испугался человек: а как шмякнет русский бомбу вдогонку, вот и припустил что было сил. Что тут такого, что случилось, все надо наизнанку выворачивать, чуть что - попрекать?

- А гость, что его сопровождал? И как он гостя этого кинул на произвол судьбы, шуру свою спасая?

- А что было делать... Человек подумал: кокнул меня сейчас, так и гости, и хозяйева - поминай как звали! - а гостей еще будет - не счесть. А не будет меня - нет хозяина для всех гостей мира.

- Нос утри, твоей заботы ему не хватало, потому-то мы в таком дерьме.

- Я ни о ком не забочусь, я не голосовал. А ты и тебе подобные опускали бюллетени, за двадцать лари, которые вам Хахалеишвили выдавал, не забыли?

- Вай... Как мой карман эти двадцать лари видел, так пусть Создатель даст увидеть радость тебя клянущему, а я тебя не прокляну, жалко мне тебя все же, кем бы ты ни был, - оправдывал себя Иобидзе.

- Ладно, ладно, ладно, ладно, не рьядитесь в агнцы Божии все подряд, - совершенно неожиданно для соседей вмешался пасынок Сандухадзе, Гуджа. - За милую душу взяли по двадцатке, и я взял, чего скрывать, и не из своего кармана вынимал эти деньги Хахалеишвили.

Уча нутром уловил: разговор принимает неприятный оттенок и пошел в сторону биржи.

Сунул в подвешенную к балкону корзинку полтора лаваша (поллаваша съел по дороге), уселся под старым грушевым деревом на бревно-табурет и уставился на петуха, подпрыгивающего у забора.

Этот петух без шпор выклевывал, по одной, ягоды винограда сорта «Одесса», смыкавшегося вс колючей хвойной изгородью. Захватывал

ягодку в клюв - и видно было, что доволен, во всяком случае, это занятие ему не надоедало, и усталости петух вроде не выказывал.

У ворот остановился «Жигули» - развалюха старшего сына Романии Хвадагиани, Кочойи Хвадагиани.

- Уча!

Уча вышел навстречу гостю.

- Из Поти везу в Тбилиси бидоны алюминиевые. Если нет у тебя других дел, поехали со мной. Хрустящий полтинник получишь, и спасибо, как положено, устроим, а завтра высажу тебя на этом же месте.

- Не знаю, не видишь, все вверх тормашками... А когда ты едешь?

- Сейчас, сию минуту, а я потому и боюсь один ехать, что все вверх тормашками. Но кто нам выбор предлагает... Так поедешь или нет?

- Поеду, а как же... - Уча почесал затылок. - Не одного же тебя отпустить.

Взбежал по лестницам, через пару минут вернулся в шапке цвета хаки и с дождевиком. За ним семенила мать.

- Хоть бы чаю выпили. Какое время сейчас колесить... Когда ты вернешься, когда?

- Завтра в это же время! - он сел рядом с Кочойей. - Поехали.

Судный день, не иначе, царил на дороге Поти-Сенаки, по выезде из Самтредиа.

Обессиленные жарой, обливающиеся потом, с перекошенными от горя и страха лицами, охая и ахая, люди катились на всем, у чего были колеса.

Слышались женский плач и причитания, вопли и гвалт... Озлобление, потрясение охватило людской поток, ищущий спасения. Всякий норовил пролезть вперед, определить рядом стоящих; все слышали жалобные возгласы: «У меня лежачий больной!», «У меня грудной ребенок!», но начать хотели, быть бы живым самим.

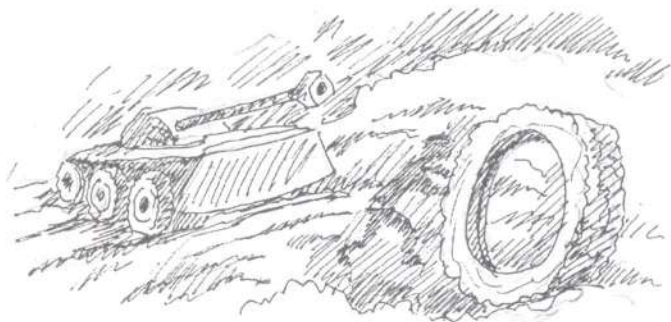
Отовсюду слышались рассказы о бомбардировках Сенаки и Поти - один страшнее другого; говорили о выложенных трупами бетонных трапах аэропорта и морского причала; но туда и близко не подпускают.

У «БТР»ов стоят российские солдаты и у всех вокруг спрашивают документы, а вынешь удостоверение личности, и не смотрят, видимо, читать его неприятно.

Уча с Кочойей решили податься назад, но оказались так зажаты в ряду, что вырваться отсюда не представлялось возможным.

Выехав из Кутаиси в полдень, они добрались до Поти только к часу ночи.

Хозяин дома Моргошия ночью их дальше не отпустил - опасно. Да и самим им не до езды было. Утром они загрузили машину, и когда при-

близилась к выезду из Поты, им посоветовали взять курс на Ахалкалаки - так относительно безопаснее.

Совету они вняли.

По пыльной, чадающей дороге, бледные и изможденные, наконец, они добрались до Бакуриани, но продолжили путь не по цалкской ветви, а по боржомской - переехали на Хашури. А все потому, что на перекрестке стоял одноногий дядька с костылем и всем говорил - езжайте на Гори, там мост восстановили.

Как выяснилось позже, врал дядька.

Пять часов ехали они по джавახетско-ахалкалакской дороге и не встретили ни одного человека, говорящего по-грузински. Встречные граждане Грузии и по-русски не могли толком объяснить им - куда дальше ехать. Зато, увидев бидоны, увязывались за машиной. Я думаю, они больше надеялись получить бидоны в подарок, покупка вряд ли входила в их планы. Как только они съехали с малого перевала к Гори, тут же были остановлены, у первого же «БТР»а. Два курносых автоматчика влезли прямо в машину. Владельцев легковушки даже взглядом не удостоили. Переговариваясь между собой, принялись перетаскивать бидоны в зеленый «Вилис».

Уча с Кочойей заголосили, как можно громче. Бегали туда-сюда, просили-умоляли солдат, но все как об стенку горох.

- Знаешь, в чем дело? Не мои эти проклятые бидоны, будь они мои, отдал бы, без вопросов, да мне их перевезти поручили! В Тбилиси везу. Где у меня деньги, пропажу их оплатить! Не погубите! Будьте людьми! - Кочойя плакал горячими слезами.

Солдату надоело смотреть на его корчи, он обратился к капитану.

- Что он хочет? Что ты хочешь?! - повернулся к Кочойе капитан, без шлема, а лицо ему так напекло солнцем, что оно покраснело, точно как задница одного безвредного человекоподобного животного.

- Знаешь, в чем дело? - теперь Кичо умильно смотрел уже на капитана, - не мои эти бидоны, мне их поручили перевезти из Поты. Возьмите хоть три штуки, если очень вам нужно, а остальное верните!..

Капитан слушал, слушал и, кивнув в знак того, что все понял, коротко отрезал:

- Пошел на хуй!

Солдаты пнули сапогами опустошенный «Жигуль»:

- А ну рулите отсюда, пока ваш гнилой драндулет не сбросили в Хра-ми.

Утирая слезы. «герои» побрели от греха подальше.

- Это так мы удостоены удела Божьей Матери? - застонал Кичо.

- Вот это скажи... Чей мы удел и чей выбор - я хорошо вижу...

До взорванного моста они не доехали. Свезли машину с дороги и пошли пешком.

Близ Гори измученные, навоевавшие досыта парни, с нахмуренными, обозленными лицами шли группами, никого не останавливая и не отвечая на вопросы - «Что там творится?».

За Домом-музеем Сталина, на площади, стояли еле живые беженцы, с наскоро собранными сумками-узлами, и поминутно вперяли взгляды в небеса.

- Уважаемый, - обратилась к Уче милovidная пожилая женщина в черном. - Скажите, вернут ли нас по домам до вечера?

- Сами вы откуда? - спросил Уча с таким видом, будто в деталях разбирался в вопросе возвращения.

- Из Тквиави я, в семи километрах отсюда... Как не знать вам Тквиави.

Уча кивнул головой.

- Знаешь, почему я спрашиваю? Я скотину не кормила, и двери хлева запертыми оставила. Спозаранку как начали бомбить, я детей в охапку - и бежать. А если не вернусь сегодня, сгинет ведь скотина от жадьи. Три коровы у меня, одна другой лучше. О свинье да курах уж и не говорю.

- Как же вы сегодня вернетесь, уважаемая, там всю войну жарит. И как же вы, уважаемая, оставили скотину взаперти? Надо ж так опростоволоситься, - вступил в разговор высокий военный с рюкзаком.

- Ой, горе мне... Ой, горе мне... - запричитала женщина, до того еще надеявшаяся, что если не сегодня, то уж завтра утром непременно вернется под родной кров.

Долго они бродили по Гори. Кому пожитки помогли перетасчить, какое-то время носились с ведрами, зачерпывая воду из цистерны и заливая загоревшиеся дома.

Кочоя хотел возвратиться в Тбилиси, но надежды на восстановление дороги рухнули, когда комендант, проезжая на своей машине,

велел беженцам: по возможности, собраться и идти в городскую управу, получать помощь на первое время. Дорогу на Тбилиси раньше, чем через два дня, не откроют.

Когда они шли назад к машине, Уча вдруг развернулся и помчался к беженцам. С трудом отыскал затерявшуюся среди детей женщину в черном.

- Уважаемая, это у вас коровы взаперти остались?

- У меня, уважаемый, у меня...

- Вы в какой части Тквиави живете?

- Там же... Прямо у въезда. Четвертый двор мой. Справа, «Павлиашвили» на воротах написано. Если вообще ворота остались, кто-то говорил тут, полдеревни спалили.

Ничего не сказав, он вернулся к Кочоие.

- С кем ты говорил? - спросил Кочоия.

- Да ни с кем, считай, с кем тут говорить, у всех одна беда...

- Что делать будем?

- А что нам делать, повернем назад, в Кутаиси. Если получится.

- А что я этим людям скажу, - голос Кичо смешался со стоном.

- А что ты должен сказать? Во-первых, неужели они не знают, что дороги до Тбилиси нет. Во-вторых, война, батенька. Скажешь - случилось вот. Он же грузин, грузина поймет, как же иначе.

Какое-то время они молча следовали по дороге.

- Кичо, - Уча вдруг остановился. - Подожди меня в машине, я через час-полтора вернусь.

- Куда тебя несет среди ночи, с ума сошел?

- Знаешь, какое дело... Тут, в Тквиави, у меня старый друг живет.

Раз уж я здесь, загляну к нему, может, в беде человек.

- Какое время в гости заглядывать, не видишь, что вокруг творится?!

- Нет, нет... Я должен его повидать, он много добра мне сделал.

- Куда я тебя в эту суматоху отпущу? Что ты затеял, не с той ноги встал, что ли... Придется и мне с тобой попереть...

- Нет, нет... Ты жди меня в машине. Иначе до утра ее обдерут как липку.

- Да что тут обдирать... Что можно было взять, уже взяли.

- Давай, всего хорошего. Сиди в машине, я пошел!

Уча свернул направо на тропинку и исчез во мраке.

Повеявший с запада ветерок чуть оживил душную августовскую ночь.

По дороге сновали машины. Кто-то уехал назад, кто-то завернул в близлежащие села.

На горизонте, меж черными покрывалами деревьев, изредка сотрясали пространство молнии орудийных залпов, за ними следовал внезапный грохот.

Иногда прочерчивали небо противовоздушные установки. Кичо откинул сиденье и попытался заснуть; к рулю не прикасался.

Петух закукарекал, долго не смолкал.

Уча не появлялся. Был уже пятый час утра, когда двое ребят принесли Учю, на сколоченных наспех носилках.

- Он в ногу ранен, мы из санитарной части, перевязали, как смогли, пули не должно быть внутри. Ниже колена прошла по мягкой части - насквозь. Ничего опасного быть не должно. Но хирург тут нужен срочно. В госпиталь в Гори везти - ни за что, чуть не убили, - перебивая друг друга, говорили ребята.

Кое-как втиснули его в машину.

Уча не стонал.

- Благослови вас Бог, мальчики, если бы не вы, изшел бы я кровью, - прерывисто, тяжело говорил Уча. - Имена-адреса хоть скажите ваши, - просил он.

- Встретимся, встретимся, если живы будем, - парни сбросили носилки в бурное течение Храми и зашаркали по асфальту.

Кичо направил автомобиль в сторону Сурами.

- Больно?

- Терплю.

- Где тебя все-таки носило? Как ранило?

- В Тквиави я спустился. Женщина, помнишь, жаловалась - скотина в хлеву привязана...

- Я тогда же сообразил. Ты в своем уме был, когда туда поперся?

- Не было мне покоя. Умом тронуть ночью, думал, хочешь - так сердце расколется, хочешь этак. Это жутко - когда скотина забыта на привязи, жутко, Кочойя...

- А потом?

- Нашел в конце концов этот дом Павлиашвили... Прокрался во двор, поблизости - ни души. Скотина мычит. Вокруг дома пылают, но этой женщины дом уцелел. Выпустил я коров, кур, свиней, всю живность, в общем. Собака на меня не лаяла, сообразила, наверно, что не дурное дело я замыслил. Перегнал я эту живность в сад, понимаешь ты ли, а как повернул назад, заметил - мелькнул кто-то, я думаю, снайпер стрелял...

- Что там происходит? Что ты разузнал?

- Врагам моим видеть, что там творится, Кочойя, апокалипсис как он есть, грабят дома и поджигают. У покинутых домов стоят осетинские бортовые машины и все добро несчастных хозяев грузят без зазрения совести.

- А русские?

- А русские не отстают.

- Ладно, позже поговорим. Кровотечение остановилось? А то в Зе-

стафони можно заехать.

- Не хочу, не надо. Отвези меня в Кутаиси, прямо в военный госпиталь. Там дежурные хирурги будут, потом домой отвези. Маме скажи, чтобы Гулнази не рассказывала ничего, ей своих тревог хватает.

- Каких?

- Зятя моего призвали восьмого, кто знает, что с ним теперь...

- Ладно... Довольно тебе... Все будет хорошо. Спасибо скажи, что так отделался.

- На кой мне черт отделяться, разорена страна, разрушена, что видели мои глаза сегодня... Хоть бы не быть мне на этой дороге... Кончилась Грузия, и какой он теперь президент, этот свихнувшийся.

Помню визг и гвалт мятежников, мчавшихся в автобусах в Тбилиси. И чего это было увязываться за Шореной, Кочойя?

- Знаешь, когда я в первый раз понял, что дело наше пропашее? Когда мы свергли Шеварднадзе, а нам в тот же вечер заявили - теперь по домам, баиньки, недотепы.

Над перевалом расстилалась кромешная ночь.

Лишь изредка проезжающая машина выхватывала фарами вершины деревьев. Завидев встречного, гасили фары, прокладывая путь в чужом свете.

В «Жигулях» сидели двое.

Кочойя время от времени посматривал на лежавшего на сиденье раненого.

- Уча.

- Да.

- Больно?

- Да.

- Не тошнит?

- Нет, не волнуйся, просто голос подавай иногда, чтоб не заснуть мне.

- Не бойся, не заснешь, Шорапани уже проехали, скоро будем на месте.

Вставленные в «торпедо» автомобиля часы работали, не останавливались, но за временем все же не успевали. За сутки отставали на час-полтора и окончательно махнувший на них рукой хозяин уже не управлял часом. По этой простой причине Кочойя Хварагиани не знал-не ведал, какой они показывают год, месяц и час.

Нога вскоре зажила, но поскольку улучшением жизни простого человека и не пахло, а в деле по свержению президента мы уже не были

новичками, то решили ехать скидывать Саакашвили.

Короче говоря, двадцать третьего апреля, в четверг, сразу же по прибытии в столицу, мы объявились в штабе на проспекте Руставели. Было почти уже девять утра, день выдался облачный, промозглый, какие нередки в Тбилиси. У нас весна в разгаре в это время ткемали уже отцветает.

А в Тбилиси - глазам не верю! - оказалось, весна протирает глаза лишь в конце мая.

Трое парней в форме пожарных спали рядком на столе. Головы чуть откинuty назад, пальцы рук переплетены на животах.

- Из Кутаиси мы, - извещаю проснувшихся после моего покашливания хозяев.

- Слушаем вас, - говорит один.

Голов они, сказать по правде, не поднимали.

Видно было, устали не на шутку.

- Это мы вас слушаем, - говорю.

- По известному делу прибыли, что нам теперь прикажете, где найдете применение, что поручите - спрашиваю. И добавляю для пущей убедительности: - Я - Уча Маглакелидзе.

Тройка переглянулась. Узнать, разумеется, не узнали (в делах революционных и они, как видно, были совсем зелеными), но все трое извинились, мол, вы по-другому выглядите, не признали сразу.

- Это Кочойя Хвадагиани, сосед мой, наш человек, - познакомил я дежурных главного штаба с Кочойей, о котором они, как я заметил, тоже представления не имели.

Кочойя погрузился в раздумья: «Что меня погнало на восстания да митинги? Когда это я, как Уча, гонялся за президентом с камнями, а потом получил по рогам, как баран зарвавшийся?»

А как было стерпеть?

Работал на мыльном заводе, за сто лари и два бруска мыла в месяц.

В один прекрасный день нам объявили: «Фабрика закрыта, идите по домам».

- Кто ее закрыл, как это так, куда теперь податься, чем мне троих детей кормить?

А мне в ответ: - Ты что, с Луны свалился, какая там еще мыльная фабрика - не видишь, автозавод закрыли, шелкоткацкий комбинат и стеклотару.

- А когда трое моих малышей с голоду умрут, с кого ответа спрашивать?

- С кого? С Саакашвили, - говорят.

Вот причина моего умопомрачения.

Год я терпел, тыкался туда-сюда, да сколько таких, мне подобных, бродят, обездоленные, по Кутаиси - авось, подвернется заработок.

Да где там работа, где там заработок... По горло сыт я был сплошным враньем - в парламенте враньем, в в горсовете враньем, в мэрии враньем...

Не выдержал - и увязался за Учей, президента свергать».

На проспекте Руставели нам с Кочойей поставили замечательную, новенькую - с иголки - камеру-палатку.

Постелили внутри, прямо поверх асфальта, двойные матрасы, и на палатке, по ту сторону, где Дом связи, крупными буквами вывели: «19».

После ночной дороги мы, наконец, преклонили головы и уснули.

Утром нас поднял на ноги рев из динамиков. Прямо рядом с нашей палаткой установили «усилитель», оглушавший весь Руставели.

Я подошел к радио-машине.

- Чуть потише нельзя?

- Не понял? - козлотородый вынул наушник.

- Сделай, ради Бога, потише, - взмолился я.

- Уважаемый, вы же делаете свое дело, вот и я делаю свое дело, - объяснил «специалист» по динамикам.

- Ну чуточку приглуши, здесь же люди, барабанные перепонки лопаются, - мягко, но категорично повторяю я.

Козлотородый покачал головой и показал мне спину.

А динамики все оралы, ничуть не тише, если не громче.

И каждый день с двух часов дня до поздней ночи бурлил тут митинг.

Море людей захлестывало проспект Руставели.

Снабжали нас следующим образом: поначалу дважды в день выдавали по «сухому пайку»: (хлеб, дешевая колбаса, вареное яйцо и три яблока) и по десять лари на нос. Потом перешли на одноразовый «сухой паек», а в конце концов и его отменили - совали по десять лари, предполагалось, что этого хватит.

Тянули лямку, как могли.

На первых порах народу в камерах поубавилось. По ряду вдоль нашей палатки шесть камер стояли пустыми. Раздатчиков денег мы не извещали об этом: «Только что здесь стоял, наверно, на перерыв вышел. Оставьте, мы передадим», - говорили мы им. То ли поддавались на хитрость, то ли сами были не прочь обмануться, но оставляли они нам деньги на три-четыре камеры. А больше нам и не нужно, не обжирались, не опивались, но и жаловаться было грех.

Ох, как «зажигали» наши лидеры!

Пусть никто не говорит, что в митинговом искусстве есть нам в этом мире соперники.

Так зычно-браво выступали ораторы, прямо дрожь пробивала толпу. Мне даже хотелось выкрикнуть: «Пожалейте Саакашвили! Проявите сострадание! Не сомневаюсь, что после твоей речи он непременно сложит полномочия, но как бы руки на себя не наложил!».

К восьми вечера, когда митинг шел на убыль, уши отдыхали, можно было перевести дух.

После каждого митинга начиналось большое народное гуляние.

«Победители» прохаживались по Руставели. Семечки-мороженое да чурчхела-пирожное сменялись как в калейдоскопе. Годами не видевшиеся друзья-приятели встречались там, шумно приветствовали друг друга.

На каждом шагу слышалось: «Хоть одну хорошую вещь Саакашвили сделал - наконец-то мы с тобой повидались!».

А после приветствий-обниманий проходили к «обитателям камер».

Смотрели на них как на львов в клетках: со страхом и восхищением. В глазах гулявших мы были подлинными героями.

Нас подбадривали, нас окружали лаской и вниманием, но заночевать в пустых палатках рядом с нами все же не решались.

Иногда объявлялись «узнаваемые лица» (с этим термином я познакомился здесь). Их сопровождали теледевички и парни-аппаратчики. С извинениями нас выводили из палаток-камер, заводили туда почетных гостей, располагали, снимали на видео пару-тройку проклятий, озвученных ими в адрес Саакашвили и добавленных к прозвучавшим на вчерашнем митинге, после чего знаменитости покидали палатки.

Месяц спустя митинг заметно разжижился, но уличные проплешины заполнили новыми полиэтиленовыми камерами.

Центр Тбилиси размеился палатками-камерами.

Непонятно было, как они так, на скорую руку, умудряются штамповать эти камеры и откуда берут столько полиэтилена-целлофана.

А после полуночи к этим камерам стекались пропойцы и шлюхи, которые похотливо клеились к «домикам», где многих уже ждали.

Мы с Кочойей по ночам отсыпались; поначалу удавалось отбиться от «непрощенных» гостей. Но со временем - мужскую плоть не обманешь - пошли гулять по девочкам, благо, палаток пустых вокруг да около хватало, да и кто бы стал нам мешать. А одна была такая красивая и так томно постанывала, учащая дыхание, как первородившая нетель, что вышвырнул я эту проклятую резинку. «Зачем она мне, девочка, говорю, от тебя если даже свиной грипп подхватю, горевать не буду, такая ты прелесть». А она мне: «Я от тебя боюсь подцепить, а за меня будь спокоен, месяц только как я этим делом занялась». Напрасно я об этом говорю, но мы же мужчины, все бывает. Обрадовался, узнав позднее, что создала она семью, не оказалась на дне жизни, чистая душа.

Не прошло и двух месяцев, как, чего и следовало ожидать, призадумались - и я, и Кочойей.

- Что-то не получается задуманное, - побряхтывали мы время от времени, - а то ведь предыдущего президента палаточной осадой не скидывали, в два дня все закончилось.

- Да, но, наш ночлег здесь каким образом может привести к его отставке - там, - вслух недоумевал Кочойя.

- Уйдет, уйдет, ты Хаиндрава учить будешь? Он же в этих делах мастак. Наши познания-опыт в таких делах в одном его мизинце уместятся, - говорил я и «успокаивал» его, хотя в последние дни не верилось, что у Хаиндрава (или любого другого лидера) в мизинце умещалось ума поболее нашего.

У меня был мобильный, и раз в десять дней я давал Кочойе позвонить жене.

«Составь список родственников-знакомых и обойди всех, деньги позанимай, недолго ждать осталось, это дело скоро кончится, приеду с победой», - обнадеживал он свою вторую половину.

Последние звонки повергали его в отчаяние.

В трубке клокотал остервенелый рев, нет, даже рык супруги: «Чтоб тебя Всевышний там и оставил, сюда не возвращал! Бездельник ты, мерзавец-негодяй! Эти дети что, только мои, не твои они?! Я завтра в полицию пойду, пусть патруль тебя привозит! Связанными вас надо назад везти обоих, тебя и этого ветрогона Уччу Маглакелидзе!».

«Слушай, женщина, я здесь по делу, я же не попрошайничаю, думаешь, мне в радость два месяца в этой палатке торчать?» - орал в ответ Кочойя, но жена успевала брякнуть трубку и обоснованных возражений супруга, как правило, не слышала.

Закаленный мой соратник Кочойя постепенно отбивался от рук.

Разочаровавшись в вождях оппозиции, он замкнулся в себе и, чего греха таить, стал прикладываться к бутылке.

Пойдет, принесет водки, а поскольку я ее не пью и, соответственно, не гожусь в «собутельники», совал ее подмышку и уходил к другим палаткам.

К полуночи приходил вдрабадан пьяный, валялся и спал до утра беспробудно.

Пьяницы вообще встают рано и с серьезными лицами принимаются бегать по своим питейным делам.

18 июля я проснулся от тряски. Вскочил с матраса. Кочойя уже ушел лечить похмелье.

Выбегаю наружу.

Нашу камеру ухватили четверо непереодетых патрульных - и раскачивают всюю.

Сердце екнуло.

До сих пор вокруг нас околачивались одни переодетые полицейские, а теперь, раз они так в открытую пристроились, значит, неспроста.

Тем временем они оторвали от асфальта прибитую к нему гвоздями палатку и потащили ее к спуску у Первой гимназии.

Смотрю - такая же участь постигает и другие камеры-палатки.

Вот влип так влип.

Хоть бы Кочойя был рядом. Я же не полезу на патруль.

- Что вытворяете! Куда тащите нашу камеру?! Кто вам дал право?! Мы мирные палаточники, - присоединился я все же к словам, которые выкрикивали и другие.

- Передвигаем, - отвечают.

- Зачем передвигать, разве они плохо здесь стояли?

- Высокий гость приезжает, в глаза ему бросится.

- Подождите, подождите! Это не моя палатка, что я скажу тем, кто ее выдал, поставил?

- К нам отсылай.

- Да, но, вы что, ребята, это так понимаете демократию? Не стыдно вам? - взывал я к советам патрульных.

- У нас приказ, а то какая нам радость таскать ваши засаленные матрасы.

- А когда гость уедет, поставите опять палатки на место? - как утопающий, хватался я за соломинку.

- Иди, иди, дядя, делом займись.

- Что значит «делом займись», а здесь я два месяца не делом занят? - бью я будто бы на жалость.

- Ты с чего это так раскудахтался? Щас запихну тебя в машину, и посажу, как мышонка в мышеловку, в отделение. Потом получишь пару раз по шее - и на тридцать суток у параши, - пригрозил мне патрульный, и по глазам его было видно, что слово свое сдержит.

Я отошел.

А что было делать?

Выше головы не прыгнешь.

В тот же вечер мы с Кочойей вернулись в Кутаиси.

Да, забыл сказать, перед отъездом мы заглянули в штаб, там оказался один из трех дежурных, на бобрика похожий, встретившийся нам в первый же день.

Сейчас, говорит, сочли нужным так повернуть дело, такую тактику и стратегию выработали. В сентябре опять вас позовем.

- Насчет тебя не знаю, но я сюда на их призыв носа не покажу, - заявил Кочойя.

Да и они, между нами говоря, никого призывать не собирались, просто к слову пришлось.

- Я, уважаемый Лаврентий, уж так устроен, что надежды никогда не теряю.

Душа позвала, и через два месяца я вновь вернулся в Тбилиси.

Первое время на акции не появлялся.

Не знаю, как-то никогда не верилось, что митингами можно чего-либо добиться, потому и не пошел.

И без меня хорошо поорут, и без меня от души правительство отчехвостят, - думал я и поленился туда тащиться.

Не забывал также, что в последнее время меня беспокоит сердце, поэтому предпочитаю сторониться людских скоплений.

А если вдруг сердечко прихватит, кто тебе внимание уделит? Переступят, если не растопчут.

И все же в итоге я вышел к зданию телевидения.

В три дня народу поубавилось; пожалел я вождей протестной акции и присоединился к жиденькому сборищу.

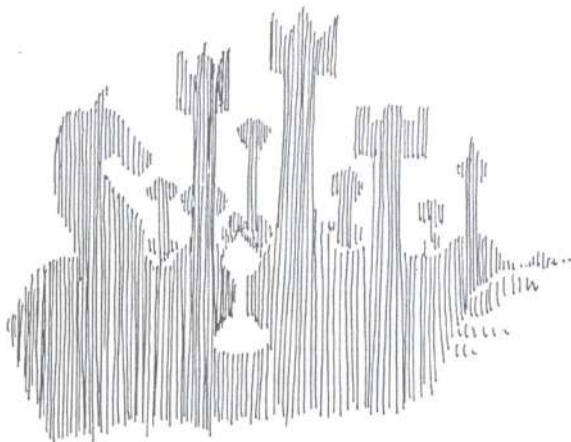
Поверь, уважаемый Лаврентий, какой из меня воитель, разрушитель и низлагатель правительства, да и все, кто там собрался, включая вещателей с микрофонами, не были способны хотя бы припугнуть правительство.

От кого - от Нонны Гаприндашвили, от Гоги Кавтарадзе или Резо Эсадзе ждать, что кого-то вытянут с размаху дубинкой по башке. Из них-то какие террористы-революционеры?

Сначала призвали перейти на Площадь Свободы и продолжить митинг там.

Осмотрелся я, огляделся, потолкался-потеснился, много-много насчитал человек четыреста-пятьсот, не более.

Приблизились к зданию парламента, где были плотно сколочены подмости в связи с завтрашним парадом, и некто (по виду - ни кола, ни двора), кричал: «Давайте здесь пристроимся!».

Сказать по правде, устали люди за три дня бесконечного стояния на ногах, и все мечтали где-нибудь присесть.

Устроились на дощатом строении, отлично-превосходно.

Видел когда-нибудь сидячую революцию?

Что потерял я, давно разменявший шестой десяток, ночью на улице? Не уместился в собственной постели? - спросишь ты.

Не уместился.

Для меня эта протестная акция была средством избавиться от образа, скуки, а более ничем, клянусь душой отца. Оппозиционный загал во мне тогда уже заметно приугас.

Мы же все театрализуем.

Лишь бы зрелищ грузина не лишали, он и в ад за ними не погнушается сходить.

Поротозействую, развлекусь чуток, думал я - и домой потопая.

Так вот и стоял в сторонке, глаза на происходящее. Не охотник я до участия в «массовках», не охотник стучать себя кулаком в грудь.

Думал: как бы в этой суматохе обувь не потерять - на ноги наступали нещадно.

И выступления ораторов слушал я вполуха.

Ну что они бы сказали нового?!

В половине двенадцатого хлынул ливень как из ведра.

Разогнало потоками дождя это уличное собрание - и без того участников там было с бору по сосенке.

Кое-кто попрятался под деревьями и под навесами подъездов, кто-то покрыл головы целлофановыми пакетами.

Вещатели стояли под перекрытием трибуны-грузовика и то с тоской вперяли взоры в разверзшиеся хляби небесные, то устремляли взгляды на поредевший митинговый люд.

В первую же минуту я вымок до нитки, так что удирать с площади все равно не было никакого смысла. Дождь влез мне даже в карманы; вокруг стояли сплошные лужи.

Со стороны Площади Свободы резкий несуразный барабанный перестук.

Все разом повернулись в ту сторону.

Стуча по пластиковым щитам резиновыми дубинками, в нашу сторону направлялось многочисленное полицейское подразделение.

Дождевые капли искрами отскакивали от их шлемов-каскасов.

Приблизившись ко Дворцу учащихся, отряд разбилась надвое, и с середины проспекта в нашу сторону двинулись четыре огромных машины, каким-то черным саваном укутанные.

Машины на мгновение остановились, захрипели, и вдруг из глоток, похожих на прожекторы, участников митинга окатило потоками из «воджетов».

Я подхватил с земли кем-то брошенный зонтик и выставил его щитом. Какая же сила у воды... Мощная струя вмиг разорвала зонтик в клочки.

Люди разбегались, воля и матерясь.

Зальет поток подъем, смежный со школой, и тут же отхлынет, люди бегут, а перед Домом правительства их встречает другой отряд, колотя дубинками и страшно матерясь.

Метелят по головам да спицам беспомощных людей, угощают тумачами да пинками... То головы, то задницы прикрывая, «революционеры» неслись по спуску Пурцеладзе, где их встречал новый спецназ и гнал в хвост и в гриву, посреди улицы.

Достаточно на миг притормозить, чтобы спросить у с головы до пят замаскированно-забронированного полицейского : «Куда бежать, как, развернувшись, он тебе так всыпет - спины не разогнешь».

Обезумевшим стадом скота, загнанного в тупик, ревели под ударами дубин бегущие, кидаясь из стороны в сторону, смыкаясь в круги, плача, подвывая, умоляя выпустить из кольца, но не заметил я ни капли внимания к их мольбам, ни малой толики сочувствия или жалости.

Бревнами стоят на площади, до кого достанут из мечущихся беспорядочно, избыют до посинения, скуют наручниками - и швыряют ничком в эковоз.

В этой суматохе-сутолоке я кое-как дополз до решеток ограды Дворца учащихся и, приметив четыре чудища с дубинками, двинувшихся в мою сторону, повернулся к ним:

- Я здесь случайно оказался, не подскажите, куда податься,- спрашиваю у приблизившихся.

- Случайно? Вот так, совсем случайно?! - передразнил меня спецназовец. - Еб твою мать случайно! Мать твою случайно!

И лупит, и лупит меня дубинкой.

Он бил меня с нечеловеческой силой, не порол, не наказывал, а просто убивал.

Закрыв ладонями голову, согнувшись колесом, затрусил я к ступеням дворца.

Кости мне все переломать - и одного этого качка хватало бы, но к нему и те трое присоединились, и дубасили меня, уже лежачего.

С прерывающимся от воя и рыданий голосом, искусанными от боли губами, ухватили они меня за плечи, бросили на лестницы и продолжали дико избивать.

Придя в сознание, я обнаружил себя связанным и брошенным лицом на каменные плиты; за шиворот затекали дождевые струи.

Осмотревшись по мере сил, я увидел вокруг множество людей в таком же положении.

Среди лежавших уткнувшись лицом в землю, беспомощных участ-

ников митинга, вышагивали полицейские, и всех, кто был еще в состоянии приподнять голову - сапогом по пузу - чего кобенишься, мать твою так и так.

Рот наполнялся влагой небесной, трудно было дышать.

- Я кутаисец Уча Маглакелидзе, я здесь оказался случайно, мне плохо, колет сердце, будь человеком, свяжи мне хоть спереди руки, - умолял я карателя - дракона со щитом.

В ответ получил по голове и шее трижды, с такой силой, с какой валят с ног скотину обухом на бойне.

Хорошо еще, что сознание потерял. И других бесчинств от своих разнузданных соплеменников не увидел и не почувствовал.

Пришел в сознание в патрульной машине.

Доставили меня в полицейское управление, а там, как видно, заключенные не умещаются, вот и перевезли меня прямо сюда, в семнадцатый.

Теперь я с тобой сижу, а что дальше будет - не ведаю.

Учу Маглакелидзе увели через неделю.

- С кем-то очная ставка у тебя, на всякий случай выходи с вещами, может, и не вернешься сюда, - предупредил надзиратель.

Заключенные шагают в две встречные шеренги.

«Прогулочная дорожка» узка, все друг друга видят, приветствуют, несмотря на запреты...

Проходит Лаврентий.

Голова опущена, шаркает, походка уставшего человека.

Ничто не вызывает его интереса, позавчера ему присудили пять лет.

В поле его зрения - только пятки заключенного, идущего впереди, и ничего более.

- Лаврентий!

Знакомый голос. Лаврентий поднимает голову. Мимо него в шеренге шагает среди заключенных президент.

Он остолбенел, взгляд застеклился. Нет, это не привиделось.

Это и вправду он.

Непослушная прядь еще более спутана. Одет в полосатую тюремную пижаму. На лице та же придурковато-наглая улыбка. Протягивает руку Лаврентию.

В это время идущий сзади толкает президента, возвращая его в строй.

Лаврентия прошибает холодный пот.

Он должен его увидеть, должен добраться до него.

Он должен посмотреть ему в глаза и сжать руками его горло.

- Родные, золотые, пропустите! Очень важное дело!

Кто-то отступает, кто-то заслоняет дорогу, кто-то ногу подставляет.

У нас у всех здесь одно дело - воздухом подышать.

Продвигается, протискивается Лаврентий, и чем дальше вперед, тем ближе видит он плечи президента и его взъерошенный чуб.

Вот-вот уже и сровняется, чуточку еще... Два шага осталось.

И тут раздается звонок.

Время прогулки вышло.

- Одну секунду, одну секунду! Дело у меня! - хрипит Лаврентий и... просыпается.

В горле у него клокочут слезы, его трясет с головы до пят от досады, что все это было только сном.

ЭПИЛОГ

Спустя месяц после выборов Лаврентия Микава освободили из заключения.

Ему было выдано удостоверение политического заключенного и принесены извинения от имени суда за то, что он стал жертвой самоуправства властей.

В тюрьме Лаврентий отсидел почти два года.

О восстановлении на работе и компенсации по зарплате и речи не могло быть.

Он и теперь безработный. Но разве он на это жалуется? Главное, он на воле.

Вы можете его встретить ежедневно, в сквере на спуске к метро «Руставели», можете поговорить с ним, но своего тюремного прошлого он вспоминать не любит.

Он теперь уличный фотограф и этим зарабатывает на жизнь.

А президент?

Еще до выхода на свободу Лаврентий знал, что президент удрал за границу.

Тбилиси,
2016 год.

«Белка в колесе» - второй роман классика современной грузинской литературы Реваза Мишвеладзе.

Его первый роман - «Человек, отвыкший от шепота» (2011), был назван лучшим романом года.

«Белку в колесе» Реваз Мишвеладзе написал в 75-летнем возрасте.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. «Имеди» («Надежда») - грузинская телекомпания, с.5
2. Техури - река в родном селении героя, с.11
3. Ледзадзама - населенный пункт в Западной Грузии, с.11
4. Самтредиа - город в Западной Грузии, в 27 километрах западнее Кутаиси, с.11
5. Кутаиси - столица Западной Грузии, регион Имерети, исторически вторая столица страны.
6. Мартвили - город в Грузии (край Самегрело-Верняя Сванети), с.11
7. Джавахишвили Михаил (1880-1937) - один из лучших грузинских мастеров жанра крупной прозы, репрессирован, посмертно реабилитирован, с.14
8. Хони - город в Имерети, с.14
9. Бжера, Чкони - селения в Имерети, с. 14
10. Ниношвили Эгнатэ (1859-1894) - грузинский прозаик, с.18
11. Кавкасиони, он же Кавказский хребет - горная цепь, разделяющая Северный и Южный Кавказ, с.33
12. Цулукидзе - Александр Цулукидзе (1876-1905), революционер, с.40
13. Трон царя Ираклия - Ираклий II (1720-1798), царь Кахети и Картли-Кахетинского царства (1762-1798). В 1783 году заключил «Георгиевский трактат» с Российской империей, с. 69
14. Диоскурия - местечко в СССР близ Сухуми (Автономная республика Абхазия, Грузия). В древности Сухуми назывался Диоскурией. с. 79
15. Чоха, чоха-архалук - национальная грузинская мужская одежда, с. 79-80
16. Саколия - близлежащий к месту действия эпизода населенный пункт, с. 86
17. Джапаридзе Уча (1906-1988), грузинский живописец и график, с. 88
18. Цкалтубо - курорт близ Кутаиси, один из самых популярных в бывшем СССР. Термальные воды Цкалтубо применяются для лечения около 70 заболеваний, с. 89
19. Мчади - грузинская постная лепешка из кукурузной муки, с. 89
20. Гурджаани - город в Восточной Грузии, регион Кахети, известен традициями виноградарства и виноделия, с. 91
21. Саингило - исторический грузинский регион, отошедший к Азербайджану, с. 113
22. Вазиани - грузинская военная база, расположенная в 25 км. от Тбилиси. Бывшая 137-я военная база министерства обороны России, с. 114

23. Сациви (курица или индейка в ореховом соусе); хашлама (вареная грудинка с чесноком); чкмерули (молодая курочка, жаренная в чесночном или комбинированном соусе); пхалеули (овощная закуска из свеклы, шпината и др.); гоми (кукурузная каша) - блюда национальной грузинской кухни, с. 118

24. Гудаута - курортный город в Абхазии, с. 132

25. Сурбсаркис - День святого Саркиса, праздник, отмечаемый в Армении в конце января-начале февраля, с. 136

26. Удзо - живописная дорога, окаймляющая горный пригород Тбилиси - Цкнети, дачный поселок обеспеченных граждан, с. 140

27. Давид Агмашенебели (1089-1125) (Возобновитель), известный в России под именем Давид Строитель (перевод неточный) - самый успешный в истории Грузии царь, объединивший грузинские княжества в централизованное государство, с. 142

28. Сакария - район в Кутаиси, с. 143

29. Схавелели - пригород Кутаиси, с. 145

30. Тхибули - город в горном регионе Рача, с. 147

31. Микел-Габриэл - архангелы Михаил и Гавриил. В Грузии, согласно народным поверьям, считаются одним ангелом, который приходит за душами умерших, с. 149

32. Риони (в античной мифологии - Фазис) - одна из крупнейших рек Южного Кавказа, течет вдоль Кутаиси и впадает в Черное море у города-порта Поти, с. 155

33. Чечелашвили Отари Григорьевич (1923-1959), летчик-истребитель, Герой Советского Союза, с. 155

34. Броцеула - окраина Кутаиси, с. 156

35. Сараджишвили Давид (1848-1911) - грузинский предприниматель и ученый, основатель коньячного производства в Грузии, завещавший Союзу писателей Грузии особняк, силой отобранный в пользу правительства посткоммунистическими властями, с. 159

36. Гуриец - житель Гурии, западногрузинского административного края и исторической области, с. 160

37. Чавчавадзе Илья (святой Илья Праведный) (1837-1907) - писатель и общественный деятель, духовный отец современного грузинского общества; в 1987 году канонизирован Грузинской Православной Церковью, с. 163

38. Жвания Зураб (1963-2005) - премьер-министр Грузии в 2003-2005 гг. Погиб при невыясненных обстоятельствах, с. 163

39. Абашидзе Григол (1914-1994) - писатель-академик, Первый секретарь Правления Союза писателей Грузии, с. 163

40. Шалико - Шалва Нателашвили (род. 1958) - лидер оппозиционной Лейбористской партии Грузии, с. 164

41. Бурджанадзе Нино (род. 1964) - государственный и политиче-

ский деятель, в 2001-2008 гг. - председатель парламента Грузии, в 2003-2004 и 2007-2008 - исполняющая обязанности президента Грузии, с. 164

42. «Асавал дасавали» - название газеты, идиома, режущая ухо носителя русского языка, приблизительно - «Всякая всячина», с. 165

43. Одишвили Васико - оппозиционный телешоумен, с. 165

44. Рамишвили Шалва - оппозиционный тележурналист, с. 165

45. Сигнаги - город в Восточной Грузии, привлекательный для туристов, с. 165

46. Местиа - высокогорное селение, культурный и религиозный центр высокогорной Сванетии, с. 165

47. Тамара - царица Тамара (1166-1213), с именем которой связан один из лучших периодов в истории Грузии, именуемый «золотым веком», с. 166

48. «Моамбе» («Вестник») - новостная программа грузинского телевидения, с. 172

49. Соломон II (1772-1815) - последний имеретинский царь, с. 173

50. Шови - высокогорное село, бальнео-климатический курорт, с. 173

51. Чавчавадзе Гулбаат - легендарный грузинский тамада, привел в восхищение и был приглашен ко двору императором Александром III, с. 178

52. Глдани - окраина Тбилиси, с. 182

53. Парцханаканеви, Квитири, Надиквари, Тенави, Руиспири - поселки и селения в Восточной Грузии, с. 187-189

54. Алазани - река на востоке Грузии, с. 188

55. Самурдзакан - одна из исторических земель в Абхазии, с. 191

56. Саирме - оздоровительный курорт к югу от Кутаиси, в Багдатском районе. Багдати (бывший Маяковский) - город в 25 километрах от Кутаиси, родина поэта Владимира Маяковского, с. 192

57. Церетели Акакий (1840-1915) - грузинский поэт, идейный предводитель национально-освободительного движения, с. 195

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

Руководитель проекта
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ
заслуженный артист РФ

Реваз Мишвеладзе

БЕЛКА В КОЛЕСЕ

Роман

Над книгой работали
НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ
ЕЛЕНА ГОЛОШЕВСКАЯ
АЛЕНА ДЕНЯГА
ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Перевод с грузинского
ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ

Художник
АРЧИЛ КУХИАНИДЗЕ

R2 359.549
3
საქართველოს
ბიბლიოთეკა

«Белка в колесе» – второй роман классика современной грузинской литературы Реваза Мишвеладзе.

Первый роман «Человек, отвыкший от шепота» (2011) был объявлен лучшим романом года.

Реваз Мешвеладзе написал «Белку в колесе» в возрасте 75 лет. Роман представлен на соискание Нобелевской премии